

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

ДИКАЯ
РОЗА

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА «ЧАЙНАЯ РОЗА».
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

The Big Book

Дженнифер Доннелли

Дикая роза

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Доннелли Д.

Дикая роза / Д. Доннелли — «Азбука-Аттикус», 2011 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19903-3

1914 год. Лондон накануне Первой мировой войны. Шейми Финнеган, теперь уже известный полярник, женится на красивой молодой учительнице и всеми силами пытается забыть свою юношескую любовь Уиллу Олден, которая бесследно исчезла после трагического происшествия на Килиманджаро. Однако прежняя страсть вспыхивает с новой силой, когда бывшие влюбленные неожиданно встречаются, но у судьбы свои планы... В «Дикой розе», последней части красивой, эмоциональной и запоминающейся трилогии, воссоздана история обычных людей на фоне мировых катаклизмов. Здесь светские салоны и притоны Лондона, богемный Париж и суровые Гималаи, ледяные просторы Арктики и пески Аравийской пустыни. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19903-3

© Доннелли Д., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	58
Глава 10	60
Глава 11	63
Глава 12	66
Глава 13	70
Глава 14	74
Глава 15	78
Глава 16	80
Глава 17	85
Глава 18	89
Глава 19	92
Глава 20	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дженнифер Доннелли

Дикая роза

Jennifer Donnelly
THE WILD ROSE

Copyright © 2011 by Jennifer Donnelly

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

thebigbook.

The Big Book

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. Б. Иванов, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Саймону Липскару и Майе Николит

*Мы покоряем вовсе не горную вершину, а самих себя.
Сэр Эдмунд Хиллари*

Пролог

Август 1913 года. Тибет

Интересно, неужели все английские девицы занимаются любовью, как мужчины? Или только эта?

Такой вопрос задавал себе немецкий альпинист Макс фон Брандт, в темноте и поглаживая волосы молодой женщины, лежащей рядом. В его жизни было много женщин. Нежных, податливых. Потом они цеплялись за него, выклянчивая ласковые слова и обещания. Эта женщина отнюдь не была нежной. Да и сама их близость не отличалась нежностью. Все произошло быстро, жестко и без прелюдий. Затем женщина отвернулась, свернулась калачиком и вскоре уснула.

– Вряд ли любые мои слова заставят тебя остаться, – сказал Макс прежде, чем она погрузилась в сон.

– Да, Макс. Не заставят.

Он лежал на спине, смотрел в темноту и слушал, как дыхание женщины замедляется и становится глубже. Ему не спалось. Да он и не хотел спать. Ему хотелось растянуть эту ночь подольше, запомнить навсегда. Запомнить ощущение этой женщины, ее запах, шум ветра и пронизывающий холод.

Около месяца назад он признался ей в любви, и это не было пустыми словами. Впервые в жизни он полюбил. Женщина засмеялась. Потом, видя, что смех задел его, поцеловала Макса и покачала головой. Этот жест означал «нет».

Ночь пролетела быстро. Женщина поднялась еще до восхода. Пока Макс смотрел в сумеречное пространство, она оделась и тихо выскользнула из палатки.

Просыпаясь, Макс никогда не находил ее рядом. Она всегда покидала палатку, пещеру или любое иное их временное пристанище еще до рассвета. Поначалу он искал ее и всегда находил сидящей на высоком, уединенном месте, окруженном тишиной. И всегда ее лицо было устремлено к предрассветному небу и гаснущим звездам.

– Что ты высматриваешь? – спрашивал Макс и тоже поднимал глаза к небу.

– Орион, – неизменно отвечала она.

Через несколько часов она уйдет. Потом он без конца будет думать об их первом дне, проведенном вместе, потому что это единственные воспоминания, которые у него останутся.

Они встретились около четырех месяцев назад. До этого Макс пять месяцев путешествовал по Азии. Известный альпинист фон Брандт решил повидать Гималаи и проверить возможность восхождения на Эверест. Ему хотелось покорить высочайшую вершину мира во славу Германии – его отечества. Кайзер требовал побед, и уж лучше победа над прекрасной азиатской горой, чем участие в отвратительной европейской войне. Из Берлина Макс отправился в Индию, проехал всю страну, после чего незаметно проник в Непал – государство, закрытое для людей Запада.

Максу удалось беспрепятственно добраться до Катманду, где его задержали непальские власти и потребовали покинуть страну. Макс пообещал это сделать, но сказал, что нуждается в проводнике, который сопроводит бы его через горные долины Солу-Кхумбу и далее, через перевал Нангпа-Ла, в Тибет. Оказавшись там, Макс рассчитывал исследовать северное подножие Эвереста. Далее его путь лежал в Лхасу – Город Бога. Макс надеялся, что далай-лама позволит ему совершить восхождение. Он слышал о местечке Ронгбук и мечтал туда попасть. А еще он слышал о западной женщине, способной ему в этом помочь. Он поинтересовался у властей, известна ли им эта женщина.

Оказалось, что да, хотя вот уже несколько месяцев она не появлялась в поле зрения властей. Макс одарил непальских чиновников рубинами и сапфирами, купленными в Джайпуре, а также жемчугом и крупным изумрудом. За это чиновники разрешили ему в течение месяца дожидаться появления упомянутой женщины.

Впервые Макс услышал о ней в Бомбее. Западные альпинисты, встретившиеся ему там, рассказали об английской девушке, живущей в тени Гималаев. Несколько лет назад она совершила восхождение на одну из вершин Килиманджаро – пик Мавензи. Восхождение закончилось трагически. Застигнутая камнепадом, альпинистка едва не погибла, серьезно повредив ногу. Нынче она занималась фотографированием и картированием Гималаев. Она поднималась на максимально доступную ей высоту, хотя подъемы высшей категории сложности оставались недостижимой мечтой. Англичанка жила среди горных племен, не уступая им в силе, за что снискала их симпатии и уважение. Ей удавалось почти невозможное для европейцев: она свободно пересекала границы, в одинаковой степени пользуясь гостеприимством непальцев и тибетцев.

Но как ее найти? Слухов об этой англичанке было предостаточно. Одни утверждали, что она путешествовала по Китаю и Индии, но сейчас находится в Тибете. В Бирме, утверждали другие. Нет, в Афганистане. Кто-то говорил, что она занимается топографическими изысканиями по заданию англичан. Шпионит в пользу французов. Иные считали ее погибшей в снежной лавине. Говорили, будто она полностью переняла местные обычаи и вышла замуж за непальца. Она торговала лошадьми. Нет, яками. Какие там яки? Золотом она торговала. Чем дальше на северо-восток Индии, тем разнообразнее и диковиннее становились слухи. Макс слышал об этой англичанке в Агре и Канпуре. И наконец сумел найти ее в Катманду. По крайней мере, нашел хижину, где она появлялась.

– Она сейчас в горах, – сказал Макс кто-то из местных жителей. – Но вернется.

– Когда?

– Скоро. Скоро.

Потянулись дни. Прошли недели. Потом месяц. Непальские власти теряли терпение и требовали от Макса уехать. Он снова и снова спрашивал у местных жителей, когда же появится эта англичанка, и получал неизменный ответ: скоро. Макс считал такие ответы уловкой местного крестьянина, у которого остановился. Попыткой вытягивать деньги из белого человека.

Но англичанка все-таки вернулась. Поначалу Макс принял ее за непалку. На ней были шаровары цвета индиго и длинный овечий тулуп. На остром лице выделялись пронизательные зеленые глаза, глядевшие на Макса из-под отороченной мехом шапки. На шее англичанки висели бирюзовые бусы, в ушах покачивались бирюзовые серьги. Волосы она заплетала в длинную косу, украшенную кусочками серебра и стекла, как делали местные женщины. Ее лицо было бронзовым от загара, а тело – жилистым и сильным. Она ходила прихрамывая. Позже Макс узнал, что у нее протез, сделанный из кости яка местным умельцем.

Крестьянин, у которого жил Макс, рассказал, что хочет этот белый.

– Намасте, – произнесла англичанка, слегка поклонившись.

Это слово было непальским приветствием, означавшим: «Свет внутри меня кланяется свету внутри тебя».

Макс спросил, не согласится ли она быть его проводницей в Тибет. Англичанка ответила, что вернулась из Шигадзе и устала. Вначале она выспится, затем поест, после чего у них состоится разговор.

На следующий день она угостила Макса приправленной карри бараниной, рисом и крепким черным чаем. Стульев в хижине не было. Хозяйка и гость сидели на полу, устланном ковром, и говорили, передавая друг другу трубку опиума. Англичанка пояснила, что опиум приглушает боль. Поначалу Макс подумал, будто речь идет об увечной ноге, но по мере разговора

сообразил: ее боль залегала значительно глубже и почти не поддавалась воздействию опиума. Непонятная грусть окутывала эту женщину, словно длинное черное покрывало.

Макса изумило ее обширное и в то же время глубокое знание Гималаев. Столько, сколько сделала она для обследования участков горной цепи, нанесения их на карту и фотографирования, не сделал ни один европеец. На жизнь англичанка зарабатывала написанием статей по топографии гор, публикуемых Королевским географическим обществом Британии, а также выполняя роль проводника. Вскоре КГО должно было выпустить альбом ее гималайских фотографий. Часть их Макс уже видел. Снимки были на редкость выразительными. Ей, как никому другому, удалось запечатлеть суровое великолепие гор, их красоту и холодное безразличие. Сама она еще ни разу не выступала в Королевском географическом обществе, поскольку не хотела покидать любимые горы. Свои работы она посылала сэру Клементсу Маркему, президенту КГО.

Макса восхитили не только ее фотографии, но и точность составленных ею карт. Она была моложе его – всего двадцать девять лет, а уже успела столько сделать. От его похвал она отмахнулась, сказав, что надо бы сделать гораздо больше, но забираться слишком высоко она не может из-за ноги.

– Но тебе и для этих работ пришлось подниматься достаточно высоко, – сказал Макс.

– Не так уж высоко. И еще – избегать рискованных мест. Никаких ледников, скал и расщелин.

– Однако ты все равно рискуешь, – заметил ей Макс. – Как ты вообще поднимаешься в горы без... я хотел сказать, не имея двух полноценных ног.

– Я поднимаюсь туда не ногами, а сердцем, – ответила англичанка. – Ты так можешь?

Макс доказал ей, что тоже способен подниматься, испытывая любовь, уважение и даже благоговение перед горами. Тогда она согласилась сопровождать его в Лхасу. Они выехали из Катманду, погрузив на двух яков припасы, снаряжение и палатку. Их путь лежал через горные деревушки, долины и перевалы, известные только ей и горстке шерпов. Дорога была тяжелой, утомительной и невыразимо красивой. Пронизывающий холод не отступал даже днем, на ярком солнце. Ночью они спали рядом, накрывшись несколькими шкурами. На третью ночь пути Макс признался ей в любви. Она засмеялась, что заставило уязвленного Макса отвернуться. Признание было искренним, и отказ больно ударил его по самолюбию.

– Извини, – сказала она, касаясь его спины. – Извини. Не могу...

Он спросил, может, причина в том, что у нее кто-то есть. Она ответила «да», потом обняла Макса, подарив тепло, наслаждение, но не любовь. Первый раз в жизни его сердце было разбито.

Через три недели они достигли Ронгбука – тибетского селения, продуваемого всеми ветрами. Здесь она жила. Максусу пришлось ждать, пока эта удивительная женщина, известная и обладавшая широкими знакомствами, употребит свое влияние и добудет у тибетских чиновников документы, позволяющие Максусу въезд в Лхасу. Все это время Макс жил в ее каменном домике с белеными стенами. К домику примыкала другая постройка, где она держала яков.

В течение всего их путешествия она неумолимо делала снимки. Однажды Макс наблюдал за тем, как она пыталась подняться на ледник. Думая, что он ее не видит, она приблизилась к леднику с фотоаппаратом на спине. Даже на самодельном протезе она неплохо двигалась. И вдруг она остановилась и замерла на целых десять минут. Макс видел, как она борется с собой.

– Будь ты проклят! – вдруг закричала она. – Проклят! Проклят!

Макс боялся, что от ее крика может начаться снежная лавина. Кого же она проклинала? Гору? Себя? Тогда кого?

Наконец разрешение было получено. На следующий же день они покинули Ронгбук с палаткой и пятью яками. Вчера они достигли предместий Лхасы. Вчерашний день был последним днем, проведенным вместе, а минувшая ночь – последней ночью. Через несколько часов

Макс один отправится в священный город. Он планировал провести там несколько месяцев, изучая Лхасу, фотографируя город и жителей, одновременно хлопоча об аудиенции у далай-ламы. Макс знал: его шансы невелики. Из европейцев далай-лама терпимо относился только к этой женщине. Когда они встречались, то вместе выпивали, пели тибетские песни и обменивались скабрёзными историями. Однако на сей раз англичанка не собиралась в Лхасу. Ей хотелось вернуться в Ронгбук.

Суждено ли им увидеться снова? Макс подумал об этом, встав в сумерках холодного тибетского утра. Он быстро оделся, быстро собрал рюкзак, застегнул куртку и вышел из палатки. Четыре яка, предназначенных в подарок губернатору Лхасы, фыркали и били копытами. Из их ноздрей валил густой белый пар. А женщина словно исчезла.

Макс огляделся по сторонам и наконец заметил ее сидящей на большой выступающей скале. Ее силуэт выделялся на фоне серого светлеющего неба. Она сидела неподвижно, подтянув одно колено к груди и запрокинув голову к тускнеющим звездам. Максиму пора было трогаться в путь. Облик этой удивительной женщины навсегда запечатлелся в его памяти.

– Намасте, Уилла Олден, – прошептал он, поднося сомкнутые ладони ко лбу. – Намасте.

Часть первая
Март 1914 года. Лондон

Глава 1

– Тетя Эдди, остановись! Туда нельзя!

Шеймус Финнеган, лежащий на кровати голышом, открыл один глаз. Голос принадлежал его лучшему другу Альби Олдену.

– Что за черт? Почему нельзя?

– Потому что он спит! Нельзя врываться к спящему человеку. Это непорядочно!

– Не пори чепуху!

Второй голос был тоже знаком Шейми. Он сел и почти до подбородка натянул одеяло.

– Альби! Сделай что-нибудь! – закричал Шейми.

– Старик, я пытался. Теперь отдувайся сам! – прокричал в ответ Альби.

Еще через секунду дверь распахнулась. В комнату заглянула невысокая плотная женщина в твидовом костюме. Она шумно поздоровалась с Шейми. Это была Эдвина Хедли, тетя Альби. Шейми тоже звал ее тетей Эдди, поскольку знал с детства. Войдя в комнату, тетя Эдди присела на кровать и тут же вскочила, поскольку кровать странно пискнула. Вскоре из-под одеяла появилась взлохмаченная голова зевающей девицы.

– Дорогая, я искренне надеюсь, что вы приняли все меры предосторожности, – нахмурившись, сказала Эдди девице. – В противном случае в вашем животе заведется ребенок, отец которого в это время будет плыть к Северному полюсу.

– Я думала – к Южному, – зевая, ответила девица.

– Южный уже был, – пояснил Шейми.

– Он рассказал вам обо всех детях? – заговорщическим тоном спросила у девицы Эдди.

– Тетя Эдди, не надо... – попытался возразить Шейми.

– О детях? Каких детях? – поинтересовалась девица, с которой мгновенно сдуло сонливость.

– А вы не знали, что у него четверо детей? И все незаконные. Конечно, Шейми не вконец утратил порядочность. Он посылает их матерям деньги, но жениться ни на одной не собирается. Разумеется, репутация всех четверых разрушена. Кстати, все они уроженки Лондона. Трое, не выдержав позора, уехали в провинцию. Четвертая, бедняжка, – в Америку. Думаете, вся эта история с леди Кэролайн Уэйнрайт просто так закончилась скандалом?

Симпатичная брюнетка с короткой стрижкой повернулась к Шейми.

– Это правда? – негодующим тоном спросила она.

– Чистейшая, – ответила Эдди, не дав Шейми открыть рта.

Завернувшись в одеяло, девушка выбралась из постели, подобрала с пола одежду и выскользила из комнаты, сердито хлопнув дверью.

– Тетя Эдди, откуда четверо детей? – спросил Шейми, когда они остались вдвоем. – В прошлый раз было двое.

– Эту авантюристку надо было припугнуть, – усмехнулась Эдди. – Сегодня я тебя спасла, но учти: в подобных случаях меня может и не оказаться рядом.

– Очень жаль, – вздохнул Шейми.

Эдди наклонилась к нему и поцеловала в щеку:

– Рада тебя видеть.

– Взаимно. Как вам понравился Алеппо?

– Сплошное восхищение! Я жила во дворце. Обедала с пашой. Познакомилась с необычайно интересными людьми. Один из них – некто Том Лоуренс. Мы вместе вернулись в Лондон. Он остановился в Белгравии и...

По дому разнесся громкий звук хлопнувшей тяжелой входной двери.

– Ну, с этой пташкой покончено, – улыбнулась Эдди. – Больше ты ее не увидишь. А ты, смотрю, стал мартовским котом.

– Я больше похож на бродячего пса, – с грустью признался Шейми.

– Слышала я про леди Кэролайн. Весь Лондон говорит об этом.

– Я так и понял.

Шейми приехал в Хайгейт, красивый особняк Эдди, выстроенный в георгианском стиле, в Кембридже, чтобы восстановить душевное равновесие после короткого головокружительного романа, закончившегося крупной ссорой. Леди Кэролайн Уэйнрайт, девушка из высшего общества, богатая, красивая, избалованная, привыкла получать желаемое. На этот раз предметом ее желаний стал Шейми, которого она хотела видеть своим мужем. Шейми объяснил ей, что ее затея не удастся. Он материал непригодный для супружеской жизни. Слишком независим, слишком привык жить по-своему. К тому же он постоянно путешествует. Шейми рассказывал ей все ужасы о себе, какие мог придумать, за исключением правды.

– У тебя просто кто-то есть. Я угадала? – всхлипывая, спросила Кэролайн. – Кто она? Назови ее имя.

– Нет у меня никого, – ответил Шейми.

Это была, конечно, ложь. У него была другая. Давняя, потерянная любовь. Та, что сломала его, лишив возможности полюбить кого-нибудь еще.

Порвав с Кэролайн, Шейми, поджав хвост, сбежал в Кембридж – отсиживаться в доме друга. Своего жилья у него не было и потому, возвращаясь в Англию, он курсировал между Хайгейтом Эдвины, домом сестры и различными отелями.

У тетки жил и Альби Олден, блестящий физик, преподаватель Королевского колледжа. Альби постоянно предлагали завидные должности в университетах Парижа, Вены, Берлина, Нью-Йорка, но он предпочитал оставаться в Кембридже. В скучном, сонном Кембридже. Почему – одному Богу известно. Во всяком случае, Шейми причин не знал. Он неоднократно допытывался у Альби, и тот неизменно отвечал: «Для меня это лучшее место». Тихое, спокойное, по крайней мере, когда Эдди куда-то уезжала. Идеальное место для работы. А поскольку Эдди бывала здесь лишь наездами, ей требовался кто-то, присматривающий за домом. Такое положение вещей устраивало и тетку, и племянника.

– Так что у вас произошло? – полюбопытствовала Эдди. – Леди Кэролайн разбила тебе сердце? Отказалась выйти за тебя замуж?

– То-то и оно, что она очень хотела выйти за меня.

– Хм... Тогда чего ты ждешь? Так и бывает, если мужчина – смелый, обаятельный герой. Женщинам хочется запустить в тебя коготки.

– Отвернитесь, пожалуйста. Мне нужно одеться, – попросил Шейми.

Эдди отвернулась. Шейми вылез из кровати и подобрал с пола свою одежду. Шейми был высоким, сильным и отлично сложенным. Мускулы так и играли у него под кожей, когда он нагибался за брюками и натягивал рубашку. Его вьющиеся волосы, коротко подстриженные с боков, но оставленные длинными на макушке, были темно-рыжего цвета с вкраплением медных оттенков. Солнце и моря обветрили лицо, но взгляд его ярко-синих глаз был по-детски искренним.

Шейми исполнился тридцать один год. К этому возрасту он стал одним из известнейших полярных исследователей. Еще подростком он участвовал в экспедиции к Южному полюсу, возглавляемой Эрнестом Шеклтоном. По ряду причин та экспедиция не дошла до полюса. Два года назад Шейми вернулся из другой экспедиции. Вместе с норвежцем Руалем Амундсеном он достиг Южного полюса. Молодого полярного героя наперебой приглашали к себе города и страны. Вскоре после возвращения из Антарктики Шейми отправился в лекционное турне, растянувшееся почти на два года. В Лондон он вернулся всего месяц назад. Сам город и люди

показались ему скучными и серыми. Шейми не сиделось в четырех стенах. Он испытывал беспокойство и не мог дождаться, когда судьба подбросит ему новую экспедицию.

– И давно ты в наших краях? Как тебе Лондон после долгого отсутствия? Может, на этот раз ты подольше погостишь на родине? – спрашивала Эдди.

Шейми засмеялся. Эдди была в своем репертуаре: задав вопрос и не дождавшись ответа, задавала еще десять.

– Не уверен, – ответил Шейми, причесываясь перед зеркалом, висевшим над комодом. – Возможно, скоро опять уеду.

– Еще одно лекционное турне?

– Нет. Экспедиция.

– Серьезно? Надо же! И куда?

– Снова в Антарктику. Шеклтон пытается собрать команду. У него вполне серьезные намерения. В прошлом году он писал в «Таймс», что разработал очень подробный план экспедиции. Осталось всего-навсего раздобыть денег.

– А как же все эти разговоры о войне? Она его не волнует? – спросила Эдди. – На пароходе об этом только и говорили. И в Алеппо тоже.

– Его это ничуть не волнует, – ответил Шейми. – Он не особо верит в людские слухи. Говорит, все рассосется. Он хочет отплыть в конце лета, а то и раньше.

Эдди пристально посмотрела на Шейми:

– Слушай, а не староват ли ты становишься для мальчишеской жизни? Не пора ли остепениться? Найти себе хорошую женщину?

– Как, если вы их отпугиваете! – поддразнил ее Шейми и, присев на кровать, стал натягивать носки.

– Закончишь одеваться – спускайся вниз. Я приготовлю завтрак на всех. Яичницу с соусом харисса. Я основательно им запаслась. Не криви физиономию. Сначала попробуй. Это просто чудо! Расскажу вам с Альби и его ученым друзьям о своих странствиях. А потом мы отправимся в Лондон.

– В Лондон? Когда? Сразу после завтрака?

– Ну, может, не сразу, – согласилась Эдди. – Скажем, через день-другой. В моем городском доме остановился удивительный человек. Я хочу тебя с ним познакомить. Мистер Томас Лоуренс. Я уже начала тебе о нем рассказывать, когда твоя подружка едва не снесла входную дверь с петель. Я познакомилась с ним в Алеппо. Он тоже исследователь. И археолог вдобавок. Исходил и извездил всю пустыню, знает всех важных арабских шишек и безупречно говорит по-арабски. – Эдди вдруг понизила голос. – Некоторые считают его шпионом. – Последнее слово Эдди произнесла шепотом, затем вернулась к своему обычному громогласному тону. – Кем бы он ни был, человек он просто удивительный.

Последние слова Эдди потонули в неожиданных раскатах грома. И тут же по многостворчатым окнам, в одном из которых было треснуто стекло, забарабанил дождь.

– Опять подтекает, – вздохнула Эдди. – Надо вызвать стекольщика. – Она ненадолго умолкла, глядя на потоки дождя. – Никогда не думала, что буду скучать по английской погоде, – с грустной улыбкой призналась Эдди. – Но это было до моего путешествия в Аравийскую пустыню. Как хорошо вернуться на родину! Я так люблю этот старый скрипучий дом. И старый скрипучий Кембридж. – Ее улыбка погасла. – Жаль, что обстоятельства моего возвращения не были иными.

– Эдди, он обязательно поправится, – сказал Шейми.

– Я очень на это надеюсь, – тяжело вздохнув, ответила Эдди. – Но я знаю свою сестру. Она не стала бы дергать меня по пустякам и просить о возвращении.

Шейми знал о телеграмме, отправленной миссис Олден, матерью Альби, своей сестре в Алеппо с просьбой вернуться в Англию. Отец Альби, адмирал Олден, стал жаловаться на боли

в желудке. Врачи пока не установили причину, но состояние адмирала ухудшалось. Он слег и был вынужден постоянно принимать болеутоляющее.

– Он сделан из крепкого теста, – сказал Шейми. – Все Олдены такие.

Эдди кивнула, попытавшись улыбнуться:

– Ты, конечно же, прав. Как бы там ни было, довольно стенаний для одного утра. Я обещала приготовить завтрак. Потом вызову стекольщика, а еще – садовника и трубочиста. В мое отсутствие Альби запустил дом. Пыль повсюду. Моя почта громоздится чуть ли не до потолка. И на всей кухне – ни одной чистой тарелки. Ну почему он не позвал ту деревенскую девушку, которая убирала в доме?

– Альби говорит, что она ему мешает.

– Я этого не понимаю, – фыркнула Эдди. – Он же безвылазно торчит в кабинете. Два месяца назад, когда я уезжала, он сидел там. И сейчас сидит. Работает как проклятый, хотя у него творческий отпуск. И друзья у него такие же. Я с ними уже познакомилась. Одного зовут Дилли Нокс, второго – Оливер Стрейчи. Весь кабинет заставлен грифельными досками, завешан схемами и завален книгами. Что, спрашивается, они делают? Что заставляет их сутками просиживать там?

– Может, их работа?

– Вряд ли. Сплошные цифры и формулы, – отмахнулась Эдди. – Моему племяннику нужна жена. Причем даже больше, чем тебе. Он такой странный и рассеянный, что без жены просто не выживет. Ну почему за тобой женщины табуном ходят, а на беднягу Альби ни одна не посмотрит? Не мог бы ты часть своих поклонниц повернуть в его сторону? Ему так нужна заботливая женщина. И дети. Как бы я хотела снова услышать детские голоса и веселую возню. До сих пор вспоминаю удивительные годы, когда Альби с Уиллой были маленькими. Моя сестра привозила их сюда. Они плавали в пруду и качались на старом дереве. Вот на этом. – Эдди махнула в сторону широкого дуба, росшего за окном комнаты Шейми. – Уилла всегда стремилась забраться повыше. Мать умоляла ее спуститься, а она – ни в какую. Наоборот, залезала еще выше. – Эдди вдруг замолчала, повернулась и посмотрела на Шейми. – Черт, вырвалось как-то! Прости.

– Все в порядке, Эдди.

– Не говори так. Я же знаю... Она ведь тебе ни одного письма не написала. Скажешь, нет? Вот то-то. Она и родной матери месяцами не пишет. Последнее письмо сестра получила три месяца назад. А она все это время писала Уилле дважды в неделю. Пыталась рассказать об отце. Впрочем, почтовое сообщение с Тибетом – штука сложная.

– Я тоже так думаю. За все эти годы я не получил от нее ни одного письма, – сказал Шейми. – Ни одного. И знаю о ее дальнейшей жизни не больше вашего. Тогда, в Найроби, она была на волосок от смерти. Потом из Африки отправилась на Дальний Восток и сейчас находится в Гималаях, ищет способ закончить работу.

Эдди поморщилась:

– По-прежнему тоскуешь по ней? Потому-то и меняешь женщин как перчатки. Одну за другой. Ты все ищешь такую, кто сумеет занять место Уиллы. Но не находишь.

И не найду, подумал Шейми. Восемь лет назад он потерял Уиллу – любовь его жизни. Сколько он ни пытался, ни одна женщина даже близко не напоминала ее. Ни у кого из них не было такой жажды жизни, как у Уиллы, ее стремления к приключениям. Никто из них не обладал такой смелостью и не имел такой дерзновенной, страстной души.

– Все это моя вина, – сказал Шейми. – Если бы не я, она сейчас не скрывалась бы в Гималаях, за тысячи миль от дома и семьи. Если бы на Килиманджаро я повел себя правильно, она была бы здесь.

Мысли о случившемся в Африке не покидали его никогда. Восемь лет назад они с Уиллой решили совершить восхождение на Мавензи, одну из вершин Килиманджаро. Оба стра-

дали от горной болезни. Он более или менее адаптировался к высоте, а Уилла – нет. Шейми предлагал прервать восхождение и спуститься, но она отказалась. И тогда они продолжили подъем, достигли вершины и... упустили драгоценное время. Почему? Потому что именно там, на Мавензи, Шейми признался Уилле в любви, сказав слова, которые столько лет носил в себе. «И я тоже тебя люблю, – ответила Уилла. – И всегда любила. С незапамятных времен». Он до сих пор слышал эти слова. Каждый день. Они звучали у него в мозгу и в сердце.

Когда они начали спуск, солнце стояло в зените, нещадно растапливая снег и лед. Лед, сковывавший один из валунов, подтаял, и валун устремился вниз по кулуару. Шейми повезло: он находился в стороне. А Уиллу валун сбил с ног, и она понеслась вниз. Шейми никогда не забудет ее крики. Она вихрем пронеслась мимо него и только чудом сумела ухватиться за выступ скалы.

Добравшись до места, где лежала Уилла, Шейми увидел, что у нее сломана правая нога. Из-под разорванной кожи торчали неровные края кости. Шейми поспешил вниз, туда, где остались масайские проводники, чтобы с их помощью спустить Уиллу. Но в лагере его ожидала новая трагедия: почти все проводники были убиты враждебным племенем джага. Остальные исчезли неведомо куда. Шейми не оставалось ничего иного, как нести Уиллу на себе, идя сквозь джунгли и по равнинам. Через несколько дней утомительного пути по горам, сквозь джунгли, а затем по равнине он вышел к железной дороге, соединявшей Момбасу с Найроби. Шейми удалось остановить приближающийся поезд и довезти Уиллу до Найроби. Там он сразу же понес ее к единственному в городе врачу. Увы, за столько дней пути рана Уиллы стала гангренозной. Врач сказал: единственный способ спасти Уилле жизнь – немедленная ампутация ноги чуть ниже колена. Уилла умоляла Шейми не позволять врачу ампутировать ногу. Она говорила, что уже не сможет подниматься в горы. Однако Шейми был глух к ее мольбам. Он поверил врачу и ради спасения ее жизни согласился на ампутацию. Уилла ему этого не простила. Едва окрепнув, она покинула больницу. И его.

В своем прощальном письме Уилла писала:

Каждое утро я просыпаюсь в отчаянии и с таким же ощущением засыпаю. И что мне теперь делать? Куда отправиться? Как жить? Мне сложно прожить ближайшие десять минут, не говоря уже об оставшейся жизни. В этой жизни уже не будет холмов, куда я смогу забраться, тем более не будет восхождений на горные вершины. Что еще ужаснее, в ней не будет мечтаний. Лучше бы я погибла на Килиманджаро, чем так жить.

– Шейми, перестань себя винить. Твоей вины в этом нет, – решительно сказала Эдди и крепко сжала его руку. – Ты совершил невозможное, вытащив ее с той горы. И в Найроби ты принял единственно возможное решение. Единственно правильное. Представь, ты бы поддался на ее уговоры. А затем представь, как стоял бы в гостиной моей сестры и объяснял бы, что позволил ее дочери умереть, уступив бредовым просьбам Уиллы. Я тебя понимаю, Шейми. Все мы.

– От этого мне не легче, – печально улыбнулся Шейми. – Все меня понимают, Эдди. Все, кроме Уиллы.

Глава 2

– Прошу прощения, мистер Бристоу, – сказала Гертруда Меллорс, просунув голову в дверь кабинета ее начальника, – на проводе мистер Черчилль. «Таймс» нужен ваш комментарий по поводу доклада министра труда о детском труде в Восточном Лондоне. Мистер Асквит приглашал вас на ужин в «Реформ-клуб». Ровно к восьми.

Джо Бристоу, депутат парламента от Хакни, оторвался от записей:

– Передайте Уинстону: если ему мало кораблей, пусть покупает на свои деньги. Жителям Восточного Лондона нужны водопровод и канализация, а не дредноуты. «Таймс» скажите, что лондонские дети должны проводить свои дни в школах, а не в цехах. Моральный долг парламента – принять по этому докладу быстрые и решительные меры. Премьер-министру передайте, пусть закажет для меня цесарку. Спасибо, Трудю, дорогуша.

Джо вновь повернулся к пожилому мужчине, сидевшему по другую сторону стола. Ни газеты, ни партийные дела, ни даже сам премьер-министр не были для него важнее нужд и забот его избирателей. Четырнадцать лет назад благодаря жителям Восточного Лондона он стал одним из немногих представителей лейбористской партии в парламенте. И в том, что все эти годы он оставался членом парламента, тоже была их заслуга.

– Прошу прощения, Гарри. На чем мы остановились?

– Я говорил о водоразборной колонке, – напомнил ему Гарри Койн, житель дома 31 по Лористон-стрит. – Где-то с месяц назад у воды появился странный привкус. Теперь вся улица поголовно болеет. Я тут говорил с одним парнем. Он работает в дубильной мастерской. Так вот: за мастерской по ночам опорожняют бочки с щелоком. Прямо в землю. Он сказал, что их управляющий не хочет платить за вывоз отходов. А в том месте под землей как раз проходят водопроводные трубы. Наверное, где-то они прохудились, вот отходы щелока и попадают в питьевую воду. Других причин нет.

– Вы обращались к санитарному врачу?

– Трижды. Только обещает и ничего не делает. Потому я и пришел к вам. Уж если кто и может помочь, так это вы, мистер Бристоу.

– Гарри, мне нужны имена, – сказал Джо. – Название мастерской. Имена и фамилии, начиная с управляющего. Парня, который там работает. Всех, кто заболел. Они согласятся говорить со мной?

– Насчет того парня не скажу, а остальные согласятся, – ответил Гарри. – Дайте мне вашу ручку.

Пока Гарри выписывал на листок имена и адреса, Джо налил две чашки чая. Одну подвинул Гарри, вторую торопливо проглотил сам. Сегодня с восьми часов утра он принимал избирателей, забыв про ланч. А сейчас часы показывали половину пятого.

– Вот, прошу, – сказал Гарри, протягивая ему лист со списком имен.

– Спасибо. – Джо налил себе вторую чашку. – Завтра же начну стучаться во все двери. Нанесу визит санитарному врачу. Мы решим этот вопрос. Обещаю вам, Гарри. А теперь...

Он не договорил. Дверь кабинета снова распахнулась.

– Да, Трудю. Что там еще?

Но на пороге стояла не Трудю, а юная девушка. Высокая, черноволосая, синеглазая красавица. Она была в элегантном темно-сером плаще и такой же шляпе, а в руках, обтянутых перчатками, держала репортерский блокнот и самопишущую ручку.

– Папа! Маму снова арестовали! – выдохнула девушка.

– Черт побери! Снова?! – воскликнул Джо.

– Кейти Бристоу, я тебе сто раз повторяла: прежде чем войти, нужно стучаться! – упрекнула ее вошедшая следом Трудю.

– Извините, мисс Меллорс, – пробормотала Кейти и снова повернулась к отцу. – Па, тебе нужно туда поехать. Утром ма отправилась на марш суфражисток. Он предполагался мирным, но начались беспорядки. Вмешалась полиция, маму арестовали, предъявили обвинение, и теперь она в тюрьме!

Джо вздохнул:

– Труди, будьте любезны, вызовите экипаж. Мистер Койн, познакомьтесь, это моя дочь Кэтрин. Или Кейти, как мы ее зовем. И ты, Кейти, познакомься: это мистер Койн, один из моих избирателей.

– Очень рада знакомству с вами, – сказала Кейти, протягивая руку мистеру Койну. – Па, собирайся! Мешкать нельзя!

Гарри Койн встал.

– Поезжайте, раз такое дело, – сказал он, надевая шляпу. – Я сам найду выход.

– Гарри, я завтра же приеду на Лористон-стрит, – пообещал Джо. – Кейти, что случилось? Откуда тебе известно, что мама в тюрьме?

– Ма сумела отправить домой посланца с запиской. Кстати, па. Сколько у тебя при себе денег? Ма говорит, что нужно будет внести залог за нее и тетю Мод. Их только тогда отпустят. Но деньги можно внести и в тюрьме, поскольку их повезли прямо туда, а не в суд... Черт, я просто умираю от жажды! Можно я допью?

Джо протянул ей свою чашку.

– И ты что же, топала сюда одна? – сурово спросил он.

– Нет. Меня сопровождали дядя Шейми и мистер Фостер.

– Дядя Шейми? А что он тут делает?

– Он снова остановился у нас. На время, пока находится в Лондоне. Разве ма тебе не говорила? – спросила Кейти, успевая глотать чай.

– Нет.

Джо, сидевший в инвалидной коляске, подался вперед и заглянул в открытую дверь приемной. Среди пятерых или шестерых избирателей, дожидавшихся приема, сидел и его дворецкий Фостер: спина прямая, колени вместе, руки на набалдашнике трости. Увидев, что Джо на него смотрит, дворецкий снял шляпу:

– Добрый день, сэр.

Наклонившись еще чуть-чуть вперед, Джо заметил, что его чопорная, предельно серьезная секретарша суетится вокруг кого-то из посетителей. Она краснела, теребила ожерелье и хихикала, как школьница. Этим посетителем был шурин Джо. Почувствовав на себе взгляд, Шейми улыбнулся и помахал Джо.

– Жаль, ма не позволила пойти вместе с ней на марш, – продолжала тараторить Кейти. – Я так хотела. Я бы и пошла, но она сказала, что я должна закрепиться в школе.

– И правильно сказала. Это уже третья школа за год, куда мы тебя переводим. Если тебя выгонят и оттуда, будет не так-то просто найти еще одну, согласную тебя взять.

– Па, едем! – подгоняла отца Кейти, игнорируя его предостережение.

– Куда их отвезли? – спросил Джо.

– В Холлоуэй. Ма писала, что арестовали более сотни женщин. Это же так несправедливо! Мама, доктор Хэтчер, доктор Розен – они ведь такие воспитанные и умные. Умнее множества мужчин. Почему мистер Асквит не прислушивается к ним? Почему не дает женщинам право голоса?

– Он чувствует, что это не понравится избирателям, голосующим за либеральную партию. Там сплошь мужчины, и большинство их пока не готовы признать, что женщины равны им по уму, если не умнее, – сказал Джо.

– А я так не думаю. Дело не в этом.

– Тогда в чем? – спросил Джо.

– По-моему, мистер Асквит знает: если женщины получают право голоса, они вышибут его коленкой под зад. – (Джо расхохотался.) – Это не шутка, па, – нахмурилась Кейти. – Я говорю правду.

– Конечно правду. Положи вон те папки в мой портфель и отдай мне.

Джо смотрел, как дочь, отложив блокнот и ручку, стала собирать папки. Его сердце наполнилось любовью. У них с Фионой было шестеро детей: пятнадцатилетняя Кейти, тринадцатилетний Чарли, одиннадцатилетний Питер, шестилетняя Роуз и четырехлетние близнецы Патрик и Майкл. Глядя на Кейти, такую высокую, взрослую и красивую, Джо вспоминал, как впервые взял ее на руки. Тогда, едва заглянув в ее глазенки, он стал другим человеком. Его руки держали крохотную девочку, навсегда поселившуюся у него в сердце.

Джо горячо любил всех своих детей и радовался, что они разные по своим пристрастиям, суждениям и способностям, но Кейти, их первенец, была в большей степени его ребенком, нежели остальные. Внешне она напоминала мать в юности. От Фионы Кейти унаследовала ирландскую миловидность, стройную фигуру и грациозность, однако свою главную страсть – интерес к политике – она получила от него. Кейти собиралась поступить в Оксфорд, изучать историю, а затем пойти в политику. Она заявляла, что, как только женщины получают настоящую свободу, она вступит в лейбористскую партию, поведет кампанию по избранию в парламент и станет первой женщиной – членом парламента. Амбиции Кейти уже доставляли ей ощутимые неприятности.

Полгода назад ее попросили покинуть Кенсингтонскую школу для девочек после того, как она самостоятельно создала профсоюз школьных уборщиц и служащих. Джо с Фионой нашли дочери другую школу в Брайертоне, но через три месяца Кейти попросили и оттуда. На этот раз причиной исключения стали три занятия по французскому, пропущенных без уважительной причины, а также пропущенные уроки хороших манер. После третьего прогула Кейти вызвала к себе в кабинет директор школы – мисс Аманда Франклин – и спросила девочку, почему та пропускает занятия и что может быть важнее уроков французского и хороших манер.

Вместо ответа Кейти с гордостью подала директорше газетный лист с текстом на обеих сторонах. На передней, вверху, красовалось название, набранное гарнитурой двадцать второго кегля: «Боевой клич». Ниже шла строчка, набранная восемнадцатым кеглем: **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР КЭТРИН БРИСТОУ**.

– Мне следовало бы рассказать вам об этом, мисс Франклин. Я бы и рассказала, но хотела дождаться, когда все будет готово, – столь же гордым тоном сообщила Кейти. – И вот, только что из печати.

– И что это, позвольте вас спросить? – поинтересовалась мисс Франклин, выгибая бровь.

– Моя собственная газета, мэм. Я только начала выпускать ее. Потратила свои карманные деньги на первый номер. Но деньги за рекламу помогут с выпуском следующего номера. Я намерена сделать газету голосом рабочих и работниц и освещать хронику их борьбы за улучшение условий труда. И этот голос должен громко звучать в правительстве.

Газета Кейти начиналась со статьи об отказе премьер-министра встретиться с делегацией суфражисток. Вторая – живописала ужасающие условия работы на кондитерской фабрике в Милфорде, а третья – рассказывала о многолюдном митинге лейбористской партии в Лаймхаусе.

– Кто писал эти статьи? – слегка повысив голос и нервно теребя брошь у шеи, спросила мисс Франклин.

– Я, мэм, – светясь от гордости, ответила Кейти.

– Вы что же, мисс Бристоу, беседовали с фабричными работницами? И с радикалами? Присутствовали на дебатах в палате общин? – допытывалась директорша. – И везде одна?

– Нет. Со мной был мистер Фостер, наш дворецкий. Он всегда ходит со мной. А это видите? – спросила Кейти, указывая на рекламу мужских спортивных бандажей, предотвраща-

щающих травму мошонки, и солей для ванны, облегчающих женские проблемы. – Эти объявления я тоже написала сама. Пришлось пройтись по Хай-стрит в Уайтчепеле и постучаться во многие двери. Мисс Франклин, не желаете купить номер? – с энтузиазмом спросила Кейти. – Всего три пенса. Или четыре шиллинга за годовую подписку. Так вы сэкономите шиллинг и два пенса по сравнению с покупкой отдельных номеров. Я уже продала одиннадцать подписок нашим девочкам.

Мисс Франклин, в чьей школе училось немало девочек из привилегированных и аристократических семей, выросших вдалеке от реалий жизни и не представляющих, что у мужчин есть мошонки, нуждающиеся в защите, или что некоторые женские проблемы устраняются исключительно солевыми ваннами, побелела как полотно.

Предложение Кейти она отвергла и тут же написала послание родителям мисс Бристоу с предложением поискать другую школу, где терпимо относятся к прогулам и увлечениям их дочери.

После второго исключения Джо понял, что нужно приструнить Кейти, на чем настаивала Фиона, но сделать этого не смог. Он слишком гордился старшей дочерью. Вряд ли найдется много пятнадцатилетних девочек, способных создать пусть и маленький, но профсоюз или выпускать собственную газету. Он нашел дочери новую школу, где не было уроков хороших манер и где гордились прогрессивными методами обучения. Там не возражали, если Кейти пропустит французский, чтобы пойти в палату общин, где каждую среду премьер-министр выступал с ответами на вопросы. Но при этом она должна выполнять домашние задания и показывать хорошие результаты на контрольных работах.

– Ну вот, па. Все собрано, – сказала Кейти, подавая ему портфель.

Джо положил портфель на колени и выкатил коляску из-за стола. Взяв блокнот и ручку, Кейти последовала за отцом.

Четырнадцать лет назад пуля преступника едва не оборвала жизнь Джо. Его удалось спасти, но он остался прикованным к инвалидной коляске. Это сделал некто Фрэнки Беттс, преступник из Восточного Лондона, с целью опорочить Сид, брата Фионы, который в то время сам был связан с преступным миром. Одевшись как Сид, Беттс явился в кабинет Джо и выстрелил дважды. Одна пуля застряла в позвоночнике. Джо только чудом остался жив и несколько недель провел в коме. Когда он очнулся, прогнозы врачей звучали неутешительно: о возвращении к нормальной, продуктивной жизни не может быть и речи. Эскулапы предлагали смириться с жалкой участью инвалида. Они предостерегали, что из-за прогрессирующей атрофии мышц он впоследствии вообще может лишиться ног. Однако Джо опроверг их мрачные прогнозы. Через полгода он вернул себе былую силу и здоровье, хотя на ноги так и не встал. Незадолго до покушения он выиграл парламентские выборы и стал депутатом от лондонского района Тауэр-Хамлетс. Ему пришлось сложить с себя депутатские полномочия, но уходить из политики он не собирался. За это время умер депутат парламента от Хакни, и были назначены дополнительные выборы. Джо вновь включился в избирательную кампанию, которую вел в инвалидной коляске. Он легко выиграл новые выборы и с тех пор оставался бессменным представителем от Хакни.

Выехав в приемную, Джо сообщил о случившемся с его женой, извинился перед избирателями и попросил их обязательно прийти завтра. Все согласилось, за исключением группы церковных прихожанок, возмущенных афишами, расклеенными по всему Хакни. Афиши рекламировали новую музыкальную постановку весьма пикантного свойства, которая называлась «Принцесса Зема и нубийки Нила».

– Эта девица на афишах изображена практически в чем мать родила! – негодуяше восклицала миссис Хьюз.

– Когда я прохожу с внуками по нашей улице, то вынуждена прикрывать им глаза! – вторила ей миссис Арчер. – У нас назревает конфликт с кайзером, а миссис Панкхёрст и ее

сообщницы бросают кирпичи в окна. Мало того что наши девушки курят и водят автомобили, так теперь еще в Хакни повсюду голые египтянки! Я вас спрашиваю, мистер Бристоу, куда катится мир?

– Этого, миссис Арчер, я не знаю, но даю вам слово: я лично прослежу, чтобы к концу недели все афиши были сняты.

Когда утихомирные женщины покинули приемную, Джо, сопровождаемый Кейти, Шейми и Фостером, спустились на лифте вниз. Там Джо уже дожидался экипаж с кучером. За ним стоял другой, в котором приехали Кейти, Шейми и дворецкий.

– Спасибо, дорогуша, что сообщила мне, – сказал Джо, пожимая дочери руку. – До встречи дома.

– Я не поеду домой. Я отправлюсь с вами, – заявила Кейти.

– Кейти, Холлоуэй – тюрьма. Это тебе не митинг лейбористов и не кондитерская фабрика. Ужасное место, неподходящее для пятнадцатилетней девчонки, – твердо произнес Джо. – Поезжай с дядей и мистером Фостером. Мы с мамой скоро приедем.

– Поехали, Кейт Великая, – позвал Шейми.

– Нет! Домой я не поеду! Па, ты обращаешься со мной как с ребенком! – сердито бросила отцу Кейти. – Меня волнует движение суфражисток. Это политика. Это права женщин. История, творящаяся на наших глазах. А ты оттесняешь меня на задний план! Я хочу написать о марше, арестах и самой тюрьме. Но из-за тебя я окажусь в стороне от событий!

Джо уже собирался приказать Кейти ехать домой, когда мистер Фостер деликатно кашлянул.

– Сэр, если вы позволите поделиться моим наблюдением, – начал дворецкий.

– Можно подумать, я могу вам помешать, – проворчал Джо.

– Мисс Кэтрин обладает умением убеждать. Способностью, которая однажды сослужит ей хорошую службу в парламенте. Как выиграет наша страна, когда первая женщина-парламентарий скажет, что она находилась на передней линии борьбы за избирательные права женщин.

– Гляжу, наш дворецкий твердо стоит на твоей стороне, – сказал Джо, а Кейти молча и с надеждой смотрела на отца. – Тогда едем, – вздохнул Джо.

Кейти захлопала в ладоши, наградив его поцелуем.

– Посмотрим, будешь ли ты улыбаться, когда окажешься в Холлоуэе. Потом не говори, что я тебя не предупредил.

– Джо, а тебе другие помощники не нужны? – спросил Шейми. – А то я чувствую себя не у дел.

– Помощники не помешают. И дополнительные деньги тоже. Похоже, мне придется освободить половину тюрьмы. У тебя есть с собой?

Шейми проверил содержимое бумажника и сказал, что есть, протянув Джо двадцатифунтовую банкноту. Фостера Джо попросил отправиться домой.

– Я поеду, сэр, – ответил дворецкий. – И скажу служанке приготовить к вашему возвращению большой чайник чая.

– Вот и славно, – отозвался Джо.

Он, Шейми и Кейти уселись в экипаж, специально сконструированный так, чтобы туда можно было заезжать на коляске. Кучер тронул пару гнедых лошадей, осторожно влившись в транспортный поток, затем повернул на запад, в направлении тюрьмы. Через несколько минут они добрались до Лондон-Филдса, парка, в котором должен был закончиться марш суфражисток. Когда за окнами замелькали зеленые аллеи, разговоры в экипаже стихли.

– Охренеть! – пробормотал Джо, глядя в окно.

Куда ни глянь, повсюду глаз натыкался на следы погрома. Окна в местном пабе и нескольких примыкающих домах были разбиты. Тележки уличных торговцев опрокинуты. Повсюду были разбросаны яблоки, апельсины, картошка и капуста. С фонарных столбов свисали истре-

паннные и порванные транспаранты. На земле валялись истоптанные плакаты. Жители, торговцы и владелец паба изо всех сил пытались навести порядок на площади, сметая осколки и мусор.

– Па, я волнуюсь за маму, – тихо сказала Кейти.

– Я тоже, – ответил Джо.

– Что тут произошло? – спросил Шейми.

В голосе шурина Джо уловил нотки беспокойства.

– Что именно – не знаю, но явно что-то дрянное.

Когда экипаж выворачивал с площади, Джо увидел, как владелец паба выплеснул ведро воды на мостовую перед заведением. Он отмывал с камней что-то красное.

– Никак это... – начал Шейми.

– Да, – быстро оборвал его Джо.

Джо не хотел, чтобы дочь услышала это слово, но было слишком поздно.

– Кровь, – прошептала Кейти.

– Кровь? – переспросил шокированный Шейми. – Чья кровь?

– Участниц марша, – вполголоса ответил Джо.

– Постой... Ты хочешь сказать, что женщин... женщин избивают на улицах Лондона? За мирный марш? За требование избирательного права? – Шейми недоверчиво качал головой. – Когда все это началось?

– Тебя, приятель, слишком долго мотало вокруг айсбергов, – ехидно заметил Джо. – А потом ты ездил с лекциями. Оставайся ты в Лондоне, то знал бы: здесь больше никто ни о чем не просит. Неимущие, будь то бедняки Уайтчепела, национальные профсоюзы или английские суфражистки, – все требуют реформ. Хорошая старая Англия сильно изменилась.

– Они и должны требовать. Что происходит с мирными маршами?

– Мирные марши остались в прошлом, – грустно улыбнулся Джо. – Борьба за избирательные права приобрела насильственный характер. За избирательные права борются две организации. Есть Национальный союз суфражистских обществ, возглавляемый Миллисент Фосетт. Кстати, Фиона в нем состоит. Они для достижения своих целей хотят оставаться в рамках законности. Вторая организация – это Женский социально-политический союз. Его возглавляет Эммелин Панкхёрст. Устав от проволочек Асквита, она призвала к решительным действиям. Ее дочь Кристабель – неистовая подстрекательница. Чего она только не делала! Приковывала себя наручниками к воротам. Бросала кирпичи в окна. Мешала публичным выступлениям премьер-министра. Словом, раздувала и раздувает пожар. Газеты только и пишут о деяниях матери и дочери Панкхёрст. К сожалению, полиция арестовывает не только этих дам, но и всех, кто оказывается рядом с ними. – Говоря, Джо посмотрел на Кейти и увидел, что та побледнела. – Дорогуша, еще не поздно. Мы можем отвезти тебя домой. Я попрошу кучера завернуть туда, а потом мы с дядей Шейми отправимся в Холлоуэй.

– Па, я не боюсь. И домой я не поеду, – тихо сказала Кейти. – Это и моя битва. Ради кого сражается мама? Ради тебя? Ради Чарли, Питера? Нет. Ради меня. Ради меня и Роуз. Поехать с тобой и вызволить маму – самое малое, что я могу. И написать об увиденном в своей газете.

Джо кивнул. Храбрая девчонка. Вся в мать, подумал он.

Храбрость была прекрасной, благородной чертой характера, но храбрость не могла защитить от конских копыт и дубинок. Джо еще сильнее охватило беспокойство за жену. Вдруг и ее покалечили?

– Выходит, та старушенция была права, – сказал Шейми.

– Какая старушенция? – не понял Джо.

– Та, которую мы видели у тебя в приемной. Она еще жаловалась на музыкальную постановку. Помнишь, она тебя спросила: «Куда катится мир?» Я подумал, что она просто чудакватая старая курица, ополчившаяся на голых египтянок. А сейчас я понимаю: она права.

Англия, Лондон... страна и город сильно изменились за два года, пока меня здесь не было. Я сам рассуждаю, как старик. Но черт бы меня побрал, Джо, бить и бросать в тюрьму женщин?! Куда катится мир?

Джо смотрел на ошеломленного шурина и думал о своей жене и ее подругах, брошенных в сырые камеры Холлоуэя. Он думал о забастовках и маршах рабочих, ставших привычным явлением лондонской жизни; о череде недавних угроз со стороны Германии, о звонке Уинстона Черчилля, который почти наверняка ищет поддержки для финансирования постройки новых британских военных кораблей.

И ответа на вопрос, куда катится мир, у Джо не было.

Глава 3

Шейми Финнеган думал, что тюремная обстановка ему знакома. Он и сам провел несколько дней в тюрьме. Было это восемь лет назад в Найроби. Его брата Сида арестовали и поместили в тюрьму за преступление, которое тот не совершал. Тогда Шейми вместе с Мэгги Карр, владелицей кофейной плантации, у которой работал Сид, сумели вызволить его из тюрьмы. Шейми и Сид поменялись местами. Сделать это было несложно: в тюрьме дежурил единственный надзиратель, а само здание, по словам миссис Карр, представляло собой жалкий курятник, наспех превращенный в тюрьму.

Но сейчас, глядя на громаду Холлоуэя, Шейми сознавал, что ничего не знает о тюрьмах, ибо таких тюрем он еще не видел.

Холлоуэй напоминал мрачную средневековую крепость с донжоном, железными воротами и зубчатыми орудийными башенками. Пара грифонов окружали арку ворот, достаточно широкую, чтобы внутрь мог въехать экипаж. За воротами виднелись прямоугольные тюремные корпуса с рядами узких окон, расположенных под потолком камер.

Один только вид тюрьмы вызвал у Шейми ощущение удушья. Его натура путешественника жаждала громадных открытых пространств вроде заснеженных просторов Антарктики или устремленных в небо вершин Килиманджаро. Сама мысль о заточении в отвратительные каменные застенки Холлоуэя действовала на него угнетающе.

– Дядя Шейми, нам сюда. Идем, – сказала Кейти, дергая его за руку.

Джо в коляске уже миновал ворота и теперь катился через лужайку, направляясь к внутреннему зданию с крупной надписью «ПРИЕМНАЯ». Шейми и Кейти быстро его догнали.

В приемной царил хаос. За письменным столом сидел полицейский в форме. Джо подъехал к нему, чтобы внести залог за Фиону и ее подругу Мод Селвин Джонс. Тем временем Кейти брала интервью у женщины, прижимавшей к голове окровавленный носовой платок. Здесь же находилось множество других женщин: многие – в порванной, забрызганной кровью одежде, а некоторые – с синяками и ссадинами. Надзиратель и несколько надзирательниц обращались с ними нарочито грубо. Родные и друзья активисток умоляли и убеждали их покинуть помещение, но те и слушать не желали.

– Где миссис Фосетт? – кричала одна. – Мы не уйдем, пока вы ее не освободите!

– Где миссис Бристоу и доктор Хэтчер? – вопрошала другая. – Что вы творите с ними? Отпустите их!

Отдельные крики сменились скандированием.

– Отпустите их! Отпустите их! Отпустите их! – повторяли десятки голосов.

Шум стоял оглушительный. Напрасно какая-то надзирательница требовала от женщин убраться отсюда. Ее голос быстро заглушили голоса активисток. Шейми заметил пожилого встревоженного мужчину в черном костюме и белом воротничке. Тот попеременно обращался к разным надзирателям.

Джо тоже его заметил и окликнул:

– Никак это вы, преподобный Уилкотт?

Мужчина обернулся. На вид ему было около шестидесяти. Гладко выбритый, в очках, с седеющими волосами и недоумением, застывшим на его добром лице.

Услышав, что его зовут, он прищурился, приподнял очки и сказал:

– О! Здравствуйтесь, мистер Бристоу. Вас радушно встретили в Ислингтоне?

– Едва ли, ваше преподобие. Никак и Дженни арестовали?

– Представьте себе. Я приехал за ней, но ее среди этих женщин нет. Пока я здесь нахожусь, тюремные власти передали родственникам уже многих женщин. А где Дженни – понятия не имею. Только что видел мистера фон Брандта. Он разыскивает Харриет. Ага! Вот и он.

К ним подошел высокий, элегантно одетый блондин. Состоялась церемония знакомства. Шейми узнал, что Макс фон Брандт, немец, родившийся в Берлине и ныне живущий в Лондоне, приходился доктору Харриет Хэтчер дальним родственником. Его сюда прислала мать Харриет, волнующаяся за дочь.

– Вы ее нашли? – спросил у него Джо.

– Нет. Но мне удалось переговорить с начальником тюрьмы. Он рассказал, что Харриет и еще несколько членов Национального союза суфражистских обществ были размещены по разным камерам.

– Зачем? – удивился Джо.

– Начальник сказал, что для их же безопасности. Ему пришлось отделить женщин из группы миссис Фосетт от женщин другой группы, возглавляемой миссис Панкхёрст. Между обеими группами возникла яростная словесная перепалка, и он опасался, как бы она не переросла в потасовку. Начальник утверждал, что задержанных скоро отпустят, но это было час назад. С тех пор никаких признаков освобождения.

Раздосадованный, Джо направил коляску в сторону издерганной надзирательницы, надеясь узнать больше подробностей. Макс отправился вместе с ним. Кейти продолжала расспрашивать участниц марша, заполняя страницы блокнота. Шейми и преподобный Уилкотт попытались затеять учтивый разговор. Священник знал о Шейми и сейчас расспрашивал о его антарктических приключениях. Шейми, в свою очередь, узнал, что священник возглавляет приход в Уоппинге, а его дочь, живущая вместе с ним в приходском доме, преподает в церковной школе для детей бедняков.

– Фактически это не только школа, но и благотворительная кухня, – пояснил преподобный Уилкотт. – Как любит говорить Дженни: «Голодные дети не в состоянии учиться, а дети, которые не учатся, всегда будут голодать».

Пока Уилкотт рассказывал, ворота в дальнем конце приемной открылись, и оттуда вышла группа потрясенных, уставших женщин. Шейми мгновенно заметил среди них сестру, однако радость тут же сменилась негодованием. Лицо Фионы пострадало. Ссадина на лбу, кровь в волосах. Жакет сестры был порван.

Едва эта группа вошла в приемную, раздались приветственные крики. Это кричали те, кого освободили раньше и кто отказывался уходить. Начались объятия, слезы и обещания устроить новые марши. Джо и Кейти поспешили к Фионе. Шейми двинулся следом. Вокруг звенели взволнованные женские голоса. Большинство участниц марша были ему не знакомы, но нескольких он знал.

– Боже, мне зверски нужна сигарета! – громко заявила одна женщина.

Шейми узнал Харриет Хэтчер, подругу Фионы.

– Сигарета и стакан джина. Макс, это ты? Слава Богу! Дай сигаретку.

– Хэтч, тут сигареты раздают? А еще одна найдется?

Этот голос тоже был знаком Шейми и принадлежал Мод Селвин Джонс, сестре Индии Селвин Джонс, вышедшей замуж за их с Фионой брата Сида.

– Как ты, Фи? – спросил Шейми, когда ему наконец удалось пробраться к сестре.

Джо и Кейти уже стояли рядом и забрасывали вопросами.

– Шейми? А ты как здесь оказался? – спросила Фиона.

– Я находился дома, когда принесли твою записку. Мы с Кейти сразу отправились к Джо.

– Извини, дорогуша.

– Не надо извинений. Я рад, что побывал здесь. Фиона, я и представить не мог. Совсем. Я... словом, я рад, что с тобой все в порядке.

Синяки на лице сестры опечалили и разозлили Шейми. Фиона вырастила его. Они лишились родителей, когда ей было семнадцать, а ему – четыре. По сути, сестра заменила ему мать. Из всех, кого он знал, Фиона была самым любящим, верным и бескорыстным человеком.

Мысль, что кто-то посмел причинить ей вред... Жаль, что этот мерзавец не стоял сейчас перед ним.

– Что случилось? – спросил жену Джо.

– Эммелин и Кристабель – вот что, – криво усмехнулась Фиона. – Наша группа двигалась мирно. Народу было полным-полно. Естественно, были и полицейские, но их никто не задевал и не оскорблял. Затем появились мамочка и дочка Панкхёрст. Кристабель плюнула в полицейского, потом запустила камнем в витрину паба. С этого все и началось. Сначала крики и ругань, потом потасовки. Разъяренная жена владельца паба набросилась с кулаками на Кристабель, а потом и на других участниц. Полиция начала аресты. Те из нас, кто шел мирно, стали сопротивляться и, как видишь, дорого за это заплатили.

– Начальник тюрьмы говорил, что вас развели ради вашей же безопасности, – сказал Джо. – Даже здесь женщины обеих групп кричали друг на друга и были готовы затеять драку.

– Он вам так сказал? – устало рассмеялась Фиона.

– Ма, а что, это неправда? – спросила Кейти.

– Нет, дорогуша. Начальник тюрьмы упрятал нас в подвал совсем не ради безопасности. Никаких препирательств между нами не было. Начальник хотел напугать нас, и это ему удалось. Но запугать у него не получится. Ни сейчас, ни в будущем.

– Что значит запугать? – насторожился Шейми.

– Он велел поместить всех нас в одну камеру. В соседней находилась женщина-суфражистка, объявившая голодовку. Надзирательницы насильственно ее кормили. Начальник специально это сделал, чтобы мы слышали. Просто жуть. Нам пришлось слушать, как эта несчастная кричала и сопротивлялась. Потом ее вытошнило. Тогда надзирательницы повторили процедуру. А затем еще раз. Так продолжалось, пока она не перестала исторгать пищу. Начальник позаботился и о том, чтобы мы увидели бунтарку. Когда издевательства закончились, ее провели мимо нашей камеры. Она едва шла. Ее лицо было в крови... – Фиона замолчала, захваченная волной эмоций, а когда успокоилась, продолжила: – Мы и сами были подавлены. Нас тоже тошнило. Зрелище испугало всех, кроме Дженни Уилкотт. Она была единственной, кто сохранил присутствие духа. Удивительная девушка. Когда эту женщину вели мимо нашей камеры, Дженни запела «Abide with Me»¹. Женщина услышала ее. Поначалу эта суфражистка шла с поникшей головой, но, стоило Дженни запеть, подняла голову, а потом улыбнулась. Она улыбалась сквозь слезы и кровь. Потом мы все запели. Думаю, вся тюрьма слышала нас и крепчала духом. И всё благодаря Дженни.

– Фиона, а что такое насиль...

Шейми не договорил, ибо на него вдруг налетела молодая женщина. На вид ей было лет двадцать пять. Невысокого роста, блондинка, один глаз который целиком заплыл от здорового синяка. Таких отвратительных синяков на женском лице Шейми еще не видел.

– Тысячу извинений, – смущенно пробормотала блондинка. – Это все из-за синяка. Тот глаз заплыл, а этим я вижу хуже.

Она крепко держалась за руку преподобного Уилкотта.

– Ничего страшного, – успокоил ее Шейми. – Вам незачем извиняться.

– Мистер Финнеган, познакомьтесь с моей дочерью Дженни Уилкотт, – представил ее священник. – Дженни, и ты познакомься с Шеймусом Финнеганом, братом Фионы и всемирно известным путешественником. Он отыскал проход к Южному полюсу.

– Очень рад знакомству с вами, мисс Уилкотт, – сказал Шейми.

– Взаимно, мистер Финнеган. Как вас угораздило попасть с Южного полюса в Холлоуэй? Должно быть, вас постигло чудовищное несчастье.

¹ «Пребуди со Мною», известный англиканский религиозный гимн, написанный в середине XIX в. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Раньше, чем Шейми сумел ответить, Кейти потянула его за рукав:

– Дядя Шейми, мы уходим. Ты с нами?

Шейми ответил, что да, затем снова повернулся к Уилкоттам:

– Мисс Уилкотт, возьмите меня за руку. Когда вас поддерживают с обеих сторон, вам легче будет идти. Знаю по собственному опыту. Я пережил снежную слепоту. Это было во время первой экспедиции в Антарктику. Меня водили, как ягненка.

Дженни взяла Шейми за руку. Вдвоем с отцом они вывели ее из приемной в длинный угрюмый проход, ведущий из тюрьмы на улицу.

– Фиона рассказала нам о ваших злоключениях, – сказал Шейми, пока они шли по коридору. – Скорее всего, вы и есть та Дженни, которая пела «Abide with Me»?

– Дженни, ты пела? – удивился преподобный Уилкотт. – Ты говорила мне про насильственное кормление, но этот момент упустила. Я рад, что ты выбрала этот прекрасный старый гимн. Должно быть, он несколько утешил ту несчастную.

– Знаешь, папа, мною двигало не столько утешение, сколько желание противостоять, – ответила Дженни. – Да, я пела той женщине. Но и ее мучительницам тоже. Пусть знают: что бы они с нами ни делали, им нас не сломить.

– Что такое насильственное кормление? – спросил Шейми. – И почему надзирательницы вдруг стали насильственно кормить узницу?

– Мистер Финнеган, а вы что, не читаете лондонских газет? – задала встречный вопрос Дженни, в голосе которой появилось раздражение.

– Конечно же читаю. Но их нелегко достать в Нью-Йорке, Бостоне или в Чикаго, не говоря уже о Южном полюсе. Я вернулся в Лондон всего месяц назад.

– Простите, мистер Финнеган. Я вторично вынуждена извиняться перед вами. Сегодня был очень напряженный день, – сказала Дженни.

– И я вам второй раз говорю, мисс Уилкотт, вам не за что извиняться.

Говоря, Шейми повернулся к Дженни и посмотрел на ее синяк. Ему показалось, что ее глаз заплыл еще сильнее. Он знал, насколько болезненными бывают такие синяки.

– Женщина, которую насильно кормили надзирательницы, тоже принадлежит к движению борцов за права женщин, – начала Дженни. – Она повредила экипаж мистера Асквита, за что ее и арестовали. Она находится в тюрьме уже месяц и намерена голодать, пока не умрет.

– Зачем ей это понадобилось?

– В знак протеста. И чтобы привлечь внимание к борьбе за женское равноправие. Молодая женщина, уморившая себя голодом в тюрьме. Газетчики сделают из этого проникновенные статьи, на которые откликнется общественное мнение. Мистеру Асквиту и его правительству станет очень не по себе.

– Но если женщина не хочет есть, ее нельзя заставить.

Дженни повернулась к Шейми и оглядела его здоровым глазом:

– Представьте себе, можно. Это варварская процедура, мистер Финнеган. Вы уверены, что хотите узнать о ней?

Ее вопрос и этот оценивающий взгляд взбудоражили Шейми. Неужели она думает, что он не совладеет с услышанным? Он справился с Африкой и Антарктикой. Совладал с цингой, снежной слепотой и обморожением. Совладеет и с рассказом о варварской процедуре.

– Да, мисс Уилкотт, я уверен, – сказал Шейми.

– Тогда слушайте. Узницу, объявившую голодовку, сначала нужно лишить возможности сопротивляться. Для этого ее туго пеленают, завернув в одеяло. Тогда уже не побрыкаешься и руками не помашешь. Естественно, узница не желала покоряться надзирательницам и тюремному врачу и сопротивлялась единственным доступным ей образом – плотно сжав губы. Иногда узникам в рот вгоняют металлический расширитель, насильственно раздвигая губы, и таким образом кормят. А иногда в ноздрю вставляют резиновую трубку и проталкивают в

глотку. Думаю, мне не надо объяснять, насколько это болезненно. Потом врач вводит через трубку питание. Обычно это молоко с размолотой в порошок овсянкой. Если женщина в этот момент лежит спокойно, она может дышать. Если нет... возникают другие сложности. Когда требуемое количество пищи влито в пищевод, трубку убирают и узницу развязывают. Если она исторгает пищу, врач повторяет процедуру.

У Шейми забурлило в животе.

– Вы правы, мисс Уилкотт. Процедура и вправду жуткая.

Шейми поймал и выдержал ее взгляд. И тут до него дошло: Дженни знала о насильственном кормлении не с чужих слов. Мысль о возможных причинах подобных знаний заставила его содрогнуться.

– С вами ее тоже проводили, да? – спросил он.

Он тут же пожалел о своем вопросе. Такие вопросы не задают женщине, с которой едва успел познакомиться.

– Да, проводили. Дважды, – не дрогнув, ответила Дженни.

Ее искренность поразила Шейми.

– Дорогая, быть может, ты найдешь более приятную тему для разговора с мистером Финнеганом? – мягко предложил дочери преподобный Уилкотт. – Смотри. Мы достигли выхода. Выбрались из логова льва на свет Божий. Совсем как пророк Даниил.

Шейми посмотрел вперед. Они достигли конца длинного каменного прохода и теперь находились вне тюрьмы. Его близкие еще не уехали. Быстро темнело. На улице уже горели фонари.

Фиона сидела на скамейке, закрыв глаза. Рядом пристроилась Кейти, лихорадочно строча в блокноте. Джо, скорее всего, отправился на поиски экипажа. Когда ехали сюда, улица была запружена экипажами, и кучер не смог подъехать к самой тюрьме. У скамейки Харриет Хэтчер курила очередную сигарету, а рядом стояли Макс и Мод. Макс что-то рассказывал, а Мод громко хохотала.

– Я пойду искать кеб. Мистер Финнеган, вы не побудете с Дженни, пока я хожу? – спросил преподобный Уилкотт.

Шейми охотно согласился.

– Мисс Уилкотт, вам лучше присесть, – сказал он.

Идя к скамейке, они миновали фонарь, и Шейми еще раз оглядел лицо Дженни, после чего присвистнул. Синяк и в самом деле стал еще больше и чернее. Шейми поморщился.

– Что, так плохо? – спросила Дженни.

– Не то слово. Ужасно.

– Ну спасибо, – засмеялась Дженни. – Большущее спасибо. А о таком словечке, как «тактичность», вы слышали?

Шейми тоже засмеялся. Посмотрев на Дженни сейчас, он увидел еще кое-что. Дженни была очень миловидной, чего не мог испортить даже синяк. Потянулись секунды неловкого молчания. Шейми вовсе не хотелось, чтобы их разговор на этом прервался, и он быстро нашел новую тему:

– Ваш отец вскользь упомянул, что возглавляет один из приходов Ист-Энда.

– Так оно и есть. В Уоппинге. Церковь Святого Николаса. Вы знакомы с этим святым?

– Нет.

Шейми вдруг испугался, что сейчас услышит скучный назидательный рассказ о жизни святого и совершённых Николасом чудесах, после чего ему настоятельно посоветуют ходить в церковь по воскресеньям, однако Дженни снова его удивила.

– Святой Николас – покровитель моряков, воров и проституток, – сказала она. – Для нас – просто идеальный святой, поскольку Уоппинг изобилует всеми тремя категориями. Видели бы вы Хай-стрит субботним вечером.

Шейми опять засмеялся:

– И давно вы живете в Уоппинге?

– Да вот уже двадцать пять лет. Во всяком случае, мой отец. Когда он взял этот приход, церковь находилась в запустении. Прихожан было совсем мало. Отец вдохнул в нее новую жизнь. Около двадцати лет назад мама открыла школу для детей с окрестных улиц. Шесть лет назад эстафета перешла ко мне. Сто процентов наших учеников остаются в школе до четырнадцати лет. А двадцать процентов выпускников затем идут в ремесленные школы. Конечно, в одиночку мы бы не потянули, – продолжала Дженни. – Знайте, мистер Финнеган: школа продолжает существовать в основном благодаря щедрым пожертвованиям ваших сестры и шурина. По сути, это не только моя, но и их школа. На их деньги мы сумели купить еще десять парт и классную доску.

Шейми очень заинтересовало то, чем занималась Дженни. Он хотел поподробнее расспросить ее, но они уже подошли к скамейке. Фиона и Кейти пододвинулись, освобождая место для Дженни. Харриет, Макс и Мод, докурив сигареты, тоже подошли к ним.

– Дженни, вы говорили о школе? – спросила Фиона, открыв усталые глаза.

– Да. Рассказывала вашему брату о ваших с Джо жертвованиях.

Фиона устало улыбнулась и указала на афишу на стоящем omnibusе:

– Я тоже думала о школе. Смотрю, малышка Джози Мидоуз, ваша бывшая ученица, добилась неплохих успехов. «Принцесса Зема, самая загадочная загадка Древнего Египта». Загадочная и загадка. Оцените ее достижения.

Дженни взглянула на афишу и вздохнула:

– Полагаю, она достигла успехов. Если, конечно, считать успехами танцы в полуголом виде и заигрывание с преступным миром.

– С преступным миром? – переспросила Фиона.

– В полуголом виде? – подхватил Шейми.

– Принцесса Зема. Откуда мне известно это имя? – удивилась Харриет.

– Потому что оно красуется в Лондоне на каждой афишной тумбе, телефонном столбе и omnibusе, – качая головой, сказала Дженни. – А в главной роли – моя бывшая ученица Джози Мидоуз.

– В роли принцессы Земы, – сказала Фиона. – Восемьдесят экзотических танцовщиц, двадцать павлинов, две пантеры и питон воскрешают историю египетской принцессы, украденной из ее дворцовой спальни накануне свадьбы и проданной в рабство лживым, жестоким и преступным фараоном.

– Сюжет просто сказочный, – пошутил Макс.

– Боже мой, Фиона, а вы откуда все это знаете? Неужели смотрели постановку? – спросила Дженни.

Фиона покачала головой:

– Чарли, мой старший сын, принес домой афишу. Уж не знаю, где он ее раздобыл. Я сразу же отобрала. Весьма сомнительная афиша, если не сказать, непристойная.

– Джози была не просто моей ученицей, – сказала Дженни, поясняя ситуацию Шейми и остальным. – Она была мне как сестра. В школу она пришла десятилетней. Сейчас ей девятнадцать. Она всегда рвалась на сцену. Теперь она там. Экзотическая танцовщица. Как мне говорили, она исполняет танец с вуалью, прикрывающей почти целиком обнаженное тело.

– А в чем выражается ее заигрывание с преступным миром? – спросила Фиона.

– Ходят слухи, что на нее положил глаз Билли Мэдден, – почти шепотом ответила Дженни.

– Билли Мэдден, – мрачно повторила Фиона. – Боже, какая же она глупая девчонка! Даже не знает, куда вляпалась.

Фиона и Шейми переглянулись. Они оба знали, что Билли Мэдден – самый могущественный из главарей лондонского преступного мира. Их брат Сид, некогда сам возглавлявший преступный мир Восточного Лондона, рассказывал им, что более жестокого и коварного человека он не встречал.

– Думаю, знает, – печально возразила Дженни. – Я недавно видела ее. Бриллианты на пальцах и ссадины на лице.

– Боже, о какой жути вы тут толкуете! – поморщилась Мод. – Словно вам мало сегодняшнего веселого денька. Давайте сменим тему. Или, лучше, перекурим. Харриет, дорогая, ты со мной? А вы, Макс?

– Иного мне и не остается, мисс Селвин Джонс, – ответил Макс. – Сигареты есть только у меня.

Мод, Макс и Харриет отошли от скамейки, чтобы не дымить в сторону остальных.

– Оставим в покое Джози и ее сомнительных друзей. – Фиона повернулась к Дженни. – Лучше расскажите Шейми о наших успехах. Расскажите ему про Глэдис.

Раньше, чем Дженни успела открыть рот, подъехал экипаж, найденный Джо. Фиона и Кейти попрощались, предложив подбросить Мод до дому, но та с благодарностью отказалась, сказав, что поедет вместе с Харриет и Максом к ним домой. Шейми тоже остался, поскольку обещал дожидаться возвращения отца мисс Уилкотт, после чего он найдет кеб и поедет к Джо и Фионе.

– С удовольствием послушаю рассказ про другую девушку, – сказал он, когда его родные уехали.

Шейми обрадовался возможности поговорить с Дженни наедине.

– Про другую девушку? – не сразу поняла Дженни.

– Историю ее успеха. Вы начали было рассказывать, но тут подоспел Джо.

– Да. Вспомнила, – улыбнулась Дженни. – Глэдис Бигелоу – это история настоящего успеха. Она тоже училась в нашей школе. Очень светлая девочка. Жила она в тяжелейших условиях. Пьющий, распускающий руки отец, который потом умер. Забитая, запуганная мать. Семья бедствовала. Казалось бы, Глэдис ждала отупляющая работа на фабрике. А вместо этого она работает в Адмиралтействе у сэра Джорджа Бёрджесса, заместителя мистера Черчилля.

Шейми видел, как озарилось лицо Дженни, когда она заговорила об этой Глэдис.

– Сначала Глэдис училась в нашей маленькой школе, затем поступила на секретарские курсы. Я спрашивала у Джо и Фионы, не найдется ли у них места для нее. В тот момент никаких вакансий не было, но Джо знал, что сэр Джордж ищет толковую помощницу, и рассказал ему про Глэдис. И сэр Джордж взял ее на работу.

– Какая замечательная история, мисс Уилкотт, – послышалось у них за спиной.

Это был Макс фон Брандт. Шейми даже не подозревал, что Макс слушает, и полагал, что немец по-прежнему курит вместе с Мод и Харриет.

– Согласна с вами, мистер фон Брандт, – сказала Дженни, поворачиваясь к нему. – Эта работа изменила ее жизнь. Прежде Глэдис была застенчивой и несколько замкнутой. Она ничего не видела в жизни, кроме больной матери и кружка по вязанию, куда ходила по четвергам. А теперь, благодаря образованию, она занимается любимой работой. И не где-нибудь, а в Адмиралтействе! У нее есть цель в жизни, она обрела независимость. Ее кругозор существенно расширился. Знаете, она даже стала суфражисткой. Ходит на наши вечерние встречи. Разве не удивительно? Вот что образование способно сделать с человеком.

– Дженни! Иди сюда, дорогая!

Это был преподобный Уилкотт, наконец сумевший найти кеб.

– Держитесь за мою руку, – предложил Шейми. – Я провожу вас.

Дженни не возражала. Она попрощалась с Максом, помахала Мод и Харриет и вместе с Шейми пошла к ожидавшему кебу.

– Мистер Финнеган... мне тут пришла мысль... вы бы не согласились выступить перед учениками нашей школы? – спросила она, пока они шли. – Как насчет будущей недели? Вы ведь живая легенда. Столько достижений, столько удивительных дел. Для детей это был бы настоящий праздник. Они будут вам очень благодарны. И я тоже.

Выступления Шейми были распланированы на всю неделю. Помимо них, его ждала встреча с сэром Клементсом Маркемом в Королевском географическом обществе. Маркем позвонил Шейми в дом Фионы и сообщил, что хочет предложить ему должность в КГО. Вдобавок Шейми уже давно собирался прогуляться по пабам со своим другом Джорджем Мэллори. Словом, у него имелось немало веских доводов, чтобы сказать «нет», но они не являлись главной причиной. Главной причиной сказать Дженни Уилкотт «нет» была его боязнь сказать «да». Шейми боялся снова увидеть ее. Эта женщина что-то пробуждала в нем. Восхищение – так быстро объяснил себе Шейми. Но пробужденное состояние было глубже обычного восхищения. Женщины, периодически появлявшиеся у него в эти годы, тоже пробуждали в нем что-то. Его плотскую страсть. Однако сейчас он испытывал совсем другое чувство. Дженни Уилкотт, с которой он едва успел познакомиться, затронула его сердце. А этой его части ни одна женщина не касалась уже очень давно.

«Не делай этого, – мысленно одернул он себя. – Ты совсем недавно расстался с Кэралайн. Меньше всего тебе сейчас нужен новый роман».

– Спасибо за приглашение, мисс Уилкотт, но я не уверен, что смогу. Сначала надо свериться с графиком выступлений.

– Понимаю, мистер Финнеган, – ответила Дженни, пытаясь скрыть досаду. – Вы ведь невероятно заняты. – Она попыталась улыбнуться, но вместо этого поморщилась и ойкнула. – Синяк такой большой, что даже улыбаться больно.

– Ваш «фонарь» продолжает пухнуть, – сказал Шейми и, не успев подумать, осторожно коснулся синяка под глазом Дженни. – Боюсь, он еще немного распухнет, а потом, через день или два, начнет спадать. А вот ссадины исчезнут не так быстро.

– Насколько понимаю, вы хорошо знакомы с особенностями синяков, – сказала Дженни.

– Парочка знатных синяков появлялась и на моей физиономии. Спокойной ночи, мисс Уилкотт, – произнес Шейми, усаживая Дженни в кеб.

– Спокойной ночи, мистер Финнеган. – Шейми хотел закрыть дверцу, но Дженни подавалась вперед и сказала: – Вы ведь постараетесь выкроить время на посещение нашей школы? Или хотя бы подумаете об этом?

Шейми посмотрел на нее. На заплывший глаз, на забрызганную кровью блузку. Сколько же выдержала эта хрупкая женщина в борьбе за равные права? Стычки, тюрьму, насильственное кормление. Шейми вспомнил, как совсем недавно, в Кембридже, Лондон и лондонцы казались ему чем-то серым и скучным. Как же он ошибался!

– Да, мисс Уилкотт, – наконец ответил ей Шейми. – Я обязательно об этом подумаю.

Глава 4

Уилла Олден остановила тяжело нагруженного яка. Несколько долгих минут она просто смотрела. Это зрелище она видела столько раз, что уже сбилась со счета. Смотрела на него в видоискатель фотокамеры, в телескоп, теодолит, секстант. Фотографировала, зарисовывала, наносила на карту, измеряла. И каждый раз у нее все равно захватывало дух.

– Красавец, – прошептала она. – Холодный, недосыгаемый красавец.

Перед ней поднимался Эверест со всеми его вершинами, уступами и отвесными склонами. Над вершиной клубился белый дымок. Уилла знала, что это не дым, а поземка, поднятая высокогорными ветрами. Но ей нравилось представлять горного духа, пляшущего вокруг своего высокого далекого дома. Тибетцы называли Эверест Джомолунгмой, что в переводе означало «горная богиня-мать».

Уилла находилась в нескольких милях от деревни Ронгбук, на одноименном леднике. Отсюда ей открывался вид на северный склон могучей горы. Снова и снова разум говорил Уилле, что подняться на эту чертову гору невозможно. Но всякий раз, когда она смотрела на северный склон, на неприступные утесы и снежные поля, сердце не желало слушать. А если попробовать достичь того уступа? Или того отрога? А вот эта скала... отсюда она кажется крепким орешком, но если альпинист очень опытен и погода ему благоприятствует... очень опытный альпинист, снабженный кислородным баллоном... что тогда?

Без кислорода нечего и думать о подъеме на Эверест. В этом Уилла была уверена. Тогда, поднимаясь на Мавензи, одну из вершин Килиманджаро, она очень страдала от высотной болезни. Но высота Мавензи не достигала и семнадцати тысяч футов. Что случится с человеком на высоте в двадцать девять тысяч?

Уилла знала первые симптомы высотной болезни: нескончаемая тошнота и рвота, опухание лица, рук и ног. Дыхание становится болезненным, изматывающим процессом. Все это она испытала на себе. Чем выше, тем сильнее проявляются эти симптомы. Потом высотная болезнь добирается и до самих легких. Начинается сухой, отрывистый кашель. Затем поднимается температура. Нередко альпинист начинает кашлять кровью. Если высота щадит легкие, то набрасывается на мозг. Голова разрывается от непрекращающейся боли. Мысли путаются. Зрение теряет четкость. Альпинист утрачивает контроль над руками и ногами. Спасает только незамедлительный спуск. В противном случае альпиниста подстерегает паралич, кома, а затем и смерть.

– Зачем? – спрашивали ее те, кто не способен понять, какая сила заставляет альпинистов штурмовать вершины.

Если бы я смогла показать это зрелище, этот великолепный Эверест, взметнувшийся в синее небо, думала Уилла. Нетронутый, девственно-чистый, неистовый и устрашающий. Если бы они увидели снимки, то перестали бы спрашивать.

И вскоре это случится. Ее гималайские снимки будут опубликованы. Она сфотографировала почти все, что требовалось. И мир собственными глазами увидит то, что невозможно достоверно описать никакими словами.

– Пошевеливайся, старая жердь! – прикрикнула Уилла на яка.

Она поплотнее натянула на уши меховую шапку и хлопнула руками в рукавицах. Як тронулся. Уилла слегка поморщилась. Увечная нога начинала болеть. Совсем немного. Но потом это «немного» усугубится, а у нее сегодня нет времени возиться с ногой. На леднике Ронгбук ей не нужны дополнительные хлопоты. Она рассчитывала добраться туда к полудню и сразу же разбить лагерь. Сегодня ее ожидала масса работы.

Прибыв на Восток, Уилла стала посылать в Королевское географическое общество снимки индийских храмов, городов и деревень, широких рек, засушливых равнин, холмов и

долин, покрытых густой растительностью. К ним добавились виды Китая и его Великой стены. Снимки Великого шелкового пути, по которому шел Марко Поло. Снимки Монголии Чингисхана. Сэр Клементс Маркем показывал ее снимки в КГО. Позже они превратились в фотоальбомы. Эти фотоальбомы принесли Уилле хоть какие-то деньги.

Два года назад она обратилась к Маркему с новым предложением – сделать альбом фотографий Гималаев. Запечатлеть Аннапурну, Нилгири и Эверест.

Спустя несколько месяцев Уилла получила ответ, состоявший из одной строчки: «Гималаи? Да. Как скоро?» С того момента она трудилась не покладая рук, не щадила себя, охотясь за совершенными снимками – такими прекрасными и завораживающими снимками, что люди, глядя на них, будут удивленно восклицать или благоговейно замолкать. Сейчас у нее собралось более двухсот снимков для гималайского альбома: гор при разной погоде, деревень у подножий и местных жителей.

И маршрут. У нее были и снимки возможного пути на Эверест.

Альбом сделает ее знаменитой. Укрепит ее репутацию альпинистки и исследовательницы. Он принесет ей деньги, в которых она сейчас очень нуждалась. Почти десять лет назад ее тетя Эдди дала ей пять тысяч фунтов. Нынче от этих денег мало что осталось. Они ушли на путешествие в Африку, затем на путь из Африки в Индию, на странствия по Дальнему Востоку, на подкуп чиновников, дававших разрешение на пересечение границы. Ей приходилось платить за пищу, чай и кров над головой. Денег стоили фотоаппараты, пленки и другое фотографическое оборудование. Денег стоили палатки, койки и тягловые животные, перевозящие все это.

Маршрут пути к вершине Эвереста. Уилла думала о нем, двигаясь к месту стоянки. Маркем хотел получить этот маршрут. И не только он. Этого хотели немцы, итальянцы, французы и американцы. Альпинисты – племя соперников. Быть первым – для них самое главное. А оказаться первым на высочайшей вершине мира было главнейшей наградой. Уилла знала это по себе. Однажды она была первой. Первой, кто ступил на вершину Мавензи. Это стоило ей ноги и едва не лишило жизни. Это стоило ей сердца.

– Но, но! – подгоняла она яка, заставляя двигаться вверх по заснеженному уступу ледника.

Их путь по безбрежному белому пространству продолжался час, затем второй, пока Уилла не получила того, чего добивалась, – непосредственного, ничем не затененного вида на северную седловину. Тогда она остановилась, вбила в снег железный кол и привязала к нему яка. Затем принялась медленно, методично разгружать своего помощника и устраивать лагерь.

Разгрузка привезенного имущества, установка палатки и разведение костра отняли у нее час. Уилла всегда путешествовала и работала одна. Это ее больше устраивало, а впрочем, у нее просто не оставалось выбора. Очень немногие женщины согласились бы жить так, как она, – в холодных, чужих, неприветливых краях, без домашних удобств, без мужа и детей. Без каких-либо гарантий безопасности и защиты.

Что же касается мужчин... Уилла охотно бы примкнула к любой экспедиции, устраиваемой КГО, но туда ее не взяли бы. Их экспедиции разрабатывались и осуществлялись мужчинами. В мужских головах по-прежнему не укладывалось, что женщина может стать членом экспедиции, отправляющейся к Северному или Южному полюсу, в верховья Нила или на Эверест. Ведь ей пришлось бы совершать переходы и подъемы, есть и спать бок о бок с мужчинами, что было неприемлемо. Не для нее и мужчин-участников такой экспедиции, а для британского общества, которое и оплачивало экспедиционные расходы. Люди, за счет которых существовало КГО, финансировали и экспедиции.

Закончив устройство лагеря, Уилла зарядила винтовку и положила рядом с койкой. Оружие защищало ее от волков – четвероногих, а порою и двуногих. Удостоверившись, что все находится на своих местах, она накормила яка, затем соорудила себе нехитрый обед из горя-

чего чая и цампы – смеси ячменной муки, сахара и пахучего масла, сделанного из молока яка. Уилла специально ела мало, поддерживая телесную худобу. Чем тощее тело, тем меньше она страдала от месячных. Они и в лучшие времена доставляли ей изрядные хлопоты, а здесь, вдалеке от ватерклозетов и водопровода, изрядно отравляли жизнь.

После обеда Уилла решила немного пройтись. Время двигалось к вечеру, но в ее распоряжении еще оставалось два, а то и три светлых часа. Она встала, чтобы вымыть миску и чашку, и слегка застонала. Протез из кости яка был легче и удобнее деревянного, который ей изготовили в Бомбее, когда она впервые приехала в Индию, но после долгих переходов культя все равно болела. Сейчас боль усилилась. Дальше может быть только хуже. Люди, не лишившись рук или ног, рассуждали о фантомных болях или о странных ощущениях в отсутствующей конечности. Те же, кто остался без руки или ноги, знали другие ощущения. Им была хорошо знакома тупая, неутрачивающая боль, порой становящаяся невыносимой. Они знали о вычеркнутых из жизни днях и бессонных ночах.

Сколько таких ночей она провела сама, просыпаясь от боли? Сколько простыней изорвала в клочья, сколько слез пролила? Сколько раз она кричала и билась головой о стену, ослепленная болью? Слишком много, чтобы вести подсчеты. Доктор Рибейро, ампутировавший ей ногу в Найроби, давал ей морфий, который снимал боль. Всего через несколько дней после операции она на костылях покинула Найроби, увозя с собой несколько пузырьков морфия, и отправилась на восток. Потом, когда запасы морфия кончились, она открыла для себя опиум. Уилла покупала его на базарах портовых городов, у афганских крестьян и странствующих торговцев Индии, Непала и Тибета. Опиум снимал боль в ноге, попутно уменьшая другую, более острую боль в ее сердце.

Опиум всегда был при ней. Уилла сунула руку в карман куртки, вытащила отвердевший комочек коричневой пасты, отрезала кусочек и добавила в трубку к табаку. Через несколько минут наркотик унял боль, вернув Уилле относительную свободу передвижения. Она быстро вымыла посуду, проверила, надежно ли привязан як, и двинулась к склону.

Одинокая, никем не сдерживаемая, она шла по девственно-белым снегам, покрывающим ледник, чувствуя себя необузданной и свободной, как сокол, кружащий в небе, как лиса, крадущаяся по снегу, как волк, воющий на луну. У нижних отрогов Эвереста равнина закончилась. Начался подъем, но Уилла не остановилась. Она продолжала идти по леднику, пересекая зубчатые камни морены. Местность делалась все суровее. Искусственная нога становилась все большей помехой, но Уилла не могла остановиться. Эверест, высившийся над ледником, был великолепен. Он тянул ее к себе, наводя чары и лишая сил им противиться.

Относительно пологое подножие превратилось в настоящий склон, однако Уилла продолжала идти, манящая горой, забывая о мерах предосторожности и о том, что ее восхождения остались в прошлом. Первый шаг вверх она делала здоровой ногой, подтягивая увечную. Костяные, не ощущающие холода пальцы тоже на что-тогодились. Уилла ставила ступню протеза в трещину, переносила на искусственную ногу тяжесть тела. Сильными, жилистыми руками она цеплялась за выступы, помогая себе идти.

Она забиралась все выше и выше, опьяненная холодной белизной, звуками своего дыхания и бесподобным чувством восхождения. Она покоряла склон, двигаясь уверенно и быстро. Тут это и случилось. Уилла не удержалась руками за обледенелый выступ, поскользнулась и покатила вниз. Ее мотало в разные стороны, отчего протез больно врезался в культю, заставляя Уиллу кричать. Десять футов. Двадцать. Тридцать. Где-то на сороковом футе ей удалось зацепиться за выступ. Это стоило двух сорванных ногтей, но боль она почувствовала лишь потом.

Уилла держалась за уступ, уткнувшись лицом в снег, дрожа и всхлипывая. Пальцы жутко болели, но плакала Уилла вовсе не от боли, а от ужасающих воспоминаний о спуске с Мавензи.

Нынешнее падение пробудило их, и они хлынули лавиной – яркие, душераздирающие. Уилле было не шевельнуться. Она могла лишь держаться за выступ, закрыв глаза и дрожа от страха.

Она помнила то падение и удар, сломавший ей ногу. Помнила, как Шейми тащил ее с горы вниз, а потом распрямлял ее покалеченную ногу. Он несколько дней нес ее на себе, и все эти дни Уиллу ни на мгновение не оставляла невыразимо жуткая, вгрызающаяся в тело боль.

От боли и лихорадки, вызванной гангреной, у нее помутился рассудок. В таком состоянии Шейми привез ее в Найроби. Едва взглянув на ее ногу, врач заявил о необходимости срочной ампутации. Уилла просила не трогать ее ногу, умоляла Шейми не позволять врачу этого делать. Увы, Шейми согласился с доводами доктора Рибейро, и тот отхватил ей ногу чуть ниже колена.

Шейми тогда убеждал ее, говоря, что без операции она бы умерла. Он не понимал: она и так частично умерла. С альпинизмом придется проститься навсегда. Ей уже не лазать по горам. Даже самый лучший протез не вернет ее ноге гибкость, устойчивость и быстроту движений, необходимых для рискованных восхождений. Случившееся с ней в чем-то было хуже смерти. Снимки, наблюдения, расчеты. Теперь она работала для неведомых ей альпинистов, кто однажды покорит высочайшую вершину мира. Это была не жизнь, а отрывки жизни. Жизнь неудачницы. Уилла ненавидела такую жизнь, однако другой у нее не было.

Она и Шейми ненавидела, почти столь же сильно, как любила. Уилла проклинала его и свою бесполезную ногу. Она винила его в случившемся, ибо легче думать, что в этом виноват кто-то другой, а не ты.

Ей вспомнился путь из Найроби в Момбасу и поспешное отплытие. Ее культя еще кровоточила, и Уилла едва могла передвигаться на костылях. Но ее снедали горе и гнев, захлестывали противоречивые эмоции, испытываемые к Шейми, и потому ей хотелось уехать как можно дальше от него. Ей удалось добраться до Гоа, где она сняла домик на побережье. Там она провела полгода, ожидая, пока нога окончательно не заживет, и оплакивая свою едва начавшуюся жизнь. Потом, окрепнув телесно и душевно, Уилла отправилась в Бомбей. Там она нашла врача, изготовившего ей протез. В Бомбее Уилла прожила месяц, учась ходить на протезе, после чего купила несколько фотоаппаратов и самое необходимое из одежды. С этим грузом и остатками тетиних денег она отправилась дальше. Пусть ей уже не подниматься в горы, но она может путешествовать и исследовать. Уилла была полна решимости погрузиться в эту новую жизнь. Она покинула цивилизованный мир, надеясь оставить в нем все свои переживания и душевные муки, но они следовали за ней. Где бы она ни находилась, что бы ни видела, слышала и чувствовала, ей отчаянно хотелось поделиться этим с Шейми: бескрайностью пустыни Гоби, звуками сотни колокольчиков, возвещающих о прибытии купеческого каравана, солнцем, восходящим над дворцом Потала в Лхасе. Напрасно она пыталась убежать от Шейми. Он по-прежнему жил в ее мыслях и сердце.

Как часто в эти годы, стосковавшись по нему и поддавшись порыву, она решала вернуться в Лондон. К нему, словно он ждал и звал ее. Она начинала собираться, представляя, как снова его увидит, заключит в объятия и начнет рассказывать о своей жизни. Потом, столь же быстро, она прекращала сборы, обзывая себя дурой. Едва ли Шейми захочет ее видеть, едва ли согласится говорить с ней и тем более обниматься. Восемь лет назад она его бросила. Сбежала, свалив всю вину на него и разбив ему сердце. Какой мужчина простит такое?

Сильный ветер дул ей в лицо, вызывая дрожь и унося воспоминания о Мавензи и обо всем, что она тогда потеряла. Через какое-то время Уилла перестала дрожать, вытерла слезы и стала одолевать последние тридцать футов спуска со склона.

На ледник она вернулась уже в сумерках. Винтовка осталась в лагере, но Уилла не чувствовала страха. До лагеря совсем недалеко. Она знала, что доберется туда до темноты. Уилла шла, хромая. После падения культя кровоточила. Она это чувствовала. Руки тоже кровоточили. Опиум заглушит боль этих ран, а заодно и сердечную.

У нее за спиной опускалось солнце. Уилла медленно брела по снегу – хрупкая, сокрушенная, затерявшаяся в тени взметнувшейся вечной горы и в тенях своих несбывшихся мечтаний.

Глава 5

Шейми часто бывал в лондонском доме Эдвины Хедли. Казалось, обстановка дома должна врезаться ему в память, однако, приходя туда, он всякий раз попадал в незнакомое жилище. Эдди постоянно путешествовала и постоянно что-то привозила из своих странствий, меняя убранство дома.

Шейми знал, что не удивится, если в столовой ему встретится новая бронзовая статуя Будды. А может, это будет вырезанная из камня богиня Кали, тайский демон, пекинский дракон или украшенная бусами суданская богиня плодородия. На месте прежних штор вполне могут висеть занавески из индийского шелка, афганские сюзаны или испанские шали с бахромой. Однажды в холле он увидел массивную русскую икону, свисавшую с потолка. Сейчас под тем местом, где она висела, журчал большой, украшенный мозаикой фонтан.

– Похоже на пещеру Али-Бабы, – сказал Шейми, оглядываясь по сторонам.

– Больше похоже на восточный базар, – пробормотал Альби. – Как можно двигаться среди всего этого барахла?

– Добрый вечер, мои дорогие! – послышался из гостиной зычный женский голос.

Вскоре появилась и сама Эдди, расцеловав обоих. На ней была длинная, расшитая бисером юбка и просторная шелковая туника бирюзового цвета. Шею украшали тяжелые ожерелья из янтаря и ляпис-лазури. Густые седые волосы хозяйки были собраны узлом и скреплены двумя серебряными гребнями. На руках блестели серебряные браслеты с вкраплениями оникса.

– Знаете, Эдди, мне нравится новое убранство, – сказал Шейми. – Фонтан просто сногшибательный.

– Это еще пустяки! – возразила Эдди. – Большинство моих приобретений пока плывут по Средиземному морю. Жду не дожусь, когда они придут. Я купила настоящий бедуинский шатер. Велю поставить его на заднем дворе и украсить коврами, шкурами и подушками. Там у нас будут проходить самые удивительные садовые вечеринки. Для большего эффекта понадобится несколько танцовщиц, умеющих исполнять танец живота.

– В Белгравии это не так-то просто, – заметил Шейми.

Альби вручил Эдвине коробку:

– От мамы.

– Миндальные пирожные! – воскликнула Эдди, заглянув внутрь. – Какая прелесть! Знает, как я их обожаю. Но напрасно она тратила время, делая их для меня. Особенно сейчас. Кстати, дорогой, как твой отец?

– Почти так же, тетя Эдди. Боюсь, без перемен, – ответил Альби и быстро поменял тему разговора.

Здоровье адмирала внушало опасение всем, кто его видел. Шейми и Альби навещали его не далее как сегодня. Он исхудал, лицо приобрело землистый оттенок. Ему едва хватало сил сидеть в постели. Шейми знал: старый друг не любит говорить об отцовской болезни. Подобные разговоры очень расстраивали Альби.

Болезнь адмирала изменила Альби. Шейми едва его узнавал. Изменилась вся личность Альби. Он всегда отличался рассеянностью, даже в десять лет. Отрешенный, погруженный в книги, думающий о формулах и теориях. Но сейчас к отрешенности Альби добавилась напряженность. Он осунулся, стал вспыльчивым. Ничего удивительного. Тут не только вспыльчивым станешь. При этом Альби не переставал работать. Шейми думалось, что эта постоянная работа – способ обуздать беспокойство о здоровье отца. Только бы не загнал себя. Почти все время Альби проводил в кабинете вместе со Стрейчи, Ноксом и остальными кембриджскими парнями. Когда Шейми просыпался, они уже работали. Когда шел спать, продолжали работать.

Шейми понятия не имел, чем именно они занимаются. Он ничего не понимал в их громоздких уравнениях. Но работа на износ подтачивала Альби. Он плохо ел и почти не спал. Сегодня Шейми чуть ли не за руку вытащил его из кабинета и впихнул в лондонский поезд. Если Альби и дальше будет трудиться в таком бешеном темпе, очень скоро и его здоровье даст сбой.

– Входите, мои дорогие. Входите и познакомьтесь с еще одним моим гостем.

Взяв обоих за руки, Эдди повела их в гостиную. Войдя туда, Шейми увидел, что гостиная избавилась от прежней мебели. Теперь там стояли низкие расписные диванчики. На каждом лежало несколько ярких шелковых подушек. Гостиная стала похожа на опиумную курильню.

– Том, хочу вам представить моего племянника Альби Олдена и его друга Шеймуса Финнегана, знаменитого полярного исследователя, – сказала Эдди, обратившись к молодому человеку. Тот встал, держа в руке бокал шампанского. – Альби и Шейми, познакомьтесь с Томом Лоуренсом. Он тоже путешественник, но предпочитает места с более жарким климатом. Он только что вернулся из Аравийской пустыни. Мы познакомились на пароходе, отплывшим из Каира. Провели вместе незабываемые дни.

Шейми и Альби обменялись рукопожатием с Томом. Эдди подала обоим по бокалу шампанского. На вид Шейми дал Лоуренсу лет двадцать пять или чуть больше. Его кожа и сейчас сохраняла бронзовый оттенок. Глаза ярко-синего цвета, светлые волосы. Ему явно было неуютно в преображенной гостиной Эдди. Столь же неуютно Том чувствовал себя и в костюме. Казалось, он мечтает поскорее сбросить этот костюм, надеть просторные брюки, сапоги и вернуться в пустыню. Шейми он сразу понравился.

– Мне кажется, мистер Олден, мы уже встречались, – сказал Лоуренс. – Несколько лет назад я навещал своих кембриджских друзей. Стрейчи. Джорджа Мэллори. Там же я виделся с вами и мисс Уиллой Олден. Это было в «Пикереле». Помните?

– Да-да, припоминаю, – сказал Альби. – С вами была одна из сестер Стивена. Вирджиния.

– Совершенно верно.

– Очень рад снова вас видеть, Том. Я бы вас не узнал. Из бледного английского юноши пустыня превратила вас в золотого мальчика.

Лоуренс добродушно засмеялся:

– Видели бы вы меня год назад. Ничего золотого. Красный как помидор. Кожа лезла, точно луковая шелуха. Как мисс Олден? Видел ее снимки Индии и Китая. Замечательные. По сути, достойные высшей похвалы. Надеюсь, с ней все в порядке?

– И хотел бы ответить на ваш вопрос, но не могу, поскольку сам не знаю, – покачал головой Альби.

– Простите, я что-то не понял, – сказал заинтригованный Лоуренс.

– Около восьми лет назад с ней произошел несчастный случай. Это было на Килиманджаро. Они поднимались туда вместе с мистером Финнеганом. – Говоря это, Эдди смотрела не на Тома, а на Шейми. – Во время спуска Уилла упала и сильно повредила ногу. Настолько сильно, что ногу пришлось ампутировать. Случившееся разбило ей сердце. Боюсь, она уже не вернется домой. Упрямая девчонка отправилась на Восток. В Тибет. Живет в обществе яков и овец, рядом с этой чертовой горой.

Шейми отвел взгляд. От словоохотливости Эдди ему стало не по себе. Лоуренс это заметил:

– Понимаю. Боюсь, я довольно бестактно затронул слишком деликатную тему. Простите, ради Бога!

– Не говорите глупостей, – отмахнулась Эдди. – Вам не за что просить прощения. Мы это уже пережили. Во всяком случае, большинство из нас.

Шейми повернулся к окну. Ему нравилась прямота Эдди и искренность ее слов, однако бывали моменты, когда он предпочел бы этим качествам умение быть тоньше и пронизательнее.

– Почему мы до сих пор стоим? Рассаживайтесь, – предложила Эдди. – Альби, устраивайся на подушках... да, вот там. А ты, Шейми, садись рядом с Томом. – Она понизила голос до шепота. – Знаешь, он шпион. Я в этом уверена.

– Что за глупости, Эдди? – покачал головой Том.

– Тогда о чем вы говорите со всеми этими арабскими шейхами? О верблюдах? О гранатовых деревьях? Сомневаюсь. Вы говорите о бунтах. О восстании. О свободе от турецкого владычества.

– Мы говорим об их жизни, наследии, обычаях. Помимо этого, я делаю снимки развалин, гробниц, ваз и горшков. Делаю зарисовки, пишу заметки.

– Вы, мой дорогой, создаете карты и альянсы, – тоном знатока сказала Эдди.

– Да. Кстати, желаете отведать рахат-лукума? – спросил Лоуренс, передавая блюдо с розовыми желеобразными кубиками, посыпанными сахарной пудрой.

– Скажите, мистер Лоуренс, как вы очутились в арабском мире? – дипломатично спросил Шейми.

– Благодаря археологии. Люблю выкапывать древности. Еще студентом я ездил на раскопки в Сирию. Изучал замки крестоносцев, потом писал по ним дипломную работу. После университета мне предложили работать у Дэвида Хогарта, археолога Британского музея. Я согласился. Участвовал в раскопках древнего хеттского города Каркемиша. Похоже, перекопали вдоль и поперек оба берега Евфрата, – с воодушевлением признался Лоуренс.

– Не знаю, освоился бы я в пустыне, – сказал Шейми. – Жара, песок. Мне нужны снега и лед.

Лоуренс засмеялся:

– Понимаю вашу любовь ко всему первозданному и холодному, мистер Финнеган. Я обожаю горы и альпийские пейзажи, но пустыня, мистер Финнеган, – это пустыня. – Лоуренс ненадолго замолчал, затем растерянно улыбнулся, и вдруг его лицо стало таким, какое бывает у влюбленного человека. – Если бы вы это видели... Если бы слышали голоса муэдзинов, созывающих мусульман на молитву. Если бы видели лучи солнца, пронизывающие минареты. Если бы отведали фиников и гранатов, собранных в цветущем оазисе. А вечером сидели бы в бедуинском шатре, слушая истории этих людей. Если бы вы могли познакомиться со всеми этими величественными шейхами и шарифами. С женщинами из гарема, у которых под паранджой видны только глаза. Если бы вы познакомились с Хусейном, шарифом Мекки, и его сыновьями. Если бы почувствовали, как они жаждут свободы и независимости. – Лоуренс потрянул головой, словно застыдившись глубины своих чувств. – Если бы все это испытали, мистер Финнеган, то мгновенно повернулись бы спиной к Антарктике.

– Не знаю, мистер Лоуренс, – ответил Шейми, поддразнивая собеседника. – Не думаю, что ваши барханы способны переплюнуть мои айсберги, не говоря уже о тюленях и пингвинах. – Голос Шейми утратил ехидные интонации; на поэтический рассказ Лоуренса он отвечал своим. – Если бы вы могли увидеть солнце, поднимающееся над морем Уэдделла. Его лучи падают на лед, заставляя вспыхивать миллионы осколков. Если бы могли слышать ночное пение ветра, скрип и треск льдин, встающих дыбом и ломающихся в беспокойных водах антарктических морей...

Том восхищенно слушал Шейми. Они говорили о диаметрально противоположных частях света, но родство их душ обнаружилось сразу, ибо каждый чувствовал страсть другого. Оба были исследователями, оба ощущали силу, влекущую их в громадные просторы неведомого. Эта сила заставляла их оставить домашний уют, покинуть близких и друзей. Не случайно Шейми и Лоуренс были не женаты. Ими владело страстное желание увидеть, открыть, познать. Они были верны своему призванию, и ничто другое для них не существовало.

Шейми закончил свой монолог, и его сердце сжалось от печали. Как хорошо было находиться в обществе этих людей. Очень немногие понимали, что гоняет его по миру, а они пони-

мали. Была одна женщина, способная понять, но она находилась очень далеко. Шейми всей душой и сердцем, всем своим существом желал, чтобы она находилась рядом.

– Я не намерен задерживаться в Лондоне, – нарушил молчание Лоуренс, заговорив о тяге к странствиям, присущей ему и Шейми. Прочь из этого серого, давящего Лондона. Назад, в непредсказуемый, манящий мир. – Вернусь в Каркемиш. В последнее время я работал с Уильямом Рамзеем из Британского музея, известным специалистом по Новому Завету. Я приехал, чтобы сделать доклад о наших находках. Доклад – необходимая часть нашей работы, но после него я сразу возвращаюсь в пустыню. Там еще уйма работы. А вы, мистер Финнеган? Планируете новые экспедиции?

– Да и нет, – ответил Шейми. – В общем, там будет видно.

– Какой странный ответ, – сказал Лоуренс.

Шейми признался, что так оно и есть.

– Эрнест Шеклтон снова собирается в Антарктику. Я очень хочу отправиться вместе с ним. Но у меня есть не менее веская причина остаться в Лондоне.

– Ты серьезно? – оживилась Эдди. – И как же ее зовут?

Ехидный вопрос Эдди остался без ответа.

– Клементс Маркем предложил мне должность в Королевском географическом обществе. Не далее как вчера. Хочет, чтобы я активизировал работу по сбору средств на новые экспедиции. У меня появится кабинет с красивой медной табличкой на двери и жалованье. По мнению Маркема, я буду просто дураком, если откажусь.

– Он прав, – сказал Альби. – Точно будешь. Ты уже несколько староват для приключений в духе журнала для мальчиков.

– Спасибо, Альб, что напомнил об этом.

Слова Альби повергли Шейми и Лоуренса в меланхолию. Наверное, Том примеряет эти слова к себе и думает, что тоже староват для своих странствий по пустыне, подумал Шейми. А может, он, как и я, потерял кого-то, и это заставляет его колесить по миру. Может, и он надеется, что стоит забраться подальше, туда, где слишком жарко или невыносимо холодно, где полно опасностей, где голод и болезни... и он забудет эту женщину. Никогда он ее не забудет, но он не оставляет попыток.

Тягостное молчание продолжалось, пока Лоуренс не спросил:

– А чем занимаетесь вы, мистер Олден?

– Я физик, – ответил Альби. – Преподаю в Кембридже.

– Он пишет совершенно жуткие и непонятные формулы и уравнения, – вмешалась Эдди. – Покрывает ими всю доску в своем домашнем кабинете, где просиживает дни напролет. Университет предоставил ему творческий отпуск. Можно было бы и отдохнуть. Вместо этого он работает и работает. Относится к себе совершенно варварски.

– Тетя Эдди... – смущенно улыбаясь, запротестовал Альби.

– Альби, я говорю правду. Ты совсем не отдыхаешь. Питаешься кое-как. Не выходишь прогуляться. Ты выглядишь не лучше, чем старые застиранные панталоны. Тебе нужно по-настоящему отдохнуть. Не возражай. Да, ты ведущий английский ученый в какой-то очень специфической области. Но скажи, дорогой, неужели Англия не выдержит, если ты месяц-другой отдохнешь от того, чем нынче занимаешься?

– Да, тетя Эдди. Англия не выдержит, – ответил Альби.

Он по-прежнему улыбался, но в голосе появилось раздражение, а взгляд сделался мрачным. Шейми с удивлением смотрел на своего давнего друга. Речь Альби всегда была учтивой и сдержанной.

Раздражение ушло так же быстро, как и появилось. Голос Альби снова стал ровным. Никто и не заметил этой мимолетной перемены. Может, мне только почудилось? – подумал

Шейми. Он решил на этой же неделе вытащить Альби из кабинета на прогулку по окрестным болотам, как бы тот ни сопротивлялся.

Уступая напору тети, Альби немного рассказал о своей работе и о том, что волнует физиков всего мира. Ходили слухи, что Альберт Эйнштейн вскоре представит ученому миру десять формул по теории поля, подкрепляющих новую общую теорию относительности. Альби стал объяснять смысл геодезических уравнений, когда на пороге появился дворецкий:

– Прошу прощения, мэм, но обед уже подан.

– Слава Богу! – обрадовалась Эдди. – А то у меня голова идет кругом!

Ее гости встали и вслед за хозяйкой проследовали по коридору, ведущему из гостиной в столовую.

У дверей столовой Лоуренс вдруг остановился и коснулся руки Шейми.

– Пусть Клементс Маркем думает что угодно, – тихо, но с чувством произнес Том. – Приезжайте ко мне, мистер Финнеган. Вы совсем не староваты для приключений. Такого попросту не может быть, в противном случае и я тоже староват. Будь это правдой, я бы не знал, как жить дальше, и, честно говоря, не хотел бы знать. Вам понятно это чувство?

– Да, мистер Лоуренс, – кивнул Шейми. – Очень даже понятно.

– Тогда приезжайте. Прожарьте ваши холодные кости в горячем песке Аравийской пустыни.

– Шейми, Том прав, – сказала Эдди, стоявшая в дверях столовой и слышавшая их разговор. – Пошли Маркема подальше и Шеклтону вместе с ним. Отправляйся в пустыню. Погреешь косточки на аравийском солнце. Глядишь, и твое сердце растает, – с улыбкой добавила она.

Глава 6

– Четыре пенса, мистер. Не пожалеете, – сказала девица в красной шали, соблазнительно улыбаясь, вернее, пытаясь соблазнительно улыбаться.

Макс фон Брандт покачал головой. Холод вынуждал его идти ссутулившись, опустив голову.

– Ну тогда два. Клянусь вам, я чистая! В этом деле всего неделю.

Фальшивая бравада исчезла. Теперь в ее голосе звучало отчаяние.

Макс посмотрел на нее. Никак не больше четырнадцати. Ребенок еще. Тощая, дрожащая.

– Иди домой, – сказал он, бросив девице шестипенсовик.

Та посмотрела на монету, затем на него:

– Да благословит вас Бог, мистер. Вы хороший человек. Честное слово!

Макс усмехнулся. Едва ли, подумал он, открывая дверь «Баркентины» и надеясь, что малолетняя шлюха не видела его лица, а если и видела, то не запомнила. Паб «Баркентина», находившийся на северном берегу Темзы, в Лаймхаусе, был воровским притоном. Время от времени Макс фон Брандту приходилось туда наведываться, и он принимал все меры предосторожности, чтобы его не увидели.

Он тщательно следил за своим обликом. Стараясь не выделяться, Макс надел мешковатую рабочую одежду, три дня не брился, а светлые, с серебристым отливом, волосы спрятал под кепкой. Труднее было скрыть высокий рост, загорелую кожу и ноги, не искривленные рахитом. Все это свидетельствовало о хорошем питании и обилии свежего воздуха. Подобное в Ист-Энде присутствовало в мизерных количествах или вообще отсутствовало.

Оказавшись в пабе, Макс подошел к стойке.

– Мне нужно повидаться с Билли Мэдденом, – сказал он бармену.

– Нет у нас таких, – ответил бармен, даже не удосужившись оторвать взгляд от газетной полосы с результатами скачек.

Макс огляделся по сторонам. У него имелась фотография Мэддена, а потому он знал, как тот выглядит. Знал он и кем был Мэдден – вором, владевшим лодочной мастерской. Это и заставило Макса искать встречи с Билли. Макс всматривался в лица посетителей. У многих были шрамы. Кто-то не обращал на него внимания, другие, наоборот, рассматривали с вызывающей наглостью. Возле окна сидела женщина: совсем молодая, светловолосая и хорошенькая, невзирая на потускневшие следы царапин на лице. Наконец в дальнем конце он заметил Мэддена, игравшего в солитер, и направился туда.

– Мистер Мэдден, я хотел бы с вами поговорить.

Билли Мэдден поднял голову. Вокруг его шеи был повязан яркий шарф, в ухе болталась золотая серьга, бровь рассекал шрам, а рот был полон гниющих зубов. Крепко сбитый, этот человек производил тягостное впечатление, но тяжелее всего было встречаться с его глазами – темными, буравящими и бездушными. Глазами хищника.

– А ты с какого дуба рухнул? – прорычал Мэдден, правая рука которого потянулась к лежащему на столе большому ножу с откидным лезвием.

Макс знал о необходимости действовать осторожно. Его предупреждали о непредсказуемости Мэддена и вспышках жестокости. Макс предпочел бы не встречаться с этим опасным типом, но у него не оставалось выбора. Ребята из Кембриджа взяли его след. Нужно найти новый способ оторваться от них и побыстрее, иначе вся его затея рухнет.

– Меня зовут Питер Стайлс. Я предприниматель и хотел бы заключить с вами сделку, – сказал Макс, демонстрируя безупречный лондонский акцент.

– Покойник ты – вот ты кто, – изрек Мэдден. – Имел наглость сюда припереться. Надо мне оттяпать твою наглость и швырнуть в реку. А следом и тебя. Что мне помешает?

– Крупная сумма денег, – ответил Макс. – Мне нужна ваша помощь, мистер Мэдден, и я готов хорошо за это платить. Если вы меня убьете, сделку заключать будет не с кем.

Мэдден откинулся на спинку стула, слегка кивнув. Потом ногой выдвинул из-под стола соседний стул. Макс сел.

– Слышал, вы владеете лодочной мастерской. Мне нужна лодка, причем с мотором.

– Зачем?

– Чтобы доставлять человека из Лондона в Северное море. Координаты он укажет. Раз в две недели. Помимо лодки, мне нужен тот, кто будет ею управлять. Нужен человек, хорошо знакомый речной полиции, который годами плавает взад-вперед по Темзе и чьи действия не привлекают к себе никакого внимания.

– И какая у тебя надобность?

– Нужно кое-что передавать из рук в руки.

– Краденое? – усмехнулся Мэдден.

– Я бы предпочел не вдаваться в подробности, – уклончиво ответил Макс.

– Если я рискую лодкой и своим человеком, то вправе знать, – сказал Билли.

– Драгоценные камни, мистер Мэдден. Очень дорогие и очень ценные. Мне нужно переправлять их из Англии на континент.

Макс достал бумажник, отсчитал пять двадцатифунтовых банкнот и положил на стол, придавив ладонью:

– Я готов предложить вам щедрые условия.

Глазки Мэддена вспыхнули. Он потянулся к деньгам, но Макс отодвинул ладонь:

– Я оплачиваю лодку, услуги лодочника и ваше молчание. Это вам понятно? Если обмолвитесь хотя бы словом, наша сделка не состоится.

– Мне в моих делах огласка не нужна. Можешь не волноваться за свои секреты, – сказал Мэдден.

Макс кивнул и пододвинул деньги Мэддену:

– Это лишь задаток. Каждый раз мой человек будет приносить еще. Его зовут Хатчинс. Через две недели, считая с сегодняшнего дня, ровно в полночь он будет на причале за «Баркентиной». Пусть ваш лодочник встретит его там.

Макс встал, приподнял кепку и ушел. Мэдден был мрачным и жутким человеком, а Лаймхаус – мрачным и жутким местом. Макс радовался возможности поскорее убраться отсюда. Но их встреча оказалась плодотворной. Очень плодотворной.

Ему действительно требовалось передать кое-что из рук в руки. Но не драгоценные камни. Требовалось выстроить цепочку. Крепкую, надежную цепочку, которая протянется из Лондона в Берлин.

И нынче вечером он выковал первое звено этой цепочки.

Глава 7

– «Избирательному праву для женщин – нет»? – спросил Шейми, прочитав надпись на большом транспаранте, разложенном на полу в столовой сестры. – Такой призыв не очень-то поможет вашему делу, Фи, – добавил он, целуя ее в щеку.

Фиона засмеялась. С иголкой в руке, она склонилась над транспарантом.

– Осталось добавить одну букву², – сказала она. – А ты, дорогуша, садись завтракать.

– Спасибо. Завтрак будет для меня очень кстати, – ответил Шейми, усаживаясь за стол.

С той части стола, где недавно завтракали младшие дети, служанка убирала тарелки со следами недоеденных яиц и пятен джема. Дети попались ему навстречу в коридоре, промчавшись мимо. За столом оставались только Кейти и Джо.

– Всем доброе утро, – поздоровался Шейми, но ответа не получил.

Кейти даже не притрагивалась к еде. Ее чай остыл. Она подбирала фотографии для макета «Боевого клича». Джо, сидевший во главе стола, что-то быстро писал. Вокруг него громоздились утренние газеты. На полу валялись скомканные листы бумаги.

– Джо, селедочку передай, – попросил Шейми, укладывая на колени салфетку. – Джо! Ты меня слышишь?

Джо поднял голову и растерянно посмотрел на него:

– Прости, дружище. Что ты просил?

– Селедку. Блюдо стоит рядом с тобой.

Джо передал ему блюдо.

– Что ты строчишь? – поинтересовался Шейми.

– Работаю над речью. Я должен произнести ее в палате общин, прося парламент выделить больше денег для школ.

– Рассчитываешь, что выделят? – спросил Шейми, подцепляя вилкой копченую селедку.

– А я сомневаюсь! – опередив отца, выпалила Кейти, при этом продолжая заниматься макетом. – Вслед за папой будет выступать мистер Черчилль. Он ратует за новые военные корабли и пользуется поддержкой обеих палат. Германия бряцает оружием, и потому в Англии многие выступают за создание собственного военно-морского флота. Повсюду призывают собирать деньги на постройку флотилии дредноутов. Па думает, что призывы найдут отклик. Прецедент уже был. Пять лет назад Ллойд-Джордж попытался урезать расходы на флот. Он тогда был канцлером казначейства. И что ты думаешь? Потерпел сокрушительное поражение.

Шейми засмеялся и покачал головой.

– Да неужели, Киткат? – спросил он, употребив прозвище, которым сам же и наградил Кейти и которое, как он знал, она терпеть не могла. – Ты когда-нибудь говоришь еще о чем-нибудь, кроме политики? Тебе уже пятнадцать лет, и к тому же ты девочка. А такие темы, как танцы, наряды, мальчишки, у тебя есть?

Кейти подняла голову и сердито прищурилась. Шейми засмеялся. Он обожал эти словесные поединки с ней.

– Не дразни ее, – посоветовала Фиона, продолжая орудовать иголкой. – Давать сдачи она умеет. Сам знаешь.

– Не молчи, Киткат, – продолжал Шейми, игнорируя предостережение сестры. – Я куплю тебе новое платье. Не где-нибудь, а в «Хэрродсе». Розовое, со всякими рюшками и бантиками. И шляпку ему под стать. Сегодня же и съездим туда.

² Непереводимая игра слов. Шейми прочитал «по», что означало «нет». С добавлением той самой буквы слово превращалось в «pow», то есть «сейчас».

– Ага, съездим, – ответила Кейти, награждая его акульей улыбкой. – А раз уж мы там окажемся, заодно купим и костюм. Не мне. Тебе, дядюшка Шейми. Добротный серый шерстяной костюм с уймой пуговиц. К нему подберем галстук, чтобы плотно обхватывал твою шею на манер петли. Сегодня конторская работа в КГО, завтра милая женушка, штопающая тебе носки, а потом, глядишь, и начнется размеренная жизнь в Кройдоне. – Кейти откинулась на спинку стула и, скрестив руки на груди, принялась напевать «Траурный марш» Шопена.

– Сорванец, – бросил Шейми, недовольный тем, что язычок у этой девчонки оказался острее.

– Канцелярская крыса, – парировала Кейти.

– Дурно воспитанная особа.

– Кабинетный червь.

– Я еще не согласился на эту работу! – напомнил Шейми, защищаясь.

– Уймись оба! – потребовал Джо. – Как маленькие.

Шейми, сердито поглядывая на Кейти – ей все-таки удалось его задеть, – подцепил вилкой жареный помидор.

– Я тебя предупреждала, – сказала ему Фиона.

– Дядя Шейми, ты съездишь завтра со мной в типографию «Клариона»? Ну пожалуйста. Мне нужно отдать в печать очередной номер «Боевого клича». Мама с папой заняты, а одну меня не пускают.

– Не понимаю, с какой стати я должен туда ехать, – просопел Шейми.

Кейти снова улыбнулась, и на этот раз ее улыбка была искренней и обворожительной.

– Потому что ты мой дядя и любишь меня до умопомрачения.

– Любил, – поправил ее Шейми. – Когда-то я действительно любил тебя до умопомрачения. – (Кейти сникла.) – Не кисни. Я пошутил. Конечно я съезжу с тобой, – быстро пообещал Шейми.

Ему было невыносимо видеть племянницу опечаленной, хотя это и была напускная печаль.

– Спасибо, дядя Шейми! Я тоже пошутила. Ты никогда не согласишься на эту работу. Я просто знаю. И никогда не переедешь в Кройдон.

Кейти вернулась к макету газеты. Джо продолжал писать, Фиона – шить. Из другого конца дома долетали голоса младших детей. Они хохотали, радостно вопили и, судя по всему, замечательно проводили время.

Шейми перестал нагружать тарелку едой. Он смотрел на Фиону, Джо и Кейти. Он был счастлив, находясь в семье сестры. Однако сейчас он как-то остро почувствовал, что это ее, а не его семья. Как бы они его ни любили и как бы он ни любил их, он был только дядей, но не отцом и не мужем. Никогда прежде он так остро не ощущал этого различия. Почему, он и сам не знал. Возможно, подействовали слова Кейти о милой женушке, штопающей носки. Эта девчонка-сорванец, конечно же, была права: он не согласится на предложенную должность и уж тем более не переедет в Кройдон. Но, глядя на сестру и ее домочадцев, сидящих за одним столом, занятых каждый своим делом и при этом наслаждающихся обществом друг друга, Шейми вдруг ненадолго захотелось, чтобы в его жизни появился кто-то, ради кого он согласился бы переехать в Кройдон. В мозгу мелькнуло лицо Дженни Уилкотт, но он тут же прогнал появившийся образ. Приплетать еще и ее к странной, несвойственной ему тоске по оседлой жизни было безумием. Он едва знал Дженни.

– Дай мне какую-нибудь газету, – попросил он Джо, чтобы заглушить это странное состояние.

Джо пододвинул ему экземпляр. Шейми положил газету рядом с тарелкой, взял вилку и взглянул на заголовок. «ДРЕДНОУТ КАЙЗЕРА СПУЩЕН НА ВОДУ». И ниже: «НАД БЕЛЬГИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ ДУЕТ ХОЛОДНЫЙ ВЕТЕР».

Ни зловещий заголовок, ни мрачная статья не отбили у Шейми аппетита. Ему зверски хотелось есть. К селедке и помидору, лежавшим на тарелке, добавились жареные грибы, бекон, яйца пашот и тост с маслом. После этого Шейми налил себе чашку чая. Это был «ассам» яркого кирпично-красного цвета, настолько крепкий, что годился для воскрешения мертвых. Шейми требовалось прочистить голову. Вчера они с Джорджем Мэллори, оказавшимся в Лондоне, прошлись по пабам, и домой Шейми добрался лишь к трем часам ночи.

Сейчас часы показывали девять утра. Мартовское субботнее утро выдалось ясным и холодным. Этот уик-энд Шейми проводил с семейством Фионы в их имении в Гринвиче. До Пасхи оставался всего месяц, и Фиона специально приехала сюда проверить, как движется работа маляров. На пасхальный обед она пригласила пятьдесят человек и хотела, чтобы в гостевых комнатах успели провести косметический ремонт.

– Утренняя почта, мадам, – возвестил дворецкий Фостер, ставя перед ней серебряный поднос с письмами.

– Благодарю вас, мистер Фостер, – ответила Фиона, не поднимая голову от шитья.

– Как вижу, среди торговых счетов и приглашений вам доставили письмо из Калифорнии. И местом отправления указана станция Пойнт-Рейес.

– Пойнт-Рейес? Как замечательно! – воскликнула Фиона.

Отложив иголку, она взяла с подноса большой плотный конверт.

– Мистер Фостер, как успехи у маляров? – спросил Джо.

– Вполне удовлетворительные, сэр. Они закончили покраску гостиной и переместились в холл.

– Джо! Шейми! Взгляните! – окликнула мужа и брата Фиона, переполненная радостными чувствами. – Индия прислала очаровательную семейную фотографию. Она, Сид и дети. Просто загляденье!

– Это наш-то братец загляденье? – фыркнул Шейми.

– Я про их детей, – засмеялась Фиона. – Посмотри на Шарлотту. Настоящая красавица. А какая чудесная малышка. И Уиш. Весь в отца... И в деда, – помолчав, тихо добавила она.

Сестра жадно разглядывала фотографию. Шейми пытался угадать, какие чувства испытывает сейчас Фиона. Любовь, счастье и горечь давней утраты.

Он знал, что сестра до сих пор скорбит по родителям. Их отца – Пэдди Финнегана – убили в далеком 1888 году. Это случилось на складе, где он работал. Внешне его смерть выглядела как несчастный случай, но ее виновником был хозяин отца – чайный магнат Уильям Бертон. Пэдди возглавил только что созданный рабочий союз, куда стал вовлекать других складских рабочих, работавших вместе с ним в компании «Чай Бертона». Некто Шихан Котелок, тогдашний главарь преступного мира Восточного Лондона, по приказу Бертона подстроил так называемый несчастный случай, положив конец профсоюзной деятельности Пэдди. В том же году погибла их мать Кейт, убитая знаменитым преступником-безумцем, которого звали Джек-потрошитель.

Вслед за матерью не стало их сестры, которой было всего несколько месяцев. Слабая, болезненная, она пережила мать на несколько дней. А потом Фиона и Шейми потеряли своего брата Чарли. Он не погиб. Зрелище умирающей на улице перед домом матери вызвало у него временное помешательство. Он бежал, и его нигде не могли найти. В этот период он столкнулся со своим давним противником. Завязалась драка. Обороняясь, Чарли случайно убил того парня. Опасаясь, что его могут арестовать, он не вернулся к семье. Вместо этого он назвал себя именем и фамилией убитого, став Сидом Мэлоуном. А дальше его жизнь покатилась по наклонной, приведя в преступный мир.

Спустя годы Сид и Фиона случайно встретились снова. Сид отверг все призывы сестры вернуться к честной жизни и опять исчез в лабиринте мрачных улиц Восточного Лондона.

Фиона тяжело переживала их разлуку. Тогда же она приняла решение не рассказывать Шейми о том, что на самом деле случилось с его старшим братом, которого он обожал.

Однако через несколько лет Шейми не только узнал правду, но и встретился с Чарли-Сидом. Их встреча состоялась при весьма трагических обстоятельствах. Джо тогда только-только выиграл выборы и стал депутатом от Уайтчепела. Зная, что Фиона продолжает разыскивать брата, он решил встретиться с Сидом и поговорить начистоту, предложив тому одно из двух: или порвать с преступной жизнью, или пожинать плоды своего упрямства. Джо пришел в «Баркентину», однако ему наврали, что Сид там нет. Вместо этого у него состоялся разговор с Фрэнки Беттсом, подручным Сиды. Дошло до потасовки, в которой Фрэнки досталось. Но Беттса волновали не синяки. Как и остальные члены шайки, он боялся, что Сид их бросит и порвет с преступной жизнью. Воспользовавшись тем, что Джо приглашал Сиды прийти к нему в приемную, Фрэнки оделся так, как одевался Сид, пришел, назвал его именем и дважды выстрелил в Джо. На Сиды пало обвинение в покушении на жизнь члена парламента. Недалекий Фрэнки надеялся, что таким образом закрыл Сиды путь в честную жизнь.

Раненный полицейским инспектором, Сид поздно ночью пришел домой к сестре сообщить, что он не стрелял в Джо. Фиона приняла его и прятала у себя, пока он не окреп и не смог покинуть Лондон. Сид нанялся кочегаром на торговое судно и отплыл из Англии в Африку, оставив за бортом все: прежнюю жизнь, семью и любимую женщину – Индию Селвин Джонс, выросшую в аристократической семье и ставшую врачом наперекор воле родителей. Сид тогда думал, что она бросила его ради замужества с человеком своего круга – коварным, бессердечным политиком Фредди Литтоном. Однако Индия решила на брак с Фредди совсем по другой причине. Будучи беременной от Сиды и поверив в его смерть, которую он имитировал, она хотела, чтобы у ребенка был отец. Пусть формально, но это уберегало ребенка от участи незаконнорожденного.

Сид и Индия снова встретились в Африке. Сид жил там под другой фамилией, став Бакстером. Фредди – восходящая звезда в министерстве по делам колоний – отправился в Африку с правительственным визитом. Случайно узнав, что Сид жив, Фредди распорядился его арестовать и заключить в тюрьму Найроби. Дальше Сиды ждала отправка в Англию, суд и виселица. А затем Фредди задумал избавиться от Индии и ее дочери Шарлотты, бросив их в африканском вельде. Но его коварный замысел не удался: вечером, на привале, он подвергся нападению гиен и был растерзан. Сиды выручило то, что в Найроби в тот момент находился и Шейми, вернувшийся после восхождения на Килиманджаро. Брат помог ему бежать. Сид поспешил на выручку Индии и Шарлотте и только чудом сумел разыскать их в бескрайней африканской саванне. Довезя обеих до поместья, он, по-прежнему опасаясь ареста, скрылся, оставив записку. В записке он написал, что они встретятся в Америке, в Калифорнии, где Индия владела обширным участком земли. Там они начнут жизнь заново. Сид это обещал Индии и дочери. Когда-то они с Индией мечтали уехать в Пойнт-Рейес, где небо встречается с морем.

– Не увидел бы, ни за что не поверил бы, – сказал Шейми, беря от Фионы присланный снимок. Он смотрел на сияющие детские лица, красивую женщину и улыбающегося загорелого мужчину. – Наш братец. Женатый, счастливый. Разводит коров.

– Бычков, – поправил Джо.

– Коровы, бычки... какая разница? Я бы не слишком удивился, если бы он выращивал нарциссы.

– Ему очень повезло, – сказала Фиона. – Уцелеть в путешествии по Африке, добраться до Нью-Йорка, а потом долгий путь на запад, в Калифорнию.

Шейми кивнул. Он помнил, как напряженно ожидал вестей о брате. Почти год они мучились неведением, пока Индия не прислала им письмо из Пойнт-Рейеса и не сообщила о приезде Сиды и о том, что у него все благополучно. Или будет в ближайшее время.

Сид пересек Африку с востока на запад. Кроме лошади, у него почти ничего не было, в том числе и денег. Имея винтовку, он добывал себе пропитание охотой. Лошадь жила подножным кормом. К счастью, вода там, где она попадалась, доставалась бесплатно. На полпути Сид подхватил малярию. Его нашли и выносили туземцы. Через месяц, окрепнув, он продолжил путь и добрался до Порт-Жантиля в Габоне. Там он продал лошадь и устроился работать в порту, копя деньги на билет до Нью-Йорка. В Штатах ему снова пришлось работать в порту, теперь уже в Бруклине, пока не набралась достаточная сумма на проезд по железной дороге до Сан-Франциско.

Прямого поезда туда не было. Приехав в Денвер, Сид решил переночевать в недорогом отеле, а на следующее утро сесть на поезд, идущий в Калифорнию. В этом отеле его избили и ограбили. Пришлось осесть в Денвере и опять искать работу. На этот раз местом его работы стала городская бойня. Сид проработал около двух месяцев и почти скопил требуемую сумму. И тут с ним произошло несчастье: бык, которого он забивал, вырвался, потоптал его и сломал ногу. В доме, где он снимал комнату, жил санитар, работавший в больнице для бедняков. Этот человек вправил Сиду ногу, избавив от расходов на врача. Поэтому к Индии он приехал, хромяя и опираясь на трость. Управляющий бойней выдал ему пять долларов в качестве компенсации. Добавив к ним свои сбережения, Сид сумел доехать до Сан-Франциско, а оттуда, на местном поезде, до побережья. В Пойнт-Рейес он приехал с сорока шестью центами в кармане.

В одном из писем Шейми спросил брата, бывали ли у него сомнения насчет этого путешествия. Ведь в последний раз он видел Индию, когда та находилась в полубессознательном состоянии. А если бы она не поехала в Калифорнию? Что он тогда стал бы делать?

Сид ответил, что такая мысль никогда не приходила ему в голову. Он был уверен: Индия ждет его на побережье. Если бы понадобилось, он совершил бы сотню таких путешествий, только бы соединиться с ней и Шарлоттой. «Кто-то подумает, что я спятил, – писал Сид. – Но я в здравом уме. Я удачлив. Чертовски удачлив!»

Шейми улыбнулся, сложил письмо и вернул сестре. Через несколько дней после приезда Сид и Индия поженились. В 1908 году у них родился сын. Его назвали Алоизиусом (сокращенно Уиш) в честь двоюродного брата Индии. А четыре месяца назад у них появилась малышка Элизабет. Младшую дочь назвали в честь Элизабет Гаррет Андерсон и Элизабет Блэкуэлл – двух первых женщин-врачей. Сид и Индия были счастливы. Шейми к ним еще не ездил, но Фиона и Джо навестили их всем семейством. Фиона рассказывала, что их дом полон света, любви и смеха и что из каждой комнаты виден и слышен океан.

Жизни сестры и брата Шейми нередко казались ему сказками со счастливым концом. Хорошо, когда у кого-то так происходит. Но, к сожалению, не у всех. Его собственная жизнь, хотя во многом и сказочная, не имела счастливого конца. Счастливая развязка убежала от него за многие тысячи миль.

– Джо, на следующий год мы обязательно должны снова поехать в Калифорнию. Я очень по ним скучаю, – сказала Фиона, с тоской глядя на фотографию. – Малышке четыре месяца, а мы ее не видели. Кстати, Мод собирается к ним в конце лета. Это уже что-то.

Мод Селвин Джонс была старшей сестрой Индии и с некоторых пор являлась родственницей Шейми, Фионы и Джо. К тому же она была близкой подругой Фионы. Обе много лет работали в движении суфражисток, где и сблизились. Будучи сказочно богатой вдовой, Мод шокировала британское общество, делая, что захочется и когда захочется. Она путешествовала в неподобающие места, баловалась опасными веществами и заводила отношения с неподходящими мужчинами.

– Я передам Мод большой чемодан подарков для детей. Она говорила, что с радостью отвезет. Мы недавно виделись. Она сказала, что ей не терпится поскорее увидеть племянниц и племянника. Мод пошутила, что наконец свершилось то, чего она боялась больше всего: она стала тетей – старой девой, – засмеялась Фиона. – Ой, едва ли! Она по-прежнему очень

красива. Представляю, как эффектно она выглядела в молодости. Впрочем, это можно сказать о каждом из нас.

Шейми посмотрел на Джо. Тот сидел с окаменевшим лицом. Шейми знал: давно, когда Джо и Фиона еще не поженились, Мод была любовницей Джо.

– Дорогуша, прости! – виновато пробормотала Фиона, заметив выражение лица мужа. – Совсем забыла. Наверное, я должна была бы ревновать тебя к ней. Но знаешь, хороших подруг так трудно найти. – Она потянулась к Джо и потрепала его по руке. – Почти так же трудно, как хороших мужей. И потом, ты больше не интересуешь Мод. Думаю, она увлеклась дальним родственником Харриет, этим обаятельным Максом фон Брандтом. Она признавалась, что он несколько молод для нее. Ну и что? У Дженни Черчилль муж моложе ее на двадцать лет. Сейчас это модно, и почему бы нет? Мужчины веками так поступали. Я тут недавно встретила в парке леди Невилл. Ей за восемьдесят, но по-прежнему остра на язык. Ее окружала орава детей. Я спросила, что она здесь делает. Леди Невилл ответила: «Если желаете знать, дорогая, я высматриваю в этих колясках своего очередного мужа!»

Джо выпучил глаза. Шейми засмеялся. Он налил себе еще чая, залпом проглотил, доел селедку и сказал сестре:

– Фи, я побегал. У меня хлопотное утро. Хочу снова навестить адмирала Олдена.

– Как он? – спросила Фиона.

– Увы, только хуже.

– Больно слышать. Мы вскоре тоже его навестим. А пока передай ему и миссис Олден наши наилучшие пожелания.

– Обязательно передам. А потом я отправлюсь на ланч в Королевское географическое общество. Шеклтон обещал там быть.

– Только не это, – нахмурилась Фиона. – Довольно путешествий! Не успел домой вернуться.

– Может, так оно и будет, – ответил Шейми, продолжая улыбаться. – Ходят слухи, что это действительно его последняя экспедиция. К чаю меня не ждите. Вернусь поздно.

Говоря, Шейми ловил на себе задумчивый взгляд Фионы. Он хорошо знал сестру и от такого взгляда ему всегда становилось не по себе.

– Шейми, дорогуша...

– Да, Фиона.

– Раз уж ты будешь в городе, выполни мою просьбу.

– Смотря какую.

– Что значит «смотря какую»? Я всего-навсего прошу заехать к Уилкоттам и передать им чек. Мы с Джо делаем пожертвование для школы Дженни.

Кейти подняла голову:

– Это пахивает Кройдоном!

Пропустив колкость племянницы мимо ушей, Шейми недоуменно посмотрел на сестру:

– Фи, а ты слышала о существовании почты?

– Представь себе, слышала. Но я подумала, что передать через тебя будет безопаснее.

– Договорились. Я возьму чек. Тебя устроит, если я опущу его прямо в почтовый ящик преподобного Уилкотта?

– Вообще-то, будет лучше, если ты лично передашь чек Уилкоттам. Сумма достаточно крупная, и я не хочу, чтобы чек потерялся.

Джо, продолжавший составлять речь, фыркнул:

– Дорогая, дипломатичности у тебя как у товарного поезда.

– Что? – удивилась Фиона, симулируя неведение. – Ты же не думаешь, будто я... занимаюсь сватовством?

– Думаю, – хором ответили Шейми и Джо.

Фиона скорчила гримаску:

– Ну хорошо, занимаюсь. И что тут плохого? Дженни Уилкотт – привлекательная молодая женщина. При виде ее любой здравомыслящий мужчина может потерять голову.

– Фиона, прекрати, – попросил Шейми. – Не продолжай.

– Я ведь делаю это для твоего блага. Забочусь о твоём счастье.

– Я вполне счастлив, – заявил Шейми. – Счастлив до жути.

– Не ври. Как ты можешь быть счастлив, не имея своего дома? Без жены, без семьи? За Сида я уже не волнуюсь.

– Повезло братику, – стиснув зубы, пробормотал Шейми.

– А за тебя продолжаю волноваться. Я хочу, чтобы у тебя была такая же семья, как у него. Ты же не можешь провести лучшие годы жизни в одиночестве, на Южном полюсе, в обществе айсбергов и пингвинов. Разве это жизнь?

– Смотря для кого.

– Шейми, я всего-навсего хочу, чтобы ты был счастлив. По-настоящему счастлив, как Сид с Индией. Как мы с Джо. Я всего лишь хочу...

Слова Фионы потонули в невообразимом грохоте, сменившемся криками, руганью, лаем и детским плачем.

– Сумасшедший дом, – сказал Джо.

В гостиную, визжа и скуля, вбежали два пса – Тетли и Тайфу, забрызганные краской. За ними появились шестилетняя Роуз, одиннадцатилетний Питер и близнецы-четырёхлетки Патрик и Майкл, цеплявшиеся за старшего брата, тринадцатилетнего Чарли. Все пятеро тоже были забрызганы краской. Следом вошли трое маляров. Процессию завершал не на шутку встревоженный мистер Фостер. Краска попала и на его одежду.

Роуз затопала ногами и, всхлиывая, закричала, что во всем виноват Питер, погубивший ее любимое платье. Питер валил вину на Чарли. Чарли лишь моргал, а с его головы падали крупные капли белой масляной краски. Патрик и Майкл никого не обвиняли. Они просто ревели в голос, ища утешения на отцовских коленях. Джо попытался спихнуть орущих близнецов, но вскоре и сам перепачкался в краске. Собаки носились как угорелые, разбрызгивая краску по столовой. Один пес решил отряхнуться, и брызги краски полетели на Фиону. Старший маляр, отпуская ругательства, заявил, что никогда больше не возьмется работать в этом доме.

Шейми недоверчиво качал головой. Он плавал в Антарктику, где окрестные моря редко бывают спокойными, на небольшом судне, полном людей, собак и скота. Но по сравнению с шумом и гамом, охватившем дом сестры, то плавание показалось ему неспешной прогулкой в парке. Он налил себе еще чашку чая, быстро выпил и сказал:

– Кройдон оставляю вашей ораве. Я готов в любое время смотреться на Южный полюс!

Глава 8

Лондонский автобус достиг Уоппинга, свернул на Хай-стрит, и его затрясло на выбоинах и колеях. Набирая скорость, мотор урчал и чихал. Улица, соседствующая с Темзой, была узкой, изобилующей поворотами, на которых автобус опасно кренило.

Шейми, ехавший на открытом втором этаже, поднял голову к небу. День был погожим, однако местные жители этого не замечали. Улицы Уоппинга не знали солнечного света. Его заслоняли мрачные высокие здания складов. Сильный ветер, дувший с Темзы, пах илом и чуть-чуть солью, как всегда бывало во время отлива.

Перед мысленным взором Шейми вдруг мелькнуло лицо симпатичного черноволосого и синеглазого мужчины. Они оба сидели на каменной ступеньке лестницы, спускавшейся к воде. Шейми был тогда совсем малышом. Мужчина обнимал его за талию и говорил. Голос мужчины звучал негромко и мелодично, вобрав в себя музыку родной Ирландии. Он знал названия всех кораблей, плывущих по реке, знал, откуда они и какие грузы везут.

Картина померкла. Так происходило всегда. Шейми попытался ее вернуть, но не смог. Жаль, что он не помнил больше подробностей, связанных с этим мужчиной, его отцом. Ему было всего четыре года, когда отца не стало. Воспоминаний о той поре сохранилось совсем немного, однако Шейми помнил, какое счастье испытывал, сидя с отцом у реки. В столь раннем возрасте он уже любил воду и корабли, а отца любил еще сильнее.

Автобус замедлил ход, снова заурчал и остановился возле «Панорамы Уитби», старого речного паба. Шейми сошел. Фиона говорила ему, что церковь, где служил преподобный Уилкотт, находится на Уоттс-стрит, к северу от паба. Шейми рассчитывал зайти к Уилкоттам всего на пару минут, передать чек и отправиться дальше по своим делам.

Сюда он отправился, побывав у Олденов. Теперь, чтобы попасть на ланч в Королевском географическом обществе, ему снова придется ехать в западную часть города. Скорее всего, он опоздает, поскольку у Олденов задержался дольше, чем предполагал.

Состояние адмирала только ухудшилось. Чтобы это понять, Шейми не требовалось быть врачом. Лицо Олдена сделалось восковым. Боль отступала только после уколов морфия. Адмирал был рад видеть Шейми и с интересом выслушал рассказ о планируемой экспедиции Шеклтона в Антарктику. Шейми провел у Олденов не больше часа. За это время адмиралу дважды вкалывали морфий.

– У него рак желудка, – со слезами в голосе сказала миссис Олден, когда Шейми, навестив больного, прошел к ней в гостиную. – Мы знали об этом, но старались не говорить. Думаю, напрасно. Но нам с Альби необычайно тяжело говорить о подобных вещах. Погода и собаки – вот излюбленные темы наших разговоров.

– Уилла знает? – спросил Шейми.

– Если и знает, нам об этом неизвестно, – покачала головой миссис Олден. – Я несколько раз писала ей, и Альби тоже. Никакого ответа. Совсем ничего.

– Она приедет, – сказал Шейми. – Обязательно приедет.

Он пообещал миссис Олден, что вскоре снова их навестит, передал приветы от Фионы и Джо и поехал в Уоппинг. Видеть страдающего адмирала и гостиную, увешанную фотографиями Уиллы, было слишком тяжело.

Сейчас, подходя к церкви Святого Николаса, Шейми усиленно гнал охватившую его печаль. Церковь была старой и некрасивой, как и большинство зданий Уоппинга. Вначале он подергал ручку двери дома с закопченными стенами, но та оказалась заперта. Тогда Шейми решил зайти в церковь, примыкающую к нему. Эта дверь была открыта. Шейми вошел, рассчитывая увидеть Уилкотта, прибирающего на алтаре или занятого похожим делом. Но вместо священника он увидел Дженни Уилкотт и две дюжины детей.

Классная комната, через которую прошел Шейми, пустовала. Ученики Дженни сидели, кто на стульях, кто на перевернутых ящиках из-под чая, возле небольшой черной плиты в ризнице и читали слова, написанные мелом на передвижной доске. Услышав шаги, Дженни немного оторопела. Шейми тоже оторопел, но от ее красоты. Казалось, это совсем не та Дженни, которую он впервые увидел в тюрьме. Синяк под глазом исчез, ссадины на лице почти зажили. Ее светлые волосы были аккуратно расчесаны и убраны в узел. Белая хлопчатобумажная блузка и синяя юбка из саржи демонстрировали женственную фигуру и тонкую талию.

Она не просто хорошенькая, подумал Шейми. Она красивая.

– Здравствуйте, мисс Уилкотт, – поздоровался он. – Я Шеймус Финнеган, брат Фионы Бристоу. Мы с вами встречались несколько недель назад. Это было... это было в тюрьме.

– Конечно помню! – просияла Дженни. – Как я рада снова вас видеть, мистер Финнеган!

– Мисс, так вас опять загребли? – спросил маленький мальчик.

– Деннис, не загребли, а арестовали. Да, так оно и случилось.

– Мисс, вы попадаете в тюрьму чаще, чем мой па! – воскликнула какая-то девочка.

– Ты так думаешь? Я бы сказала, почти столько же. К счастью, в тот раз мне на помощь пришел мистер Финнеган. Мальчики и девочки, а вы знаете, кем является мистер Финнеган?

– Нет, мисс, – хором ответили двадцать четыре голоса.

– Тогда я вам расскажу. Он один из героев нашей страны. Знаменитый путешественник.

Послышались выкрики: «Будет врать-то, мисс!», «Охренеть!» и «Кончайте заливать, так мы вам и поверили».

– Я говорю вам правду. Мистер Финнеган путешествовал с Амундсеном в Антарктику, к Южному полюсу. А сюда он пришел, чтобы рассказать вам об этом. Он обещал мне и, как видите, сдержал обещание.

Голос Дженни звучал взволнованно. Глаза, смотревшие на учеников и учениц, сияли.

Шейми совсем забыл про это обещание.

– Вообще-то, мисс Уилкотт, я захотел передать вам это, – сказал он, достав из нагрудного кармана конверт. – Это пожертвование от Фионы и Джо.

– Да, вижу, – поникшим голосом произнесла Дженни. – Простите меня, мистер Финнеган. Я думала...

Двадцать четыре ребячьих лица, предвкушавшие рассказ, тоже поникли.

– Мисс, так он не будет с нами говорить? – спросил кто-то из мальчишек.

– Мисс, он сейчас уйдет?

– Он не расскажет нам про эту... Анну Тартику?

– Видите ли, дети, мистер Финнеган очень занят... – начала объяснять Дженни.

– Нет, я останусь, – поспешно произнес Шейми, которому было невыносимо видеть разочарование на ребячьих лицах и на лице Дженни Уилкотт.

Он торопливо запихнул конверт обратно в карман и сел. Один мальчик уступил ему свой стул, находившийся вблизи плиты, но Шейми отказался. Одежка ученика была слишком легкой для холодного мартовского дня.

Шейми начал с того, как попал в первую экспедицию. Тогда ему было всего семнадцать. Как-то вечером он пришел в Королевское географическое общество послушать выступление Эрнеста Шеклтона о готовящейся экспедиции в Антарктику и походе к Южному полюсу. Рассказ Шеклтона воодушевил Шейми, и он решил наперекор всему стать участником экспедиции. Он шел за путешественником по пятам, а потом целых тридцать три часа простоял перед домом Шеклтона: неподвижно, как статуя, не обращая внимания на ночь, дождь и ветер. Удивленный таким упрямством, Шеклтон позвал его в дом. Энтузиазм и целеустремленность Шейми произвели на исследователя должное впечатление, и его взяли в экспедицию.

Дети смотрели на него во все глаза, а Шейми рассказывал им, каково отправиться к Южному полюсу в семнадцать лет. Он говорил о безбрежных морях, о бескрайних ночных

небесах и неистовых бурях. Судно Шеклтона называлось «Дискавери». Шейми честно рассказывал, как его мечты об экспедиции проходили проверку суровой действительностью: тяжелой работой, строгой дисциплиной, монотонностью дней, когда ты вместе с многочисленными участниками экспедиции заперт на небольшом пространстве корабля. Затем Шейми заговорил о другой экспедиции к полюсу, уже с Амундсеном. Он рассказывал, как с каждой милей воздух становился все холоднее, а в воде появлялось все больше льдин. За передвижением невозможно наблюдали тюлени, киты и пингвины. Температура падала до минус двадцати, и на таком холоде нужно было работать, управлять собачьей упряжкой, проводить наблюдения и измерения, передвигаться по коварному паковому льду, заставлять организм совершать чудеса физической выносливости, когда легкие болят от каждого вдоха и выдоха.

Догадываясь, какие вопросы крутятся в детских головах, Шейми рассказал, во имя чего выдерживал долгий путь, одиночество, скверную пищу, пронизывающий холод, боль и сомнения. Все тяготы и страдания оказываются не напрасными, когда добираться туда, где не ступала нога человека, – в первозданную, нетронутую чистоту снега и льда. Когда понимаешь: ты – первый.

Шейми говорил около двух часов. Он не заметил пролетевшего времени. Так бывало всякий раз, когда он рассказывал об Антарктике. Он забыл не только о времени, но и о себе. Оставалось лишь одно: стремление донести до слушателей страсть, которую он испытывал к Антарктике, и добиться, чтобы они увидели, пусть только в воображении, красоты, виденные им.

Выслушав рассказ, дети наградили Шейми шумными аплодисментами. Он улыбался, видя их сияющие лица, полные энтузиазма и возбуждения. Вопросы так и сыпались на него, и он, как мог, старался ответить на каждый. А потом часы вдруг пробили четыре. Настало время идти домой. Дети благодарили Шейми и просили прийти снова. Он обещал, что придет. Дети уже собрались покинуть ризницу, когда к ним обратилась Дженни:

– Задержитесь еще ненадолго. Мистер Финнеган кое о чем умолчал. Знаете ли вы, где он родился?

Все дружно замотали головами.

– Попробуйте угадать.

– В Букингемском дворце!

– В Блэкпуле!

– В «Хэрродсе»!

– Он родился в Восточном Лондоне, – прекратила их угадывания Дженни. – Как и вы. В детстве он жил с сестрой и братом в Уайтчепеле.

Послышались недоверчивые возгласы, начались переглядывания и застенчивые улыбки – свидетельства робкой, тайной надежды, появившейся в каждом детском сердце.

– Я очень перед вами виновата, мистер Финнеган, – сказала Дженни, когда дети ушли. – Я не собиралась подбивать вас на выступление. Я даже не знала, с какой целью вы приехали. Честное слово, я подумала, что для беседы с детьми.

– Прошу вас, не надо извинений. Мне это понравилось. Всерьез.

– Тогда большое вам спасибо. Это было так любезно с вашей стороны.

– Ничего особенного я не сделал, мисс Уилкотт. Надеюсь, немного развлек ваших сорванцов.

– Вы подарили им больше чем развлечение, – с неожиданным упрямством возразила Дженни. – Вы подарили им надежду. Жизнь каждого из них очень тяжела, мистер Финнеган. Очень. Каждый голос, который они слышат: голос усталой матери, пьяного отца, алчного хозяина, – говорит им, что все светлое и яркое в этом мире для других, а не для них. Сегодня вы заглушили те голоса. Пусть всего на несколько часов, но заглушили. – Дженни отвернулась, словно устыдившись прорвавшихся эмоций, и принялась ворошить угли в плите. – Даже не

знаю, зачем я топлю ее. Плита совершенно никудышная. Тепла почти не дает. Но в ризнице есть хотя бы она. А в классной комнате нам вообще нечем обогреться.

– Сегодня суббота, мисс Уилкотт.

– Да, – ответила Джейн, сгребая кочергой угли.

– Вы проводите занятия по субботам?

– Разумеется. Единственный день, когда я могу убедить родителей отправить детей ко мне. На большинстве фабрик и складов суббота – сокращенный рабочий день. После полудня дети свободны, и они приходят сюда.

– А разве они не ходят в обычные школы?

– Теоретически – да, – сказала Дженни, закрывая дверцу плиты.

– Теоретически?

– Их семьям надо что-то есть, мистер Финнеган. Платить за жилье, за уголь. Фабрики нанимают детей на сделную работу. Они набивают соломой матрасы. Моют полы. – Она криво улыбнулась. – Если математическим уравнениям или сочинению о поэзии Теннисона противопоставить фунт колбасы, купленной на детское жалованье, колбаса всегда выигрывает.

Шейми засмеялся. Дженни сдернула с крючка пальто, надела, затем надела шляпу. Когда она доставала из кармана перчатки, Шейми заметил на тыльной стороне одной ладони побелевший от времени длинный шрам. Ему было любопытно узнать, каким образом она заработала этот шрам, но он счел подобный вопрос нетактичным.

– Я пойду на рынок, – сообщила Дженни, поднимая с пола плетеную корзинку. – По субботам, ближе к вечеру, на Кейбл-стрит всегда устраивают рынок.

Шейми сказал, что ему в том же направлении, хотя вплоть до этого момента он и не думал идти на Кейбл-стрит. Они ушли. Дверь Дженни оставила незапертой.

– Вы не опасаетесь ограблений? – спросил Шейми.

– Я опасаюсь. Но отца больше волнуют людские души. И потому мы оставляем двери открытыми.

Кейбл-стрит находилась к северу от церкви.

– У вас такая увлекательная жизнь, мистер Финнеган, – сказала по пути Дженни.

– Пожалуйста, называйте меня просто Шейми.

– Хорошо. Но тогда и вы должны называть меня просто Дженни. Я говорила, что у вас увлекательная жизнь. В ней было столько удивительных приключений.

– Вы так думаете? Вам нужно было бы съездить в экспедицию.

– Ой, нет. Только не я. Я не переношу холод. На Южном полюсе и двух секунд не выдержала бы.

– А как насчет Индии? Или Африки – темного континента? – просил Шейми.

Составители карт часто называли Африку темным континентом, поскольку его большая часть оставалась неисследованной и на картах обозначалась темным цветом.

Дженни засмеялась:

– Англия – вот настоящий темный континент. Хотите убедиться? Прогуляйтесь по Уайт-чепелу. Скажем, по Флауэр-стрит и Дин-стрит, по Хэнбери-стрит или Брик-лейн. Я всегда чувствовала, что британским политикам и миссионерам вначале нужно навести порядок в родной стране, а потом уже нести цивилизацию африканским народам. – Она посмотрела на Шейми из-под полей шляпы. – Мои слова могут показаться вам слишком уж праведными.

– Ничуть.

– Лжете. – (Теперь уже засмеялся Шейми.) – Есть важные открытия, ради которых совсем не надо отправляться на край света. Они совершаются здесь. Я это чувствую, мистер Финнеган.

– Шейми.

– Да. Шейми. Чтобы их увидеть, мне не надо уезжать куда-то далеко. Я смотрю, как дети, приходящие в мою школу, учатся читать, осваивают азы арифметики. Потом читают страницы

из книг Киплинга или Диккенса, увлеченные мирами и персонажами произведений. Я вижу, как озаряются их маленькие лица, потому что в такие моменты они совершают собственные открытия... Конечно, это не сравнить с покорением горных вершин или путешествиями к истокам рек, но поверьте, их открытия волнуют ничуть не меньше. По крайней мере, меня.

Говоря о своих учениках, Дженни преображалась. Ее лицо начинало сиять, глаза сверкали, на щеках появлялся румянец, что делало ее еще красивее.

Они подошли к шумному и людному субботнему рынку на Кейбл-стрит. Торговля была в полном разгаре. Продавцы на все лады расхваливали и демонстрировали свой товар. Зеленщик жонглировал последними осенними яблоками. Мясники поднимали повыше куски баранины и говядины, давая покупателям полюбоваться сочной вырезкой. Торговцы рыбой отсекали головы у лосося, камбалы и пикши. У лотка, торговавшего подержанной одеждой и обувью, толпились женщины, выбирая своим детям башмаки.

– Столько картошки для двоих? – удивился Шейми, когда Дженни купила пять фунтов.

– Это не только для нас с отцом, а еще и для детей.

– Для детей? – переспросил изумленный Шейми, стараясь не выказывать удивления.

– Да. Я готовлю им. В основном корнуэльские пирожки. Ребятня уплетает их за обе щеки.

– Не знал, что у вас есть дети.

– У меня нет. Я говорю про учеников. Они вечно голодны. Бывают дни, когда эти пирожки – их единственная еда.

– Да-да, конечно, – пробормотал Шейми.

При мысли о том, что у Дженни могут быть дети и муж, он почувствовал совсем неуместную ревность.

Дженни сложила картошку в корзинку, расплатилась с продавцом и нагнулась за своей ношей.

– Позвольте, мисс Уил... Дженни. Можно я понесу вашу корзинку?

– Вы не против? Вы бы мне очень помогли.

– Ничуть, – ответил Шейми, беря у нее корзинку.

Вскоре к картошке добавился каравай хлеба, два фунта баранины и мускатный орех. Все это Шейми складывал в корзинку. Он заметил, как умело Дженни торговалась с продавцами, экономя пенсы на каждой покупке. Много ли получает священник? Скорее всего, нет. Шейми был готов держать пари, что большая часть этих денег тратится на еду и книги для детей и уголь для церковной плиты.

– Кажется, это последняя покупка, – сказала Дженни, добавляя в корзинку полфунта сливочного масла, и посмотрела на часы. – Надо поторапливаться. Отец скоро вернется. К его приходу я всегда делаю чай. Сегодня у него наверняка был утомительный день. По субботам он навещает больных. Ходили слухи о вспышке холеры на Кеннет-стрит. Надеюсь, это всего лишь слухи.

– Холера? В таком случае, ваш отец занимается весьма опасным делом.

– Очень опасным. – Дженни печально улыбнулась. – Так я потеряла маму. Она тоже ходила навещать больных и заразилась брюшным тифом. Это было десять лет назад.

– Мне больно об этом слышать, – сказал Шейми.

– Спасибо. Думаете, это остановило моего отца? Потерять жену... такой удар. Но отец не перестал ходить по домам бедняков. Он верит, что Бог оберегает его. – Она покачала головой. – Вера отца такая сильная. Такая абсолютная. Я хотела бы обладать такой верой, но у меня ее нет. Боюсь, я больше мысленно спорю с Богом, чем возношу хвалу.

Дженни глубоко втянула воздух и быстро выдохнула. Чувствовалось, она пыталась вернуть нарушенное самообладание. Шейми представил, каково ее отцу навещать смертельно больных людей. Ходить по трущобным домам, куда большинство врачей боятся даже загляды-

вать. А каково было Дженни остаться без матери? Каково ежедневно сражаться с бедностью и невежеством? Глядя на Дженни, Шейми убеждался, что смелость имеет множество обличий.

– Я отняла у вас столько времени, – спохватилась она. – Еще раз спасибо за вашу беседу с детьми и за то, что ходили со мной на рынок. Вы сделали гораздо больше, чем обещали.

Она потянулась за корзинкой, но Шейми покачал головой:

– Не глумитесь, Дженни. Корзинка тяжелая. Я донесу ее до вашего дома.

– Честное слово, я не посмела бы просить вас об этом.

– Вы и не просили. Я сам предложил.

Через двадцать минут они подошли к дому священника. Преподобный Уилкотт уже вернулся.

– Входите! Входите! – позвал он, открывая дверь. – Никак это вы, мистер Финнеган?

– Вы не ошиблись, ваше преподобие, – ответил Шейми, пожимая протянутую руку.

– Как замечательно видеть вас снова, мой мальчик! Вы заглянули к нам на чай?

– Нет, сэр. Я просто помог Джен... мисс Уилкотт донести с рынка ее покупки.

В присутствии священника Шейми вновь почувствовал необходимость соблюдать приличия.

– Чепуха! Оставайтесь. Перекусите с нами. Еды у нас предостаточно. У Дженни на плите всегда стоит кастрюля тушеного мяса с овощами.

– Так вы останетесь? – спросила Дженни. – Это мой скромный способ отблагодарить вас за все, что вы сегодня для меня сделали.

Шейми знал, что его ждут в Королевском географическом обществе. Сначала разговор с Маркемом. Потом обед. А после обеда – затяжная выпивка и такие же затяжные разговоры.

– Уговорили. Я останусь, – сказал он.

Дженни провела его по короткому узкому коридору в ярко освещенную кухню. Священник сел возле камина. Шейми поставил тяжелую корзинку на скамейку под окном и встал, чувствуя себя мальчишкой-подростком. За окном виднелся дворик.

– Наш сад, – с улыбкой пояснила Дженни. – Что есть, то есть. Летом он выглядит намного живописнее.

Дженни взяла у Шейми куртку и предложила сесть рядом с отцом. Не успел он устроиться у камина, как Дженни принесла чашку горячего бодрящего чая.

Глотая чай, Шейми рассматривал чистую теплую кухоньку. Над окном висели белые кружевные занавески. Пол устлала яркие половики. На столе стоял небольшой глиняный горшок с пурпурными крокусами. От огня шло приятное тепло, а от кастрюли, которую Дженни держала в духовке, распространялся соблазнительный аромат.

– Папа, ты добавил петрушки? – спросила она, кладя худенькую руку на отцовское плечо.

– Что? Ты о чем? – спросил священник, беря ее за руку.

– Я спросила, добавил ли ты петрушки в тушеное мясо? Я же просила. Петрушка всегда добавляется в самом конце.

– Прости, дорогая. Совсем забыл.

– Вот и попроси тебя, – разочарованно произнесла Дженни.

Священник погладил руку дочери и усадил рядом.

– Это блюдо будет удивительно вкусным и без петрушки. Дженни потрясающе готовит, – добавил он, обращаясь к Шейми.

– Мечтаю убедиться, – сказал Шейми. – Моя холостяцкая жизнь редко балует меня домашними обедами.

– Как твои занятия с детьми? – спросил у дочери Уилкотт.

– Выше всяких похвал! Сегодня мистер Финнеган рассказывал им о своих экспедициях.

Потом отвечал на вопросы. Папа, ты бы видел их лица. Они были так воодушевлены!

– Вы им рассказывали? Очень любезно с вашей стороны.

– А как твой обход больных? – спросила Дженни. – Страхи оправдались?

Преподобный Уилкотт покачал головой:

– К счастью, нет. Панические слухи не подтвердились. Я молю Бога, чтобы все так и оставалось. Знаете, мистер Финнеган, в трущобах холера распространяется со скоростью молнии. Всему виной, конечно же, скученность. Перенаселенность домов, где в комнате ютится по пять-шесть человек, где нередко спят вповалку, а состояние уборных оставляет желать лучшего. Водопроводные трубы пролегают рядом со сточными канавами. Скверный воздух. Достаточно заболеть одному человеку, и не успеешь глазом моргнуть, как уже вся улица больна. Но сегодня Господь нас пощадил.

Дженни стиснула отцовскую руку и вернулась к плите.

– Вам помочь? – предложил Шейми.

– Нет, спасибо. Сама справлюсь.

– Я кое-что смыслю в кухонных делах. На борту «Дискавери» мне приходилось стряпать.

– Серьезно?

– Да. Для ездовых собак.

– Мистер Финнеган, это что, сравнение? – прищурившись, спросила Дженни.

– Что? Нет, ни в коем случае. Просто я хотел сказать, что поварское ремесло мне знакомо.

Кстати, в экспедиции это считалось одним из самых важных занятий. Если собак как следует не кормить и не заботиться об их здоровье, к моменту высадки они бы никуда нас не повезли.

– Мне ваша помощь не требуется, а вот моему отцу, пожалуй, пригодилась бы. Вы могли бы вместе обходить больных. Вы бы проверяли состояние носов у прихожан, убеждаясь, что они холодные и влажные.

Священник громко расхохотался:

– Мальчик мой, вы говорили про холостяцкое существование? Трудно представить!

– Позвольте мне хотя бы накрыть на стол, – робко попросил Шейми, пытаясь загладить свою бестактность.

– Не откажусь. Собачьих мисок у нас нет, а тарелки – над раковиной.

Дженни еще немного подразнила Шейми, затем подала обед: ланкаширское рагу из баранины, картофеля и лука, ломти хрустящего черного хлеба и свежее сладковатое масло. Все трое уселись за стол. Священник стал читать молитву, благословляя трапезу. Шейми наклонил голову. Во время молитвы глаза полагалось держать закрытыми, но он не стал. Вместо этого он смотрел на Дженни. От горячей плиты у нее покраснели щеки. Свет ламп золотил ее волосы. Когда молитва закончилась, Дженни открыла глаза, увидела, что Шейми смотрит на нее, но взгляд не отвела.

– Вкуснотища, – сказал Шейми, проглотив первый кусок. – Честное слово.

Дженни поблагодарила его и больше не отпускала «собачьих» шуточек. Поглощая рагу, Шейми понял, что изголодался по теплой, непринужденной обстановке, царящей на кухне Дженни Уилкотт.

От нее исходило что-то приятное и уютное. В ее присутствии Шейми чувствовал себя довольным. Умиротворенным. Не было ни возбуждения, ни неистовства. Не было злости, печали и отчаяния, какие он испытывал всякий раз, думая о Уилле Олден.

Ему нравился уют, созданный Дженни для себя и отца. Нравилось тиканье часов на камине, запах полировочной жидкости для мебели и запах крахмальной скатерти. К своему величайшему удивлению, Шейми обнаружил, что ему тоже хочется иметь свой настоящий дом.

На десерт Дженни подала печеные яблоки со взбитыми сливками. После обеда священник предложил всем выпить по рюмочке шерри. Шейми сказал, что с удовольствием выпьет, но прежде собственноручно вымоет посуду. Дженни он отправил отдыхать у камина, а сам, засучив рукава, встал к раковине и вымыл и вытер всю посуду, даже кастрюли.

За рюмочкой шерри он просидел у Уилкоттов, пока часы не пробили восемь. Тогда Шейми встал и сказал, что ему пора. Воскресенье отнюдь не было для священника и Дженни днем отдыха. Оба поднимались рано утром. Уходить Шейми не хотелось. Не хотелось выходить одному на холодную, скудно освещенную улицу, пересекать реку, возвращаться в дом сестры, где его ждала пустая комната и одинокая постель.

Он сердечно поблагодарил Уилкоттов за вкусный обед и радушный прием. Дженни с отцом проводили его до двери. Шейми надел шляпу и уже застегивал куртку, когда в нагрудном кармане что-то хрустнуло.

– Это же чек! – засмеялся он.

Единственная причина, по которой он здесь оказался и о которой напрочь забыл. Шейми передал конверт Дженни и сказал, что это деньги для ее школы. Дженни поблагодарила его и пообещала лично поблагодарить Фиону.

– Мой мальчик, надеюсь, вскоре вы снова у нас побываете, – сказал священник, выходя на крыльцо.

И Шейми, рассердившийся утром на Фиону за просьбу захватить сюда, ответил:

– Да, ваше преподобие. Я навещу вас снова, и очень скоро.

Глава 9

Макс фон Брандт посмотрел на часы. Время перевалило за восемь вечера. Автобус, которого он дожидался, должен подъехать с минуты на минуту. Последние четверть часа Макс провел под навесом табачного магазина на Уайтчепел-роуд, чтобы ни в коем случае не пропустить автобус.

Он зябко поежился. Сырой холодной вечер заставил его ссутулиться. Он ненавидел отвратительную английскую погоду, но радовался, что сейчас идет дождь. Дождь был его союзником.

В нескольких футах от Макса шипел газовый фонарь, слабо освещая скользкие черные булыжники, убогие витрины магазинов и закопченные кирпичные стены домов. Ни тебе ваз с цветами, ни зеленого парка или приветливой уютной кофейни. Если бы он задумал совершить самоубийство, то местом сведения счетов с жизнью непременно выбрал бы Уайтчепел. Более подходящего места для ухода в мир иной не придумаешь.

Обычно Макс ходил в безупречно сшитом костюме, накрахмаленной белой рубашке и шелковом галстуке. Но сегодня он сменил свою «униформу» на темно-синюю матросскую куртку, кепку, парусиновые брюки, тяжелые ботинки и очки в тонкой оправе, куда были вставлены простые стекла.

Прошла еще минута. Две. Потом он услышал тарыхтение автобусного мотора. Звук нарастал. Вскоре и сам автобус вынырнул из-за поворота и подъехал к остановке на противоположной стороне улицы. Мотор верещал, шофер дожидался, пока несколько пассажиров сойдут. Макс вглядывался в их лица.

Вот и она, подумал он, глядя, как последней из автобуса вышла девушка. У нее было невыразительное круглое лицо, обрамленное темными вьющимися волосами. Глаза за стеклами очков казались маленькими, зато зубы, наоборот, были крупными, как у кролика. Глядя на девушку, Макс понимал, что его план удастся. По сути, ему и особо напрягаться не понадобится. От этой мысли его охватило глубокое омерзение. Макс быстро подавил это чувство, поддаваться которому не имел права. Начатая работа должна продолжаться. К его цепи нужно добавить еще одно звено, чем он сейчас и займется.

Он ждал, пока она не окажется на тротуаре, сражаясь со своим зонтом. Ждал, пока кондуктор не позвонит в колокольчик и автобус не отъедет от тротуара, выплевывая черные облака выхлопных газов. Тогда Макс пересек улицу и пошел навстречу женщине, держа руки в карманах и пригнув голову от дождя.

Макс знал, что она пойдет в его сторону. В этом он убедился, четыре вечера подряд наблюдая за ней из чердачного окна одного из окрестных домов. Шаги девушки становились все громче. Макс по-прежнему не поднимал головы. Он ждал, пока не почувствует девушку вблизи, не ощутит ее запах. «Рано, – говорил он себе. – Рано... Потерпи еще... Пора!»

Быстрым, точно рассчитанным движением Макс сильно толкнул девушку плечом, выбив из рук сумку и задев очки, которые тоже упали.

– Черт побери! Простите меня! – пробормотал Макс, мастерски подражая выговору уроженца Йоркшира, торопливо наклонился и поднял сумку и очки. – Я вас не заметил. Вы не поранились?

– Я... думаю, нет, – ответила она, шурясь на него из-под зонта. – Вы не знаете, куда упали мои очки?

– Вот они, – ответил Макс, подавая ей очки.

Дрожащими руками она надела очки, потом взяла у него сумку.

– Я очень извиняюсь. Какой же я увалень. Мне так неловко.

– Ничего. Все обошлось, – ответила девушка.

– Кажется, я заблудился. Я шел из Уоппинга. Мой корабль встал там на якорь всего час назад. Я разыскиваю меблированные комнаты «Даффинс».

– Я знаю, где это, – ответила девушка и указала в восточную сторону. – Через две улицы, слева. Но «Даффинс» – дорогое место. Вы могли бы поискать мебелирашку поближе к реке. В Уоппинге их полно.

Макс покачал головой:

– Вряд ли, мисс, вы останавливались в таких местах. Сплошной ужас. Ничем не лучше ночлежек. Стоянка моего корабля продлится несколько дней, и я хочу провести их в приличном месте. Рядом с церковью. – Он заметил, как при упоминании церкви глаза девушки немного округлились. – Все это время я смотрел на уличные указатели, потому и налетел на вас. Мне до сих пор очень неловко. Могу я как-то загладить свою вину? Скажем, угостить вас чаем в каком-нибудь приятном чайном заведении? Здесь имеются такие?

– Все уже закрыто, – ответила девушка и закусила губу.

Дождь припустил сильнее. Отлично, подумал Макс. Он поднял воротник и передернул плечами.

– Вот... – сказала она, держа зонт так, чтобы он прикрывал их обоих.

Макс стал оглядываться по сторонам, делая вид, будто выискивает еще открытые заведения.

– О, смотрите! В двух шагах от нас паб. – Он прищурился и прочитал вывеску. – Какое смешное название – «Нищий слепец». Вы составите мне компанию?

– Я не посещаю пабы, – покачала головой девушка.

– Возможно, у них есть зал для женщин, – с надеждой в голосе предположил Макс.

Девушка колебалась, но глаза у нее были голодными и печальными.

Вызволяя Харриет из тюрьмы Холлоуэй, Макс случайно услышал рассказ Дженни Уилкотт о своей лучшей ученице. Одинокая девица, живущая с больной матерью. Вязальный кружок и движение суфражисток – вот и все ее развлечения. Она жаждала мужского общества. Макс это видел. Тут и любой увидел бы.

– Ну что ж, не смею вас задерживать, – сказал Макс, приподнимая кепку. – Спокойной ночи, мисс.

– Может, зайду ненадолго, – вдруг сказала она. – Выпью стакан лимонада или чего-нибудь в этом роде. Меня мама ждет. Но пока еще не так много времени, чтобы она беспокоилась. Иногда я возвращаюсь из вязального кружка и того позже.

– Прекрасно, – улыбнулся Макс. – Рад, что вы передумали. Угощу вас лимонадом. Надо же как-то загладить свою неловкость. Я ведь вас едва с ног не сбил. Кстати, меня зовут Питер. Питер Стайлс, – представился он, протягивая руку.

Очки девушки сползли на кончик носа. Она поправила их и застенчиво улыбнулась.

– Но я не знаю вашего имени.

– Ой! Верно. Как глупо с моей стороны, – нервно рассмеялась она. – Меня зовут Глэдис. Глэдис Бигелу. Очень рада с вами познакомиться.

Глава 10

– Хозяин, куда плиту нести? Туда? Вы, случаем, не ошиблись? Это же церковь, – сказал развозчик Робби Барлоу.

– Это очень холодная церковь, – ответил ему Шейми.

– А дверь там открыта? Штука-то тяжелая, сами знаете. Как сгрузим с телеги, хорошо бы прямо до места донести.

– Дверь здесь всегда открыта. Местный священник ее не закрывает. – Шейми спрыгнул с телеги, взбежал по ступенькам крыльца, открыл дверь и крикнул: – Привет! Есть тут кто-нибудь? Преподобный Уилкотт? Дженни? – Ответа не было, и Шейми зашел внутрь и снова позвал: – Есть тут кто-нибудь?

Послышались шаги, и в передней церкви появилась очень симпатичная молодая женщина в блузке цвета слоновой кости и бежевой юбке.

– Шейми Финнеган? Неужели вы? – удивилась она.

– Здравствуйте, Дженни. Рад, что вас застал.

– А где же мне еще быть? Только что закончила заниматься с детьми и теперь прибирала за ними.

– Я так и надеялся.

Надежда была здесь ни при чем. По субботам Дженни всегда давала уроки, и Шейми знал, что непременно ее застанет.

Дверь церкви открылась.

– Извиняйте, миссус, куда вам плиту нести? – спросил Робби.

Они с помощником втащили плиту внутрь и оба кряхтели, напрягаясь от тяжелой ноши.

– Какую плиту? – не поняла Дженни.

– Я привез вам новую плиту. Взамен старой, – сказал Шейми. – Вы говорили, что она почти не греет. И детишки, как помню, тогда изрядно мерзли.

– Мне даже не верится, – растерялась Дженни.

– Ничего особенного. Просто решил вам помочь.

По большей части Шейми говорил правду, однако главной причиной было желание снова увидеть Дженни. Очень сильное желание. Шейми не переставал думать о Дженни с тех самых пор, как неделю назад простился с ней. Он совсем не хотел думать о Дженни. Не хотел вспоминать цвет ее глаз, изгиб талии, смех, но ничего не мог с собой поделать. Его приезд сюда на телеге, вместе с плитой и развозчиками, выглядел несколько эксцентрично, однако Шейми это не заботило.

– У меня нет слов. Спасибо. Огромное вам спасибо, – сказала Дженни, явно растроганная его подарком.

– Эй, миссус! – простонал Робби. – Приберегите ваши спасибочки на потом. Куда нести эту махину?

– Простите! – спохватилась Дженни. – Сюда, пожалуйста.

Она провела развозчиков в небольшую ризницу, служившую ей классной комнатой. Мужчины шумно опустили плиту на пол и некоторое время стояли согнувшись, руки на коленях, восстанавливая дыхание.

– Старая плита хорошо грела? – отдышавшись, спросил Робби.

– Очень плохо. Сегодня мне не удалось ее растопить. Сколько ни билась, никаких результатов. По-моему, там жаровая труба сломалась.

– Можем забрать, если не возражаете.

Шейми ответил, что не возражает. Развозчики отсоединили старую плиту от дымохода и унесли.

– Я... даже не знаю, что сказать, – призналась Дженни, когда они остались вдвоем. – Это очень щедрый подарок.

Шейми отмахнулся от ее благодарности, снял куртку и засучил рукава. Потом открыл сумку с инструментами, привезенными из дома Джо, и взялся за установку новой плиты. У него был опыт обращения с плитой на борту «Дискавери» и еще больше опыта с плитами фирмы «Примус», так что присоединение новой плиты к дымоходу не представляло никаких трудностей. Через полчаса работа была окончена.

– Вот и все! – объявил Шейми, вылезая из-за плиты. – Теперь все вы не будете мерзнуть.

Взглянув на него, Дженни расхохоталась. Шеймус не понимал причин ее смеха, пока она не сказала:

– Вы черны, как трубочист! Видели бы вы сейчас свое лицо. Вы будто в угольную яму свалились. Обождите здесь. Я сейчас принесу таз с водой.

Через несколько минут Дженни вернулась с водой, мылом и полотенцем. Она усадила Шейми и стала отмывать сажу с его щек и шеи. Шейми прикрыл глаза от мыльных брызг. Руки Дженни были мягкими и нежными. Шейми понравился их прикосновения, причем настолько, что чувства заслонили в нем разум. Он собирался быть предельно учтивым и поступить так, как требовали приличия: пойти к ней домой и вначале переговорить с ее отцом. Вместо этого он взял Дженни за руку и сказал:

– Дженни, погуляйте со мной.

– С удовольствием. Мне так и так надо было на рынок, а потом...

– Я не про сегодняшний день. Завтра. После службы. В Гайд-парке.

– А-а, вы про такую прогулку.

Она взглянула на их соединенные руки, но свою не отвела.

– Я заеду за вами в экипаже. Все как полагается.

Дженни посмотрела на него и улыбнулась:

– Тогда я согласна. Это было бы замечательно.

– Отлично.

– Да. Отлично.

– Я это... провожу вас домой.

– Шейми, мой дом рядом с церковью.

– Я помню. Я бы хотел поговорить с вашим отцом.

– О плите?

– Нет.

– Не стоит. Он не ждет, что вы будете спрашивать разрешения. Мне как-никак уже двадцать пять. Вполне взрослая.

– Это я помню. Но я все-таки хочу с ним поговорить.

Она засмеялась:

– Ну, раз вы так настаиваете, пошли.

Преподобный Уилкотт сидел за кухонным столом, попивая чай и готовясь к воскресной проповеди. Услышав шаги, он поднял голову:

– Шеймус! Рад снова вас увидеть, мой мальчик! Не желаете ли чашку чая?

– Нет, ваше преподобие. Спасибо, но чая я не хочу.

– Что привело вас в наши края?

И Шейми, плававший по неизведанным морям, справлявшийся с яростно воющими штормами и пронизывающим холодом, вдруг потерял смелость. Он почувствовал себя шестилетним мальчишкой в коротких штанишках, который выпрашивает у взрослых двухпенсовую монету, чтобы потратить на ярмарке. Он никогда не спрашивал разрешения сводить женщину на прогулку. Женщины, с которыми его в последние годы сталкивала судьба... там вопрос о прогулках не вставал, а потому Шейми совершенно не знал, с чего начать.

– Я... в общем... понимаете, сэ... я хочу... то есть я хотел бы просить вашего разрешения сводить завтра Дженни на прогулку. – (Священник удивленно моргал, не произнося ни слова.) – Конечно, если это не создаст вам сложностей, ваше преподобие, – нервозно добавил Шейми.

– Что вы! Ничуть! Никаких сложностей, – засмеялся Уилкотт. – Просто я не привык, чтобы у меня спрашивали разрешения. Моя Дженни делает то, что захочет. И всегда делала. Она очень независимая девушка. Но если вам так спокойнее, да, я разрешаю сводить ее завтра на прогулку.

– Благодарю вас, сэ. Удобно ли будет, если я заеду в два часа?

– Приезжайте, когда хотите, – ответил священник.

– Два – очень удобное время, – сказала Дженни.

Шейми простился со священником. Дженни проводила его до двери.

– Вам незачем было это делать, – сказала она, прежде чем открыть дверь.

– Очень даже зачем.

– В следующий раз вы потребуете, чтобы нас сопровождала компаньонка.

Эта мысль как-то не приходила ему в голову.

– Я не против. Если вам нужно, – торопливо произнес Шейми.

– Мне не нужно, – ответила Дженни и, встав на цыпочки, поцеловала его.

Раньше, чем Шейми сумел что-то сказать, она распахнула дверь:

– До завтра.

– Да. Конечно. До завтра, – пробормотал Шейми.

Дженни закрыла дверь. Шейми понимал, что нужно идти. Но он не сразу нашел в себе силы сделать хотя бы шаг. Какое-то время он стоял, изумленно дотрагиваясь пальцами до того места на щеке, куда его поцеловала Дженни.

Глава 11

– Дорогая, ты видела моего нового немца?

– Нет, Элино́р, не видела. Ты его куда-то спрятала? – спросила Мод Селвин Джонс.

– Бесстыжая девчонка! – усмехнулась Элино́р Глин. – Идем. Он играет на рояле в гостиной, заставляя женщин падать в обморок. Он тебе непременно понравится. Такой обаятельный. Его зовут Макс фон Брандт. Он приехал сюда вместе с кузиной Харриет Хэтчер. Она врач. Ты ее знаешь?

– Знаю. И его тоже.

– Превосходно! Хэтчеры всегда были очень дружны с Керзонами. Мне рассказывали, что миссис Хэтчер и Мэри Керзон были близки, как сестры.

Мимо прошел официант с подносом, уставленным хрустальными бокалами с шампанским.

– Выпей, – предложила Элино́р, взяв бокал. – По-моему, ты умираешь от жажды.

– Так оно и есть, – ответила Мод. – Спасибо.

– Выпей. Шампанского у нас – хоть залейся. Не далее как сегодня я обнаружила в погребке Джорджа целых двенадцать ящиков, – подмигнула ей Элино́р и отошла, шелестя шелками и распространяя аромат духов. – Дорогая, мы всего лишь через дорогу! – напомнила она, обернувшись через плечо.

Мод улыбнулась. «Через дорогу» было приличным расстоянием в Кедлстон-Холле, обширном родовом имении Джорджа Натаниэла Керзона, первого маркиза Керзона Кедлстонского, ныне вдовствующего. Она приехала сюда на выходные по настоятельному приглашению Элино́р, и, хотя она несколько раз бывала в Кедлстоне, ее не переставали восхищать внушительные размеры и красота дома, спроектированного Робертом Адамом. Дом был очень старым и очень красивым, полным роскошных излишеств, и это Мод нравилось.

Элино́р тоже обожала Кедлстон-Холл. Мод знала о ее сокровенном желании стать хозяйкой имения. Элино́р уже была любовницей Керзона и не делала тайны из намерения стать его женой. Но этому мешал ряд обстоятельств, и прежде всего – ее репутация. Элино́р была скандальной романисткой, написавшей, в числе прочего, «Это», «Три недели» и «По ту сторону скал» – пикантные истории, опуститься до чтения которых не позволила бы себе ни одна порядочная женщина. Вторым обстоятельством был ее муж, сэ́р Ричард. Некогда богатый, он сделался расточителем и должником. Писательством Элино́р занялась еще в 1900 году и с тех пор выпускала в год по роману, чтобы оплачивать счета. Ее книги расходились как горячие пирожки.

Этим вечером Мод была не в настроении слушать музыку. Ее порядком утомили Джордж и другие политики, съехавшиеся в Кедлстон на выходные. Даже ее добрый приятель, премьер-министр Асквит утомил ее сегодня. Вдобавок она не находила себе места, подумывая, не прогуляться ли по окрестным садам или просто залечь в постель с книжкой. Но появление Макса фон Брандта все изменило. Она помнила этого человека. Очень хорошо помнила. Женщина ни за что не забудет мужчину с таким лицом. По сути, она думала о Максе с того дня, как впервые увидела его в Холлоуэе.

Допив шампанское, Мод поставила пустой бокал на стол, достала из сумочки сигарету и закурила. Это была особая сигарета, с примесью опиума, добавляемого в табак стараниями опиумного торговца Тедди Ко из Лаймхауса. Мод побывала там несколько дней назад, чтобы пополнить запас. С годами ее страсть к этому зелью уменьшилась. Она больше не посещала опиумные курильни Восточного Лондона и не выкуривала столько «особых» сигарет, как прежде, но изредка позволяла себе вспомнить старое.

Мод глубоко затянулась, выпустила облачко дыма и побрела в музыкальную гостиную – естественно, огромную, как и все помещения Кедлстона, полную всякой дорогостоящей всячины вроде картин, фарфора и мебели. В гостиной былолюдно, но Макса она заметила сразу же.

Он сидел за роялем и играл песню под названием «In the Shadows». Его светлые, с серебристым отливом волосы были зачесаны назад. Он был в черном элегантном смокинге, такой же обаятельный, как и там, где они встретились впервые.

Макс вдруг поднял голову, улыбнулся ей, и Мод, словно шестнадцатилетняя дурочка, ощутила слабость в коленях. Давно уже ни один мужчина не действовал на нее так.

Макс спел несколько любимых ею песен: «Destiny», «Mon Coeur S'ouvre a ta Voix»³, «Songe d'Automne»⁴. Все это время он безотрывно смотрел на Мод, а она, злясь на себя, отвернулась и, что того хуже, покраснела.

Когда стихли последние ноты «Songe d'Automne», Макс объявил, что устал и желает промочить горло, после чего быстро покинул музыкальную гостиную. Ему вслед летели аплодисменты и крики «Браво!», но Мод почувствовала, словно весь мир вдруг погрузился во тьму.

– Возьми себя в руки, – прошептала она.

Мод вышла из музыкальной гостиной и, пройдя по коридору, открыла дверь балного зала. Там было пусто. Несколько французских дверей оказались открытыми. Мод поспешила на террасу. Ей отчаянно требовался глоток свежего воздуха. Мраморная терраса Кедлстона купалась в лунном свете. Вокруг – ни души.

– Слава Богу! – вздохнула Мод.

Тишина и вечерняя прохлада успокоили ее, но дрожь в руках осталась. Мод полезла в сумочку за второй сигаретой.

– Удивляюсь тебе. Честно слово, удивляюсь, – сказала она себе.

Она была уже слишком стара для подобных девчоночьих штучек. По крайней мере, она так думала.

– А-а, вот вы где, – послышался у нее за спиной теплый, сочный голос с легким немецким акцентом.

Мод медленно обернулась. В нескольких футах стоял Макс с бутылкой шампанского.

– Я думал, вы ушли и я найду лишь ваш хрустальный башмачок.

– Я... Я вышла подышать, – сказала Мод.

– Вижу, чем вы дышите, – улыбнулся Макс. – Вы позволите? – спросил он, потянувшись к ее сигарете.

– Что? Это? Вам не понравится, – заупрямилась Мод, пряча сигарету за спину.

– Понравится, – ответил Макс.

Он наклонился ближе. Теперь их лица разделяло несколько дюймов. От Макса пахло шампанским, сандалом и кожей. Протянув руку, он легко вытащил из пальцев Мод сигарету, затянулся и неспешно выпустил дым. Карие глаза немца округлились.

– Вы должны обязательно назвать мне имя вашего табачника, – кашляя, сказал он.

– Верните сигарету.

– Верну, но не сразу. – Он снова затянулся. – Так приятно снова вас увидеть. Я и не ожидал.

– Я тоже, – призналась Мод. – Я наслаждалась вашей игрой. Это было прекрасно.

– А я наслаждался вами. У вас красивое платье.

Мод не ответила. Он играл с ней. Дразнил. Насмехался. Должно быть, да.

– Если не ошибаюсь, платье у вас от Фортуни?

³ «Мое сердце открывается твоему голосу» (*фр.*) – ария Далилы из оперы Сен-Санса «Самсон и Далила».

⁴ «Осенний сон» (*фр.*) – вальс, хорошо известный в России под тем же названием.

– Поздравляю. Вы угадали, – ответила Мод. – Большинству мужчин не отличить платье Фортуни от платья-трубы.

– Аметист – ваш цвет. Вам всегда стоит носить вещи этого цвета. Я куплю вам дюжину платьев всех оттенков аметиста. Редкому самоцвету нужна лишь самая лучшая оправка.

Не удержавшись, Мод расхохоталась:

– Ох, Макс, ну и чушь же вы несете!

Макс тоже засмеялся:

– Да, я несу чушь. И мне приятно слышать, что вы называете вещи своими именами. – Он глотнул шампанского из бутылки. – Итак, вы женщина, которая любит выслушивать правду. Это так? – Макс протянул Мод бутылку, предлагая и ей глотнуть. – Тогда слушайте: я хочу близости с вами. Хочу с того момента, как вас увидел. Я не успокоюсь, пока вы мне не отдадитесь.

Мод едва не поперхнулась шампанским. Ее мало что шокировало, но сейчас она была шокирована признанием немца.

– Отъявленный наглец! – заявила она, вытирая с подбородка капли шампанского.

Вернув бутылку Макс, она собралась уйти.

– Понимаю, – сказал ей вслед Макс. – Подобно большинству женщин, вы лишь думаете, будто вам хочется правды. Может, мне следовало вам лгать? Присылать розы? Шоколадные конфеты? Без устали читать стихи? – (Мод остановилась.) – Вы и есть поэзия, Мод.

Она медленно повернулась, подошла к нему, обхватила его лицо ладонями и поцеловала. Поцелуй был жарким, голодным. Мод почувствовала руки Макса на своей талии, потом на спине. Макс притянул ее к себе. От него исходил жар. Такой же жар она ощущала внутри себя. И вдруг ей захотелось Макса так, как еще никогда она не хотела ни одного мужчину. Неистово. Отчаянно.

– Где? – прошептала она.

– В моей комнате, – ответил он. – Через полчаса.

Он вложил ей в руку ключ с выгравированным номером. В Кедлстоне все комнаты для гостей имели номера. Мод снова поцеловала Макса, укусив его за губу, после чего быстро ушла. Каблуки ее туфель стучали по мраморным плитам. Она шла по террасе, слушая громкое биеение собственного сердца.

Назад она не оглянулась. Ни разу. Поэтому она не увидела улыбки, появившейся на губах Макса фон Брандта. Улыбки с оттенком печали. Улыбки, не затронувшей его глаза.

Глава 12

– Призываю вас к порядку! Призываю вас к порядку! – надрывался спикер палаты, стуча молоточком. – Попрошу соблюдать порядок!

Его никто не слушал. По обеим сторонам от прохода члены парламента шумно одобряли закончившееся выступление и столь же шумно возражали.

– Джо, вы опять пробрали их до мозга костей, – прошептал ему лейборист Льюис Мид, депутат от Блэкхита. – Неужели вам всегда нужно брать самые злободневные темы? Почему бы для разнообразия не взять что-нибудь полегче? Скажем, новые цветочные кадки в Хакни-Даунсе? Или дополнительные скамейки в Лондон-Филдсе?

Джо засмеялся. Он откинулся на спинку инвалидной коляски, зная: пройдет еще несколько минут, прежде чем спикеру удастся восстановить порядок. Ожидая, пока собравшиеся успокоятся, Джо обвел взглядом зал, затем поднял глаза к высокому потолку с изящными готическими окнами и галереями, облицованными деревом. Все это, в сочетании с высокими створчатыми окнами и длинными скамьями с наклонными спинками, неизменно вызывало у него ощущение, что он находится в соборе. Такая схожесть очень нравилась Джо, ибо во всей Британии не было для него места священнее парламентской палаты общин, и никакое иное служение не могло сравниться с его членством в парламенте.

Для Джо политика являлась религией, а палата – его амвоном. Он только что выступал со всем пылом и красноречием, не уступая самому ревностному проповеднику-евангелисту. Жаль, что к этому священнодействию нельзя было добавить серы. Она бы оказалась совсем не лишней.

– Это мое последнее предупреждение! – взревел спикер. – Прошу почтенных джентльменов немедленно вернуться на свои места! В противном случае мне придется удалить вас из зала!

Один за другим стоявшие начали рассаживаться: консерваторы, либералы, лейбористы. Джо увидел возмущенного Черчилля. Хендерсон и Макдональд радостно улыбались. Асквит тер лоб.

Джо открыл сегодняшнюю сессию, выступив с новым законопроектом о реформе образования. Он потребовал от правительства расширить существующие школы, построить семьдесят новых, повысить минимальный возраст выпускников, а также ввести образовательные программы в десяти королевских тюрьмах. Выступление вызвало шумную и неоднозначную реакцию.

– Это полнейший абсурд! – выкрикнул владелец пяти швейных фабрик сэр Чарльз Мозьер, едва Джо закончил выступать. – Правительство не может принять такой закон. Он разорит государство.

– Правительство может его принять. Весь вопрос, выдержат ли капиталисты? – парировал Джо. – Образованные дети умнеют, а умные дети начинают задавать вопросы. Вам не понравится, если ваши швеи вдруг начнут спрашивать: «Почему блузку, за которую мне платят семь пенсов, сэр Чарльз продает по два фунта?» Такие вопросы подтолкнут швей к забастовке. И тогда разоритесь вы, сэр Чарльз, а вовсе не государство.

– Может, нам еще подавать в тюрьмах чай с оладьями?! – воскликнул Джон Артур, чьи шахты в Уэльсе имели выгодные контракты на поставку угля в тюрьмы и исправительные заведения для несовершеннолетних. – Можно приносить в камеры фарфоровые чайники на серебряных подносах! Скажите, сэр, вы хоть представляете себе стоимость подобной программы?

– Она не будет стоить ни пенса, – ответил Джо.

– Как вы сказали?

– Я сказал: ни пенса. Фактически этот закон сэкономит государственные деньги. Дайте образование каждому узнику Уандсворта, каждой узнице Холлоуэя. Дайте им возможности, открывающиеся образованным людям, помогите выбраться из нищеты – и вы сможете навсегда закрыть эти мрачные заведения.

Джо подождал, пока все не рассядутся по скамьям и не успокоятся. Он всматривался в хорошо знакомые лица своих друзей и противников. Затем поднял глаза к галерее для посетителей, где сидели его мать Роуз, жена Фиона и старшая дочь Кейти. А ведь сложилась наша жизнь по-другому, они бы здесь не сидели, подумал он. И жил бы он с семьей где-нибудь в Восточном Лондоне, в сырой, холодной комнате, питаюсь впроголодь и экономя на угле, чтобы было чем заплатить за жилье. Ему и Фионе повезло. Они вырвались из нищеты. Но очень и очень многие по-прежнему бедствуют. Джо подумал о тех, кто продолжает работать за несколько жалких пенсов в час, кто редко ест досыта и дрожит от холода. Потом продолжил выступление:

– Господин премьер-министр, господин спикер, уважаемые коллеги! Предлагаемый мной закон – это веление времени. Время требует дать каждому британскому ребенку образование, полностью отвечающее его способностям. Нужно вывести каждую девочку и каждого мальчика, живущих в лондонском Уайтчепеле, в трущобах Глазго и Ливерпуля, из нищеты и безнадежности. Это под силу только образованию. Только образование способно сделать так, чтобы опустели тюрьмы, работные дома и трущобы.

Наше правительство наконец-то начинает осознавать тяжкую участь рабочего класса и начинает заботиться о нуждах большинства, а не только горстки избранных. Помните, как далеко мы продвинулись за последнее десятилетие. Посмотрите на наши достижения. Дети бедняков лучше защищены от издевательств и эксплуатации. Старики получили пенсии. Появилось страхование на случай потери работы. И это лишь несколько примеров.

Скептики утверждали, что все это никогда не будет достигнуто. Тех, кто предлагал Закон о детях и Закон о государственном страховании, они называли мечтателями. Этим эпитетом наиболее добрые из вас награждали и меня. Но если мечтатели способны оградить шестилетних детей от фабричного труда, если мечтатели стремятся положить конец неграмотности и невежеству, тогда я горжусь, что меня называют мечтателем.

Сделав небольшую паузу, Джо произнес завершающие фразы своего выступления:

– Нынче мы находимся на переломном этапе британской истории. Двинемся ли мы дальше, выбрав новый, сияющий путь и тем самым обеспечив будущее для всех британских детей? Или повернем назад? Назад, к привычному положению дел. Назад, к поражению, обездоленности и отчаянию. Не мне указывать вам, как голосовать. Я могу лишь сказать: настало время отбросить своекорыстные интересы и политические амбиции. Пора позаботиться о тех, благодаря кому вы занимаете места в парламенте. Я призываю вас, джентльмены, подумать о ваших избирателях и обратиться к вашей совести.

После его выступления установилась полная тишина. Было настолько тихо, что он слышал тиканье часов палаты общин. Потом раздались аплодисменты. Послышались одобрительные возгласы. Депутаты-лейбористы поднялись со своих мест и аплодировали стоя. К ним присоединились и многие депутаты-либералы. Только на скамьях, занимаемых тори, было тихо. Аплодисменты не стихали целых две минуты, после чего спикер вновь призвал к порядку.

Началось голосование. Подсчет голосов «за» обеспечил законопроекту Джо рассмотрение во втором чтении. Однако поддержали его далеко не все. Чтобы стать законом, законопроект придется пройти еще долгий путь. Но он хотя бы преодолел первое чтение и не был разгромлен. На большее Джо сегодня не надеялся.

Вернувшись на свое обычное место возле передних скамей, он взглянул в сторону галереи. Роуз и Фиона торжествующе улыбались. Кейти, зажав в руке блокнот, помахала ему.

После короткого перерыва спикер объявил о выступлении почтенного Уинстона Черчилля, первого лорда Адмиралтейства и командующего Британским военно-морским флотом.

- О чем Уинстон будет говорить? – шепотом спросил кто-то за спиной Джо.
- О своих чертовых кораблях, – ответил Льюис Мид.

Едва Черчилль заговорил, стало ясно: его выступление касалось не просто кораблей, а дредноутов.

Первый британский дредноут был спущен на воду в 1906 году и представлял собой совершенно новое поколение военных кораблей, оснащенных крупнокалиберными орудиями и приводимых в действие паровыми турбинами. Этот дредноут знаменовал собой начало гонки вооружений с Германией.

После того как кайзеровская Германия построила два аналогичных корабля, в 1909 году парламент проголосовал за выделение средств на постройку четырех дредноутов, а также за изыскание денег, чтобы в следующем году заложить еще четыре.

Решение о постройке военных кораблей вызвало отчаянную схватку между либералами и консерваторами. Надеясь урезать аппетиты военных, либералы соглашались выделить средства только на четыре дредноута. Тори и слышать не желали об ограничениях. Джо хорошо помнил сцену в палате общин, когда обсуждалось число кораблей. Тори в полную мощь своих глоток выкрикивали: «Заявляем единогласно: строить все восемь! Ждать не согласны!» Так продолжалось, пока они не заглушили либерала Дэвида Ллойд-Джорджа, тогдашнего министра финансов, и не добились строительства восьми дредноутов. А теперь Уинстон требовал новых кораблей.

Черчилль выступал обстоятельно, приводя громадное число цифр и фактов. Тон выступления был, как всегда, раздражительным. Он говорил о нарастающей агрессивности Германии по отношению к соседним Франции и Бельгии и о возможности вооруженного конфликта. Если такой конфликт разразится, велика вероятность, что к Германии примкнет Турция.

– Что означал бы подобный альянс для нашей союзницы России? – спрашивал Черчилль. – Для балканских стран? И что важнее, для бесперебойного доступа Британии к ее персидским запасам нефти и индийским колониям? – Черчилль сделал паузу, расхаживая перед собравшимися и давая мрачному сценарию укорениться в голове каждого присутствующего, после чего тихо сказал: – Страна, обладающая лучшим военно-морским флотом, будет контролировать Дарданеллы. Не забывайте об этом, джентльмены. А страна, которая контролирует Дарданеллы, контролирует проход на Ближний Восток, к России и странам Центральной Азии. И сегодня я прошу вас поддержать выделение средств на постройку новых дредноутов. Тогда мы будем абсолютно уверены, что этой страной окажется Британия, а не Германия.

На сей раз скамьи консерваторов не безмолвствовали, как было после выступления Джо. Они горячо и шумно поддерживали Черчилля. Тори кричали, свистели и аплодировали. Джо ожидал, что они вот-вот запоют «Правь, Британия!». Спикер едва не расколол свой молоток, пытаясь их утихомирить.

– Итак... трущобные крысы или корабли? Что перетянет? – спросил у Джо Льюис Мид. – Я знаю, на что сделаю ставку.

– Я тоже, – ответил Джо. – Когда дойдет до второго чтения, предложение Уинстона пройдет, а мое зарубят. Уинстон сумел убедить всех, что немцы вот-вот начнут наступление на Букингемский дворец. У моих школ, Льюис, нет шансов продержаться против его кораблей.

Последовало голосование. Законопроект Черчилля тоже прошел в первом чтении. Затем спикер объявил перерыв на ланч, и депутаты стали подниматься с мест.

Разумеется, Джо не мог подняться со своей коляски, но, выехав из зала, он со всей наглядностью видел результаты вроде появившейся надписи на стене. До его ушей долетали обрывки разговоров. Холодный ветер, о котором он несколько дней назад читал в газетах, крепчал. Собиралась буря, готовая разразиться из Германии, охватить Европу, пересечь Ла-Манш и примчаться в Лондон.

К нему подошли несколько парламентариев – поздравить с произнесенной речью. Среди них был и бывший премьер-министр тори А. Дж. Бальфур.

– Ищете место, где перекусить, старина? – спросил он Джо. – Да? Признаюсь, вы произнесли блистательную речь. Ничего похожего на их наплевательское отношение. Они раздувают военную истерию. Как же, настало время поставить кайзеру синяк под глазом и все такое. Не успеешь оглянуться, как Уинстон заставит их всех маршировать по Трафальгарской площади с кастрюлями на головах.

Джо тихо кивнул. Шутки шутками, но оба знали, что Бальфур прав.

– Старина, не вешайте носа. Вам эта мрачность не к лицу, – подбодрил его тори. – В действительности это обычное бряцание оружием. Помяните мои слова: мы будем держаться в стороне от европейской драки. Вы не хуже меня знаете: военная мощь – лучший способ избежать войны.

– Только не в этот раз, Артур, – невесело рассмеялся Джо. – И не с этим безумцем в Берлине. Я убежден: наращивание военной мощи – лучший способ развязать войну.

Глава 13

– Питер, мама постоянно расспрашивает меня про вас. «Глэдис, как он выглядит?», «Глэдис, а чем он занимается?», «Глэдис, почему ты не пригласишь его домой, как подобает приличной девушке?». Я подумала... точнее, понадеялась... может, в следующее воскресенье вы заглянете к нам на чай?

Макс фон Брандт опустил глаза, затем снова посмотрел на безвкусно одетую девицу, сидящую напротив. Он намеренно помолчал; ровно столько, чтобы она испугалась, затем ответил:

– Я буду только рад, Глэдис. Очень рад.

– Вы согласны? – прошептала она, не веря своим ушам. – Вы и в самом деле согласны? Как здорово! Мама очень обрадуется. – Она застенчиво посмотрела на Макса, моргая карими глазами за толстыми стеклами очков, потом добавила: – И я тоже.

– Как насчет еще одного стаканчика шенди? – с улыбкой спросил Макс. – Надо же отпраздновать будущее знакомство с вашей мамой.

– Мне нельзя. Я уже выпила два, – кусая губу, ответила Глэдис.

– Котенок, вы абсолютно правы, вам нельзя, – согласился Макс. – Такой момент заслуживает напитка получше – шампанского.

– Ой, Питер! Шампанское! – воскликнула Глэдис. – Я очень люблю шампанское. Но это ведь так дорого. Оно ужасно дорогое.

– Чепуха! Нет такого, чего бы я не позволил для моей девочки, – сказал Макс, погладив ее по голове.

Он встал, подошел к стойке и заказал бутылку дешевого шампанского и два бокала. Ожидая, пока бармен принесет заказ, Макс смотрел на Глэдис через зеркало над стойкой. Она поправляла волосы. Ее щеки покраснелись. Она улыбалась. Его замысел удался слишком уж легко.

Они виделись в пятый раз. Дважды они встречались за выпивкой. Один раз гуляли в Гринвиче. Один раз ходили в мюзик-холл. Сегодня они снова встретились в баре, куда он ее привел в вечер их подстроенного знакомства.

На каждом свидании Макс вел себя безупречно, по-джентльменски. Он был предупредительным, вежливым, готовым за все платить. Он подавал Глэдис руку, помогая входить и выходить из автобуса, спрашивал о ее матери, рассказывал о своей работе, церкви и родителях, живущих в Брайтон-Хилл. Он не забывал на несколько дней исчезать, как и надлежит моряку, отправляющемуся на север, в Гулль, или на юг, в Брайтон.

– Ну вот и шампанское прибыло, – сказал Макс, возвращаясь к их столику.

Он наполнил бокалы и произнес тост, наклонившись к Глэдис. Ее глаза скользнули по его шее.

– Боже мой! Что с вами произошло? – спросила Глэдис.

– Пустяки, – отмахнулся Макс.

Зацепив пальцем воротник, Глэдис притянула Макса к себе.

– Какая ужасная царапина! – прошептала она.

Так оно и было. Царапина и в самом деле выглядела ужасно.

– Я переносил капитану сундук. Не заметил зазубренной кромки. Она и полоснула меня по шее, – пояснил Макс.

– Бедняжка. Давайте я вам помогу, – робко предложила Глэдис.

Она поцеловала кончик пальца, дотронулась до его шеи, после чего захихикала, прикрываясь рукой. Она всегда прикрывала рот, стесняясь крупных кривых зубов.

Макс взял ее за вторую руку и поцеловал:

– Мне стало намного лучше. Спасибо, дорогая Глэдис.

Глэдис отчаянно покраснела.

– Дерзкий мальчишка, – сказала она и снова захихикала. – Только не вздумайте строить далеко идущие планы.

Максу показалось, что его внутренности наполнились свинцом. Жутко было смотреть на это заурядное недоразумение женского пола в плотных чулках и так называемой практичной обуви, пытающееся быть веселым и кокетливым. Затея Макса вдруг показалась ему жестокой. Ему захотелось покончить с его хитроумным планом, посадить Глэдис в кеб и отправить домой. Но он совладал с собой. Бывали мгновения, когда он ненавидел то, чем занимался. В такие мгновения он и себя ненавидел. Однако возможностей отринуть долг у него было не больше, чем у его отца, сражавшегося в Мече в 1870 году. У каждого поколения фон Брандтов долг всегда стоял на первом месте, и Макс не был исключением.

Он застегнул воротник, поморщившись от болезненного надавливания ткани на рану, и сделал вид, будто внимательно слушает болтовню Глэдис. Он соврал ей о происхождении раны, как врал во всем, что касалось его жизни. Не было никакого сундука с зазубренной кромкой. Царапину на шее и еще несколько, на спине, ему оставила его любовница. Мод Селвин Джонс.

Пока Глэдис щебетала, рассказывая, какой обед она для него приготовит в воскресенье, Макс вспоминал любовные утехы с Мод.

Первый раз это было в Кедлстоне, у него в комнате. Они тогда опрокинули стол и разбили вазу.

Второй раз – в Уикершем-Холле, ее имении в Котсуолде. Он поимел ее в лесу. А может, все было наоборот. Они решили дать лошадям отдохнуть. Макс наклонился, чтобы поцеловать Мод, и уже в следующее мгновение они катались по земле. Мод ухитрилась не порвать шелковые чулки и удержать на голове шляпу. Дразнящая улыбка, едва заметная под черной вуалью, и пробудила в нем безумное желание. Тогда они явно напугали лошадей.

В третий раз это случилось, когда они возвращались из оперы к нему домой. Едва кучер отъехал от тротуара и кеб покатился в промозглую лондонскую темноту, Мод скинула туфли, затем медленно, дюйм за дюймом, стала приподнимать подол платья, дразня Макса. Так продолжалось, пока он не увидел, что под платьем у нее ничего нет. Страху на кучера они нагнали изрядно.

И наконец, их последняя ночь на квартире Мод. Когда он приехал, в ее спальне горело не менее сотни свечей. В серебряном ведре со льдом лежала бутылка шампанского. И устрицы, тоже во льду. В начале их любовной игры Мод водила по его телу куском льда. Другой кусок она прикладывала к его царапинам уже в конце. Одно это воспоминание вызвало у Макса жесточайшую эрекцию. Мод сочетала в себе все, что он жаждал найти в женщине: возбуждение, способность довести до изнеможения, красоту и необузданность. Она подарила Максиму то, чего он хотел сильнее всего, – возможность на несколько часов забыть о том, кем он являлся и чем вынужден заниматься.

– ...или «Бисквит королевы Виктории»? Питер, какой вы хотите? Питер!

Gott verdammt noch mal!⁵ Он находился за многие мили от Глэдис.

– Что, Глэдис? – спросил он, быстро погасив воспоминания о Мод.

Мысли о ней мешали сосредоточиться на Глэдис, а это никуда не годилось. Нынче вечером он должен еще продвинуться в осуществлении своего замысла.

– Я спрашивала, какой пудинг вам бы хотелось, – с беспокойством произнесла она. – К воскресному чаю. Вы что, меня не слушали?

– Нет. Совсем не слушал.

Глэдис сникла:

⁵ Боже, черт меня побери! (нем.)

– Простите. Должно быть, этим разговором про пудинги я нагнала на вас скуку. Какая же я глупая! Даже не знаю, и зачем я столько болтаю. Я просто...

Макс взял ее за руку:

– Знайте, Глэдис, я думал о том, как сильно мне хочется вас поцеловать. Я много думаю об этом. Гораздо больше, чем о пудингах.

Глэдис вновь зарделась, ошеломленная услышанным:

– Ой, Питер, я... даже не знаю, что и сказать.

– Скажите, Глэд, что вы меня поцелуете. Всего один раз.

Глэдис беспокойно огляделась, затем быстро чмокнула его в щеку. На Макса пахнуло мокрой шерстью, тальком и камфорой.

– Это намного вкуснее «Бисквита королевы Виктории», – сказал он. – А теперь позвольте мне ответный поцелуй.

Он наклонился и поцеловал ее в губы, немного задержав поцелуй. После этого Глэдис не смела на него взглянуть. Зато Макс смотрел на нее и видел вздымающуюся грудь и дрожащие руки. Хорошо. Он подлил ей шампанского, повторив это несколько раз. Через полчаса Глэдис Бигелу была пьяна.

– Ой, Питер, какое здесь вкусное шампанское! – воскликнула она. – Давайте выпьем еще.

– По-моему, котенок, вы выпили более чем достаточно. Пора отвезти вас домой.

– Я не хочу домой, – надула губы Глэдис.

– Вас мама ждет. Вставайте. Обопритесь на меня. Умница...

Макс поставил ее на ноги, помог надеть пальто и вывел из паба. Глэдис пошатывало. Пока шли к автобусной остановке, ему пришлось держать ее за руку. Через несколько шагов она споткнулась и, не подхвати ее Макс, растянулась бы на тротуаре, упав ничком.

Замысел Макса осуществлялся сам собой.

– Глэдис, дорогая, по-моему, вы перебрали шампанского. Вам нельзя появляться дома в таком виде. Нужно взбодрить вас кофе. Здесь поблизости есть места, где подают чай или кофе? – спросил Макс, с нарочитой внимательностью оглядывая улицу.

– Поцелуйте меня, Питер, – попросила Глэдис.

Язык у нее заплетался, и потому первое слово она произнесла как «цепелуйте».

Макс глубоко вдохнул:

– Я бы с радостью. Но каким хамом я буду после этого? Целовать девушку, злоупотребившую шампанским.

– Питер, никакой вы не хам, – с чувством возразила Глэдис. – Вы самый чудесный-расчудесный, удивительный мужчина, какие мне встречались.

– Глэдис, теперь я точно знаю, что вы пьяны, – улыбнулся Макс. – Послушайте, мы сделаем вот что. Я отведу вас к себе в комнату.

– Я... сомневаюсь, что это хорошая идея, – забеспокоилась Глэдис.

– Совсем ненадолго. Пока вы не протрезвеете. Заварю вам кофе покрепче.

– Не надо. Я прекрасно себя чувствую. Я вполне могу доехать домой. Честное слово.

Макс покачал головой:

– В таком состоянии я не отпущу вас одну. Так и под автобус недолго попасть. И проводить вас до дома тоже не смогу. Что ваша мама подумает обо мне? Она меня потом и на порог не пустит. Какой там воскресный чай!

От этих слов глаза Глэдис испуганно округлились.

– Ну хорошо, – беспокойно пробормотала она. – Я пойду с вами, но только чтобы выпить кофе. А потом сразу поеду домой.

– Разумеется. Всего на несколько минут. Затем я провожу вас на автобус.

Обняв Глэдис за талию, Макс повел ее по темным, вымощенным булыжником улицам в меблированные комнаты «Даффинс». Он помог ей подняться на крыльцо, отпер входную дверь

и сунул голову внутрь, убедившись, что коридоры пусты. Как он и ожидал, они были пусты, ибо миссис Маргарет Даффин терпеть не могла, когда постояльцы курят, сквернословят, плюют на пол и болтаются по коридорам. Введя Глэдис, он запер дверь и поднес палец к губам. Она понимающе закивала, захихикала и попыталась снова его поцеловать, затем оперлась на него, и они вместе стали подниматься по лестнице.

– Питер, у меня голова кружится, – призналась Глэдис, когда они оказались в его комнате. – Яневажно себя чувствую.

– Прилягте, – предложил Макс, подводя ее к кровати.

– Нет. Мне нельзя ложиться, – запротестовала Глэдис.

– Глэдис, не надо упрямяться. – Макс уложил ее на кровать. – Просто полежите с закрытыми глазами. Головокружение скоро пройдет. Обещаю.

Глэдис послушно закрыла глаза. Ее голова опустилась на подушку. Она тихо стонала. Макс расшнуровал и снял с нее башмаки, после чего уложил по-настоящему. Ничего удивительного, что ей стало плохо. Ведь она одна выпила почти всю бутылку этого пойла.

Макс шептал ей успокоительные слова, говоря, что кофе вот-вот будет готов. Он не врал. Кофе понадобится, когда она проснется. Потом он ей скажет, что после кофе ее потянуло в сон, и она уснула. Через несколько минут Макс окликнул ее. Глэдис сонно отозвалась. Он подождал еще немного и снова позвал. Ответа не было.

Макс быстро прошел к единственному шкафу, открыл дверцу и вытащил фотокамеру со штативом. Через считанные секунды штатив уже стоял на полу, с прикрученной камерой. Макс не понадобилось опускать жалюзи – он сделал это заблаговременно. Он снял абажур с газового бра, после чего зажег две керосиновые лампы и поставил их поближе к кровати. Посчитав освещенность достаточной, Макс передвинул аппарат к кровати и занялся Глэдис.

Усадив спящую Глэдис на кровати, он принялся ее раздевать. Занятие было не из легких: одежек на этой девице хватало. Вначале пришлось расстегнуть и стащить с нее толстый шерстяной жакет. Затем костюмный жакет и юбку. Потом блузку с высоким воротом и корсет. Он едва начал стаскивать расшнурованный корсет, когда глаза Глэдис вдруг открылись и она сонно запротестовала. На мгновение Макс показалось, что все пропало, но веки Глэдис опять сомкнулись, и она погрузилась в сон.

Макс облегченно вздохнул. Ему не хотелось одурманивать ее хлороформом. После этого люди отключались на несколько часов, а его подпирало время. Если Глэдис не вернется домой самое позднее в десять, обеспокоенная старуха-мать постучится к соседям и попросит сообщить в полицию.

Макс швырнул корсет на пол, после чего быстро расстегнул камисоль и снял вместе с панталонами. Глэдис вновь шевельнулась и что-то пробормотала, но не проснулась. Когда Макс снял с нее чулки, он взмок от пота, но не позволил себе даже минутной передышки. Вместо этого он отвел руки Глэдис за голову, пристроил за ухом искусственный цветок и повернул лицом к объективу. Макс отошел, оглядывая созданную сцену, после чего быстро развел ей ноги. Картина получалась отнюдь не из приятных, но таковой она и была задумана.

Макс вставил в аппарат фотопластинку, еще раз взглянул на обнаженную девушку на его кровати, настроил резкость и начал снимать.

Глава 14

– Черт побери, какой же это красавец! – восхищенно произнес Шейми.

Здрав голову, он стоял на причале и глазами, полными восторга, всматривался в каждый дюйм горделивого, изящного корабля. Перед ним покачивалась баркентина водоизмещением триста пятьдесят тонн. Ее фок-мачта была оснащена четырехугольным парусом, а две другие – косыми, как у шхуны. Плавные изгибы корпуса, носовая тяга, внушительная высота грот-мачты... от всего этого у него захватывало дух.

– Это, парень, не просто красавец, – сказал стоявший рядом с Шейми мужчина. – Перед тобой – самый прочный из всех существующих деревянных кораблей. – (Шейми скептически поднял бровь.) – «Фрам» близок по характеристикам, но этот крепче и надежнее.

Шейми хорошо знал каждый дюйм «Фрама». Вместе с Руалем Амундсеном он плавал на легендарном судне к Южному полюсу. Корабль Амундсена строился специально для плавания в паковых льдах. Судно имело дополнительный запас прочности и более закругленный корпус. Когда льды смыкались, оно оказывалось на их поверхности, а не застревало между льдинами, рискуя быть раздавленным. Конструкция была просто гениальной и доказала свою жизнеспособность, однако красотой там не пахло. По сравнению с этим кораблем «Фрам» напоминал корыто.

– Вряд ли этот красавец выдержит встречу с паковым льдом, – сказал Шейми.

– Ему и не надо. Он будет плавать там, где встречаются лишь одиночные паковые льдины.

– В самом деле? И как же называется это чудо?

– «Поларис», но я подумываю переименовать его в «Эндьюранс»⁶. В память о фамильном девизе: «Fortitudine vincimus» – «Стойкостью побеждаем».

– «Эндьюранс», – повторил Шейми. – Прекрасное название. Отлично подходит ко всему, что связано с вами, сэр.

Эрнест Шеклтон громко рассмеялся, его пронизательные глаза засияли.

– Поднимись на борт, парень, – предложил он. – Хочу услышать твои соображения. Не разучился еще ходить по корабельным палубам?

Говоря, Шеклтон одолел половину веревочной лестницы, свисавшей с борта корабля.

Шейми с улыбкой качал головой. Он понимал, куда клонит Шеклтон. Во время телефонного разговора тот говорил скупно. Впрочем, многое Шейми понимал и так.

– Как поживаешь, Шеймус? – раскатисто зазвучало в трубке.

Шейми мгновенно узнал этот голос, который привык слышать на протяжении двух с лишним лет своей первой антарктической экспедиции. Тогда они плыли на другом корабле Шеклтона – «Дискавери».

Не дав Шейми времени на ответ, Шеклтон сразу же перешел к цели своего звонка:

– Мне нужна твоя помощь. Есть у меня на примете один корабль. Норвежской постройки, нынче стоит в Портсмуте. Сможешь выбраться и взглянуть на него? Мне интересно услышать твою оценку. – Шеклтон сделал паузу, а когда заговорил снова, Шейми уловил ехидные интонации. – Конечно, если ты не слишком занят чаепитием с Клементсом Маркемом, похрустывая печеньем в стенах КГО.

– Вы слышали о предложенной мне работе? – спросил Шейми.

– Слышал. Полагаю, ты отклонил предложение.

– Пока нет.

– Это почему же?

⁶ В переводе с английского «endurance» означает «стойкость».

– Хорошая должность, хорошая работа на благо КГО. Место, которое очень значимо для меня и всех нас, – ответил Шейми. – Я могу согласиться. Почему бы и нет? Более интересных предложений мне не поступало, – многозначительно добавил он.

Они поговорили еще немного. Шейми согласился приехать в Портсмут, встретиться со своим старым капитаном и высказать искреннее суждение о корабле. Он был вполне уверен, что Шеклтон пригласит его войти в состав экспедиции.

Но согласится ли он сам? Несколько недель назад он бы согласился не раздумывая. Но это было до встречи с Дженни, до начала ухаживания за ней. До того, как они гуляли, взявшись за руки, и говорили о ее и его жизни. До того, как он крепко обнял ее и поцеловал в губы, чувствуя биение ее сердца рядом со своим. До того, как он задумался – впервые в жизни, – что рядом с ним может быть и другая женщина, а не только Уилла Олден.

Взглянув еще раз на корабль, Шейми быстро взобрался по веревочной лестнице и теперь стоял на палубе рядом с Шеклтоном.

– Толщина киля – семь футов. Толщина корпуса в разных местах от полутора до двух с половиной футов. Число переборок в два раза больше, чем на кораблях такого класса. Толщина носа в месте соприкосновения со льдом больше четырех футов, – говорил Шеклтон, упреждая вопросы Шейми.

Шейми восхищенно кивал, хотя и не слишком хотел показывать свое восхищение. Его бы больше устроило, если бы корабль имел недостатки: какой-нибудь жуткий изъян в проекте или в конструкции. Словом, что-то, дающее ему повод не отправиться в экспедицию, остаться в Лондоне и занять предложенную должность в КГО. Остаться с Дженни.

– А двигатель? – спросил Шейми.

– Паровой, на угле. Скорость более десяти узлов, – ответил Шеклтон.

Он продолжал рассказывать о многочисленных достоинствах корабля, рассчитанного на плавание в полярных условиях. Корабль был построен из дуба, норвежской ели и железного дерева. Экскурсия длилась больше часа. Шеклтон водил Шейми по палубе, затем они спустились вниз, где располагались капитанская каюта и каюты экипажа, моторный отсек, кухня. Потом осмотрели трюм и снова поднялись на палубу.

Шеклтон зажег сигарету, передал Шейми, а себе достал другую.

– Как понимаешь, парень, я позвал тебя сюда не ириски сосать.

– Я так и думал, сэр.

– Я собираюсь в новую экспедицию.

– Слышал об этом.

– Вы тогда нашли Южный полюс, но на этом исследование Антарктики не заканчивается. Я хочу совершить бросок через Антарктический континент. Две группы. Два корабля. «Эндьюранс» отправится к морю Уэдделла, высадит свою группу в заливе Фазеля, откуда они начнут путешествие через полюс, к морю Росса.

– А как же снаряжение и припасы? – перебил Шеклтону Шейми, сразу вспомнив, как много значили для успеха экспедиции Амундсена тщательное планирование необходимых запасов еды и питья, а также обеспеченность утепленными палатками и спальными мешками. – Группе, которая высадится на берегу моря Уэдделла, просто не хватит сил, чтобы тащить достаточные запасы всего необходимого через весь континент.

– Вот здесь в игру и вступит вторая группа, – улыбнулся Шеклтон. – Когда первая направится к морю Уэдделла, другой корабль доставит вторую группу к проливу Мак-Мердо в море Росса. Там они устроят базовый лагерь и совершат переход по берегу моря Росса, оставляя запасы продовольствия и топлива на ледяном шельфе Росса и леднике Бирдмора. Эти запасы помогут первой группе завершить переход. В какой-то момент обе группы встретятся, и первый трансантарктический бросок будет осуществлен.

Шейми задумался над планом Шеклтону.

– Это может удаться, – наконец сказал он.

– Может? Никаких «может». Мой план обязательно удастся! – прорычал Шеклон.

В голосе Эрнеста Шеклтона слышалось воодушевление. С таким же воодушевлением он когда-то читал лекцию в Королевском географическом обществе, покоровшую Шейми, после чего семнадцатилетний парень решил взять Шеклтона измором и стать участником экспедиции на «Дискавери».

– Когда у вас, сэр, появляется цель, у вас словно вырастают крылья, – сказал Шейми.

– Цель – это все, парень. Ты это знаешь не хуже меня. Потому я и зову тебя с собой. В тебе еще остался прежний запал? Или позволишь Клементсу превратить тебя в конторского служащего?

Шейми засмеялся, но затем, к своему ужасу, обнаружил, что ему нечем ответить.

Остался ли во мне прежний запал? – мысленно спросил себя он.

Он вспомнил плавание на «Дискавери» и поход к Южному полюсу. Вспомнил суровую, завораживающую красоту Антарктики: серо-стальные моря, ледяные просторы и безграничность ночного неба. Никакого сравнения с небом Лондона или Нью-Йорка, где искусственное освещение и туман вперемешку с дымом затеяют звезды. Небо над Антарктикой было таким ясным, таким невыразимо безмятежным, словно он впервые увидел небеса. Ночами ему часто казалось: протяни руку – и он коснется звезд, собирая их, как пригоршни бриллиантов.

Чаще всего Шейми вспоминались смертельно опасные переходы к полюсу. Первый раз, идя с Шеклтоном, они были вынуждены повернуть назад, когда до полюса оставалась какая-то сотня миль. Не сделай они этого, экспедиция погибла бы. Во второй раз, с Амундсенем, они достигли полюса. А сколько сил отнимала каждая экспедиция. После экспедиции прошло два года, но только сейчас он более или менее вернулся к нормальной жизни. Экспедиция, в которую звал его Шеклтон, отнимет еще два, а то и три. К моменту возвращения он станет заметно старше. А как же Дженни? Станет ли она его дожидаться? И хотелось ли ему, чтобы она ждала?

– Ну так как, парень? – напирал Шеклтон.

Шейми беспомощно пожал плечами:

– Можно мне подумать, сэр? Боюсь, сейчас я не знаю.

– Не знаешь? – недоверчиво переспросил Шеклтон. – Как это ты не знаешь? Черт тебя побери, парень, где твое сердце?!

Хороший вопрос, подумал Шейми. В самом деле, где? Оставил на Килиманджаро? Потерял в ледяных антарктических океанах? Или его сердце находилось в Лондоне, с Дженни Уилкотт?

Глядя вверх Шеклтону, на соседние корабли, покачивающиеся у причала, Шейми с болезненной грустью понял, что знает ответ. Признаться в этом не хотелось, поскольку всегда так мучительно желать то, чего ты никогда не получишь, но ответ он знал. Его сердце по-прежнему находилось там, где было всегда, храня верность необузданной, бесстрашной девчонке. Девчонке, которую он никогда не увидит снова. Как он хотел избавиться от этой привязанности.

– Дело в женщине, да? – вздохнув, спросил Шеклтон.

– Да, – коротко ответил Шейми.

– Так женись на ней, уложи в постель и плыви со мной.

Шейми засмеялся:

– Жаль, что не все так просто, сэр.

– Послушай, парень, сейчас только март, – уже мягче заговорил Шеклтон. – Я отплышу не раньше августа, если не позже. Не торопись. Все хорошенько обдумай. Я хочу, чтобы ты был в составе экспедиции. Сам знаешь. Но ты должен поступать так, как лучше для тебя.

– Да, сэр. Спасибо. Я подумаю, – сказал он Шеклтому.

Если бы я знал, что для меня лучше, мысленно добавил он.

Глава 15

Макс фон Брандт глубоко затянулся сигаретой и медленно выпустил дым. Облако дыма было сейчас как нельзя кстати, помогая маскировать зловоние.

Он сидел на единственном стуле комнаты, занимаемой им в «Даффинс». Напротив, на кровати, сидела Глэдис Бигелоу. Она вздрагивала от рыданий. Ее дважды вытошнило прямо на кровать и, судя по всему, вскоре вытошнит снова. Макс сорвал с кровати одеяло, простыни, прихватил подушку и снес вниз, бросив в мусорный бак. Однако запах блевотины все равно сохранялся.

Посередине комнаты на столе лежало то, что вызвало потоки слез Глэдис, – отвратительные, непристойные фотографии. Снимки запечатлели женщину на постели: нагую, с разведенными ногами. Лицо женщины было отчетливо видимым. Макс у этих фотографии были хорошо знакомы, ведь он сам их делал несколько дней назад.

– Смилюйтесь, – всхлипывала Глэдис. – Я не могу. Не могу это сделать. Пощадите.

Макс снова затянулся и сказал:

– У вас нет выбора. Если откажетесь, я отправлю снимки Джорджу Бёрджессу. Вы немедленно лишитесь работы, а при вашей подмоченной репутации новой вам будет не найти. А ведь эта работа – смысл вашей жизни, Глэдис. Вы сами мне это говорили, и не раз. Что еще у вас есть? Семья? Муж? Нет. И вероятно, не будет, если эти снимки станут достоянием обществу.

– Я покончу с собой, – сдавленно произнесла Глэдис. – Спрыгну с Тауэрского моста.

– А кто потом будет присматривать за вашей больной матерью? – спросил Макс. – Кто будет оплачивать счета за ее лечение? Покупать ей еду? Оплачивать жилье? Кто будет по воскресеньям вывозить ее коляску в парк? Эти прогулки так много значат для нее. Всю неделю она с нетерпением ждет воскресенья. Вашу мать заберут в приют для одиноких стариков. Думаете, там станут с ней возиться? Хорошо, если не забудут покормить.

Глэдис закрыла лицо руками. Из горла вырвался стон, полный душевной муки, чем-то похожий на стон раненого зверя. У нее снова начались рвотные судороги, однако исторгать было уже нечего.

Макс положил сигарету на край пепельницы и скрестил руки на груди. Его самого почти выворачивало от этой убогой комнаты в мебелишках, от запаха блевотины и отчаяния. Он ненадолго закрыл глаза и мысленно представил место, куда хотел перенестись: первозданное, свободное, куда еще не дотянулись человеческие руки.

Это было место сверкающей белизны, чистоты и холода. Называлось оно Эверест – крыша мира. Однажды, когда вся эта европейская мерзость закончится, он туда вернется и, быть может, разыщет Уиллу Олден, первозданную и прекрасную, как сама гора. Такая надежда помогала ему жить.

От воспоминания о далеких местах и той странной женщине ему захотелось встать и уйти. Покинуть жалкую комнату, в которой он сидел, и жалкую, зареванную девицу. Убраться из этого убогого Уайтчепела. Появляясь здесь, он каждый раз рисковал жизнью. Макс это знал. Он слышал, что парни из Кембриджа продолжают за ним охотиться, и его встреча с ними – лишь вопрос времени. Нет, пусть все идет так, как должно. Исчезнуть прежде, чем он выполнит порученное задание, означало бы подставить под удар жизни других людей. Миллионы жизней. И потому он оставался.

Макс выждал еще несколько минут, давая Глэдис время прийти в себя, затем спросил:

– Так вы сделаете это? Или мне послать снимки вашему начальнику?

– Сделаю, – глухо ответила она.

– Я знал, что здравый смысл в вас возобладает, – сказал Макс, раздавил окурок в пепельнице и подался вперед. – Мне нужны копии каждого письма, отправляемого из кабинета Джорджа Бёрджесса.

– Как? Как я смогу это сделать? – спросила Глэдис. – Он постоянно заходит в комнату, где я работаю. И другие служащие тоже.

– Воспользуйтесь копировальной бумагой. Вы же делаете копии отправляемых писем для его архива? – (Глэдис кивнула.) – Подкладывайте дополнительный лист копирки для каждого письма. В конце рабочего дня вся копировальная бумага собирается в специальную корзину и отправляется в мусоросжигательную печь. Это значительно увеличивает расходы на делопроизводство, но необходимо для целей безопасности. Во всяком случае, так вы мне говорили.

– Да.

– Постарайтесь, чтобы добавочные листы копирки не попадали в корзину.

– Как? – снова спросила Глэдис. – Я же говорила вам, что служащие...

– Предлагаю складывать каждый лист пополам и засовывать себе в чулки. Дождитесь, когда будете в комнате одна. Или сделайте вид, будто нагнулись за упавшим карандашом. Пошевелите мозгами, Глэдис. Перед уходом с работы вашу сумку проверяют, но вас не обыскивают, поскольку Бёрджесс полностью вам доверяет. Это я тоже узнал от вас. Мне также нужны заметки по документам, которые невозможно скопировать. Например, по входящей корреспонденции. По чертежам и картам. Я должен знать, какие это документы и их содержание. Предупреждаю: не вздумайте что-либо от меня утаить. Если о планах и приобретениях Адмиралтейства я узнаю из других источников, снимки немедленно отправятся к вашему начальнику. Это вам понятно?

– Да.

– Каждую среду мой агент будет встречаться с вами в автобусе, на котором вы возвращаетесь домой с работы. Он будет входить на Тауэр-Хилл и садиться рядом с вами, но не вплотную. Вам надлежит ехать на втором этаже, где всегда свободнее, особенно по вечерам. Агент будет в костюме, с докторским саквояжем в руке и номером «Таймс» за этот день. Такая же газета должна быть у вас. Внутри положите все собранные листы копировальной бумаги. В какой-то момент вы положите ваш экземпляр на сиденье. Агент подменит газету. Вы доедете до своей остановки и сойдете. Это все, что от вас требуется. Малейшая попытка меня обмануть – и вы знаете, что за этим последует.

Глэдис кивнула. Ее лицо посерело. Глаза были бесцветными и пустыми. Казалось, внутри у нее все мертво.

– Я могу идти? – спросила она.

– Да. Меня вы видите в последний раз... если не дадите мне повода усомниться. – Макс встал и вынул из кармана конверт. – Это вам от кайзера. В знак благодарности за ваши усилия. Здесь сто фунтов. Так вам будет легче оплачивать расходы на врачей для вашей матери.

Глэдис взяла конверт и порвала на мелкие кусочки. Когда последний из них упал на пол, она нетвердой походкой вышла, шумно захлопнув дверь. Макс слушал, как затихает стук ее ботинок по ступенькам, и его лицо искажалось гримасой невыносимой боли. Потом он опустился на колени, собрал все обрывки и бросил в камин.

Глава 16

– Тебе не холодно? – спросил у Дженни Шейми, толкая шестом их плоскодонную лодку вверх по реке Кам.

– Ничуть. Сегодня очень тепло. Погода скорее июньская, чем апрельская. Правда славный день? Особенно после нескончаемой промозглой зимы, – сказала Дженни, улыбаясь ему из-под соломенной шляпы.

Она была в голубом платье из фая. Шелковый пояс цвета слоновой кости перетягивал ее изящную талию. Щеки Дженни покраснелись, а глаза сверкали. Очаровательная, подумал Шейми, глядя на нее. Самое подходящее слово, точно отражающее ее суть.

В Кембридж они приехали вчера вечером, чтобы провести выходные в доме Эдди. Сама тетя Эдди и Альби Олден поехали вместе с ними. Эдди сразу же прониклась симпатией к Дженни. Пока ехали в поезде, она, с присущей ей непосредственностью, отпускала неуместные комментарии вроде: «Знаешь, старина, если упустишь это сокровище, потом волосы рвать на себе будешь». Или: «Поторопись надеть колечко на ее пальчик, пока она тебя не раскусила». Одно высказывание Эдди и сейчас звенело у Шейми в ушах. Оно было произнесено вполголоса, то есть ее слова слышала лишь половина вагона. «Прислушайся к моему совету и не будь с этой девочкой легкомысленным. Она не то что прежние твои потаскушки, жадные до джина и до денег».

Когда поезд подошел к Кембриджу, Шейми не знал, куда скрыться от стыда, однако в душе сознавал, что Эдди права. С Дженни они встречались почти два месяца, каждые выходные. Гуляли в Гайд-парке, ходили на спектакли, ели рыбу с чипсами в Блэкхите, пили чай в отеле «Кобург». Вне всякого сомнения, Дженни интересовали его намерения. Ее отца тоже. Шейми охотно бы рассказал, если бы сам знал.

– Меня беспокоят собирающиеся облака. – Он указал вперед. – По-моему, мы несколько поторопились с лодочной прогулкой. Безумная затея. Обычно люди садятся в плоскодонки не раньше середины лета.

– Безумные затеи нередко бывают самыми лучшими, – возразила Дженни. – Шейми, мне здесь очень нравится. Честное слово. Я люблю плавать по реке. В детстве папа постоянно катал нас с мамой по реке Чаруэлл. Мамин отец оставил ей домик в Бинси. Мы проводили там лето, частенько ездили в Оксфорд и на Чаруэллской лодочной станции брали плоскодонку. Теперь домик принадлежит мне. Достался от мамы. Правда, я редко там бываю.

– Как-нибудь обязательно мне его покажешь, – сказал Шейми, умело отводя лодку от затонувшего ствола дерева.

– Не знаю, понравится ли он тебе. Домик совсем маленький. Внутри полным-полно салфеток, чайных чашек и портретов королевской семьи. – (Шейми засмеялся.) – Как прошел твой разговор с сэром Клементсом? – спросила Дженни. – Ты мне ничего не рассказал.

С Клементсом Маркемом Шейми встречался вчера утром. Их разговор касался предлагаемой ему должности.

– Показал мне мой будущий кабинет, – сухо ответил Шейми.

– Тебе не понравилось? Что-то не устроило?

– Почему же? Очень уютный кабинет. Большой. Просторный. С письменным столом и креслом. Со шкафами для документов и коврами. Окно выходит в парк. А в приемной сидит секретарша, готовая в любое время принести мне чай с печеньем.

– Так это же просто здорово.

– Вот-вот. Просто здорово. В этом-то вся и загвоздка.

– Там нет айсбергов и пингвинов, – догадалась Дженни.

– Да, – печально ответил Шейми. – Там нет айсбергов и пингвинов.

И нет закатов, от красоты которых застываешь как вкопанный. Нет китов, резвящихся в нескольких ярдах от корабля и способных неожиданно устроить тебе холодный океанский дождь. Нет песен в кают-компании, когда коротаешь время за виски, а снаружи ветер треплет корабельный такелаж, и льдины со скрипом трутся о борт.

Череда этих мыслей пронеслась у Шейми в голове, но он не стал высказывать их вслух, зная, как больно ударят они по Дженни. Она хотела, чтобы он остался в Лондоне и согласился на должность, предлагаемую Королевским географическим обществом. Он знал об этом, хотя Дженни никогда не высказывала своего желания. Она не давила на Шейми, но это ощущалось и в ее прикосновениях, и в поцелуях. Косвенно это отражалось и в ее словах. Дженни говорила, что с удовольствием поехала бы с ним летом в Брайтон, Лейк-Дистрикт или еще куда-нибудь, и вдруг замолкала. Если он отправится с Шеклтоном в экспедицию, летом его здесь уже не будет.

Дженни отвернулась, сделав вид, будто ее заинтересовала пара уток, но тяжелый груз невысказанных слов ощущали оба. Шейми предстояло сделать выбор: согласиться на предлагаемую Маркемом должность и остаться в Лондоне или отправиться в новую антарктическую экспедицию с Шеклтоном. Это означало несколько лет разлуки. От его выбора зависело многое. Это знал и он, и Дженни.

– Видишь тот амбар? Правда отличное место для пикника? – спросил Шейми, указывая на ветхое каменное строение на краю поля. – Не ахти какой крепкий, но могу поклясться, что внутри сухо. Во всяком случае, суше, чем на голой земле.

– Симпатичное местечко, – отозвалась Дженни.

Шейми причалил к берегу, спрыгнул и вытащил нос плоскодонки, чтобы не унесло течением. Он помог Дженни сойти, затем вынес их корзинку для пикника и кусок парусины.

В воскресенье они собирались отправиться на ланч в какой-нибудь паб, но, когда шли по мосту на Сильвер-стрит, Шейми заметил павильон фирмы Скадамора, выдававшего напрокат плоскодонки – узкие юркие лодки, передвигавшиеся не на веслах, а с помощью длинных тонких шестов, которыми отталкивались от дна реки. Рабочие вынесли из павильона несколько лодок для ремонта. Шейми, на которого сочетание лодок и воды всегда действовало опьяняюще, спросил Дженни, не хочет ли она покататься на лодке. И Дженни немедленно согласилась, однако владелец павильона не горел желанием дать им лодку. Он стал отнекиваться, говоря, что лодочный сезон официально еще не открыт, да и воды в Каме прибавилось после обильных весенних дождей. Но потом тон владельца изменился. Он узнал Шейми и сказал: если мистер Финнеган смог достичь Южного полюса и вернуться, то справится и с паводком на Каме.

Шейми заглянул в паб «Якорь», где купил все необходимое для пикника, сложил еду в корзину и попросил у владельца павильона кусок парусины, чтобы не сидеть на мокрой земле. Он помог Дженни взойти на борт плоскодонки, и они поплыли по Кембриджу, мимо старинных колледжей. Через какое-то время город остался позади.

Дженни шла первой, держа путь к амбару. Шейми шел следом, неся корзину для пикника. Неожиданно Дженни остановилась и замерла, отчего Шейми едва на нее не налетел.

– Шейми! Чубушники! – воскликнула она. – Ты только посмотри!

Он послушно посмотрел. Справа, по берегу, росли кустики белых цветков, чьи крошечные лепестки покачивались на тонких зеленых стеблях.

– Какое чудесное зрелище! – Дженни подошла ближе и, стараясь не наступить на цветы, наклонилась над кустиком. – Зима была такой ужасной, – торопливо заговорила она. – Такой долгой и холодной. А у меня было предостаточно причин для беспокойства. Об отце, изнурявшем себя работой. О детях, которых учу. Особенно об одном мальчике, чей отец слишком часто воспитывает его ремнем. А еще я беспокоилась из-за подруги – милой девушки, связавшейся с дурной компанией. – Дженни повернулась к нему, в ее глазах блестели слезы. – Извини. Ты сочтешь меня дурочкой, но от вида чубушников меня всегда тянет плакать. Они

такие маленькие и хрупкие, но ведь тянутся к солнцу из холодной, неподатливой земли. Такие смелые. Они дают мне надежду.

Шейми смотрел на Дженни, на ее прекрасное лицо, повернутое к нему, на слезы в глазах и улыбающиеся губы. Славная женщина. Такая нежная и добрая. Вечно беспокоится о других, забывая о себе. Сердце Шейми, переполненное эмоциями, сжалось. Его нынешние чувства не совпадали с прежними – с неукротимым влечением, какое он испытывал к Уилле, но и это тоже была любовь. Чем еще это может быть?

Захваченный чувствами, Шейми поставил корзину на землю, опустился рядом с Дженни и поцеловал ее. Ее губы были сладкими и податливыми. Он был готов целовать их снова и снова, однако начался дождь. Темные тучи, замеченные еще на реке, теперь висели у них над головой. Еще немного – и этот дождь превратится в настоящий ливень.

– Надо спешить, – сказал Шейми, подхватывая с земли корзинку и парусину. – Придется бежать.

Они побежали по полю. Дженни придерживала норовившую слететь шляпу. Едва они достигли амбара, как хлынул дождь. Их пристанище было невелико. Из четырех стен уцелели только три, но сохранившаяся часть крыши давала укрытие от дождя.

– Бедняга-амбар. Столько лет стоит бесхозным и разрушается, – сказала Дженни, расстилая на земляном полу парусину. – Шейми, пододвинь ко мне корзинку. Я сейчас накрою наш импровизированный стол... Ой!

Шейми было не до ланча и не до корзинки. Обняв Дженни, он снова ее поцеловал. Ему хотелось вновь ощутить то, что он чувствовал несколько минут назад. Хотелось сохранить вспыхнувшие чувства и знать, что это любовь. Очень хотелось.

Дженни ответила на его поцелуй. Сначала робко, затем более страстно. Потом легла на парусину, увлекая Шейми за собой.

– Шейми, я хочу заняться с тобой любовью, – прошептала она.

Такого он никак не ожидал.

– Дженни, я...

– Ш-ш-ш, – прошептала она, снимая с него куртку. – Я тебя хочу.

Дженни расстегнула и сбросила блузку. Сквозь камисоль просматривались ее полные, круглые груди. Раньше, чем он успел подумать, Шейми расстегнул камисоль и принялся снимать с Дженни юбку. Дженни была прекрасна, и он ее хотел. Отчаянно хотел.

Расстелив поверх парусины куртку, Шейми уложил на нее Дженни и стал целовать. Его губы двигались по ее шее, грудям, ниже, к животу. Потом он увидел длинный зубчатый шрам, тянувшийся от грудной клетки, по животу, к бедру.

– Боже мой, Дженни... откуда это у тебя?

Он слышал, как она шумно вдохнула и выдохнула.

– Несчастный случай. Давно, в детстве. Меня сбила карета.

– Тебя поместили в больницу?

– На полгода. Самого происшествия я не помню. Мне тогда было девять. А вот выздоровление помню.

– Бедная моя девочка, – произнес Шейми, ведя пальцами по изгибам шрама.

– Не смотри на него. Пожалуйста. – Дженни остановила его руку. – Он такой уродливый. Шейми поцеловал ее руку:

– У тебя, Дженни Уилкотт, нет ничего уродливого. Ты красива везде. Боже, до чего ты красива!

Шейми потонул в сладостной мягкости ее тела, в глубине ее чудесных глаз. В ее запахе и вкусе. В звуке голоса, шепчущего его имя.

Все произошло слишком быстро. Шейми не рассчитывал, что так случится, но поделать ничего не смог.

– Прости, – с виноватой улыбкой произнес он. – Мне было не удержаться. Я заглажу свою вину. Клянусь! – пообещал он, слегка кусая ей мочку уха, отчего Дженни захихикала. – Это будет прекрасно. Просто фантастически. Настолько хорошо, что ты не устоишь. Еще пощадь запросишь.

Дженни смеялась. Шейми любил ее смех. Ему нравилось сознавать, что он дарит ей счастье. Он слегка укусил ее за плечо, отчего Дженни засмеялась еще громче. Потом поцеловал шею, ложбинку между грудями, бедро. Его рука оказалась у нее между ног. Шейми хотел поцеловать и там, но, взглянув, увидел кровь на бедрах.

Черт побери! Какой же он болван! Все испортил. Мысли Шейми спутались.

– Дженни, ты... Ты же не... – начал он.

– Девственница? – со смехом спросила она. – Уже нет.

Шейми захлестнуло волной раскаяния. Он столь сильно хотел Дженни, что даже не подумал, были ли у нее мужчины до него. Нельзя с ней так. Особенно с ней. Прежде он укладывал в постель только опытных женщин. Он мерзавец. Подлец. Хам. Она дочь священника. Честная, порядочная и все такое. Разумеется, она была девственницей. Как он мог оказаться таким безрассудным глупцом?

– Прости меня, Дженни. Я не знал. Иначе я бы этого не сделал. Честное слово, – бормотал он, ожидая слез и упреков.

Но Дженни удивила его, как тогда, в Холлоуэе.

– Простить? За что? Я на тебя совсем не сержусь, – со смехом ответила она. – Знай, Шеймус Финнеган, я хотела тебя с того самого дня, когда увидела впервые.

Она поцеловала Шейми и крепко прижалась к нему, отчего в нем снова вспыхнуло желание.

На этот раз он не торопился, сдерживаясь, пока не услышал ее участившееся дыхание и не почувствовал, как ее ноги обвились вокруг его ног. Его оргазм был стремительным и быстрым, с ее именем на устах. Шейми был заморожен ее красотой. Ее миловидным лицом. Ее телом – мягким, роскошным и невероятно красивым. Она напоминала шедевры старых мастеров. Безупречная Галатея, в которую вдохнули жизнь. Он наслаждался формой ее груди, такой приятно тяжелой в его ладони. Ее узкой талией. Щедрыми изгибами ляжек. Неизъяснимой мягкостью бедер и тем, что находилось между ними.

Уилла выглядела совсем не так. И вызывала совсем не такие ощущения. Мускулистая, тощая, ни намек на роскошное тело. У него с Уиллой не было близости, но они обнимались и целовались. Незадолго до проклятого спуска. Он помнил ее жесткие бедра, упирившиеся в его. Помнил сильное, равномерное биение ее бесстрашного сердца. А после падения он, как мог, вправлял ее безнадежно сломанную ногу. Нес на себе, искалеченную, мило за милей. По африканским джунглям и вельду, чувствуя своей щекой ее воспаленную щеку. Он заставлял ее есть и пить. Удерживал, когда ее тошнило. Очищал ее раны от крови и гноя. Шейми хорошо знал тело Уиллы. Гораздо лучше, чем тело Дженни. Знал душу Уиллы, ее дух и сердце.

Снова Уилла, подумал Шейми и вдруг ощутил тяжесть на сердце. Уилла всегда присутствовала в его жизни. Даже сейчас, когда он, голый, лежал рядом с Дженни. Неужели он никогда не освободится от Уиллы? От воспоминаний? От мучений. Ну почему он не может выбросить ее из головы, вырвать из сердца?

Бог свидетель, он вырвет Уиллу из себя. Он сделает это. Избавит себя от нее. Разорвет ее чары. Прекратит мучения, ощущаемые всякий раз, когда думал о ней. Здесь и сейчас. Навсегда.

– Я люблю тебя, Дженни, – сказал он, приподнявшись на локте.

– Что? – приоткрыв глаза, переспросила задремавшая Дженни.

– Я люблю тебя, – повторил он, надеясь, что она не услышит отчаяние в его голосе. – Очень люблю.

«Я очень ее люблю, – твердил он себе. – Очень. Потому что она красивая и удивительная. Надо быть безумцем, чтобы ее не любить».

Дженни моргала, глядя на него. Казалось, она хотела что-то сказать, но не могла вытащить из себя слова. Шейми сник. Он сказал более чем достаточно. А может, сказал мало. Скорее всего, так. Вслед за его безумным признанием должно было бы последовать предложение. Ведь он дважды занимался с ней любовью. Он лишил ее невинности. Сейчас ему надлежало встать на одно колено и попросить Дженни выйти за него. Но Шейми не мог, ибо, задавая этот вопрос, он видел не светло-карие глаза Дженни, а зеленые глаза Уиллы. Сейчас. И всегда.

– Дженни, я просто дурак, – торопливо заговорил он. – Тебе не надо отвечать. Я понимаю. Наверное, мне вообще лучше было бы помолчать.

– Ты не дурак, Шейми, – возразила Дженни. – Совсем не дурак. Я... я... – Она глубоко вдохнула и сказала: – Я тоже тебя люблю. До безумия.

По ее щеке скатилась слеза. Потом вторая.

Шейми смахнул ее слезы:

– Не плачь. Пожалуйста, не плачь. Дженни, я сам не знаю, что делаю. Я не знаю, где окажусь через несколько месяцев: на корабле, плывущем в Антарктику, или за столом в одном из кабинетов Королевского географического общества. Я не знаю, как...

Шейми хотелось быть с ней честным. Сказать ей: «Я не знаю, как мне теперь быть: то ли отправиться в Антарктику, то ли остаться в Лондоне». А еще ему хотелось... пусть Дженни сделает так, чтобы он полюбил ее еще сильнее и навсегда забыл Уиллу Олден. Однако Шейми не знал, как высказать все это и не задеть ее достоинства. Он заикался и запинаясь, пока Дженни не оборвала поток его неуклюжих словоизлияний.

– Тише, – сказал она, поднося палец к его губам. – Все в порядке, Шейми.

– Прошу тебя, не грусти, – попросил он. – Мне невыносимо видеть тебя печальной.

Дженни покачала головой и поцеловала его:

– Я не грущу. Совсем не грущу. Я счастлива. Невероятно счастлива. У меня есть твоя любовь. Это все, чего я хочу. Это больше, чем я надеялась получить.

Шейми задумался над ее словами. Как Дженни, красивая, умная, добродетельная, могла хотя бы на мгновение допустить, будто любовь мужчины превышает то, что она надеялась получить? У Дженни Уилкотт могла быть тысяча мужчин, и каждый из них, удостоившись ее внимания, считал бы себя невероятным счастливецом. Ну почему, черт побери, он не любит ее так, как любит Уиллу?! Почему он не может оставить Уиллу в прошлом – женщину, разбившую ему сердце? Сколько он потом собирал осколки? Что с ним происходит?

Эти вопросы не давали Шейми покоя. Они терзали его. Ему хотелось встать, одеться и пойти по залитым дождем полям. Идти и идти, пока злость не покинет его, пока не исчезнет отчаяние. Пока в мозгу не появятся ответы.

Но Дженни не позволила ему уйти. Нежно поцеловав Шейми, она притянула его к себе.

– Все в порядке, – снова сказала она.

И пока он лежал в ее объятиях, так оно и было... на несколько блаженных часов.

Глава 17

– А-а! Вот и она – моя зеленоглазая еретичка!

Уилла Олден улыбнулась. Она встала и поклонилась человеку, вошедшему в единственное питейное заведение Ронгбука, которое предприимчивый местный житель открыл в углу сарая для яков.

– Намасте, ринпоче, – произнесла она, тепло поздоровавшись с ним.

Традиция требовала первой здороваться со старшими. Тем более с ламой. Уилла обращалась к нему не по имени, а по титулу. В переводе с тибетского «ринпоче» означало «драгоценный».

– Намасте, Уилла Олден, – ответил лама. – Мне сразу нужно было искать тебя у Джингпы. Кстати, не я ли столько раз тебе твердил, что спиртные напитки туманят путь к просветлению?

Он отчитывал Уиллу, но глаза оставались добрыми.

Уилла подняла бамбуковую чашку с чангом, похожим на эль напитком из ячменя:

– Ах, ринпоче, я ужасно ошиблась! Я-то думала, что чанг Джингпы как раз и ведет к просветлению.

Лама засмеялся, вытащил низкую деревянную табуретку и присел за столик Уиллы, сооруженный из широкой доски, положенной на два ящика из-под чая, возле очага. Лама снял шапку из овчины, рукавицы и расстегнул тулуп. Вечер был пронизывающе холодным. Снаружи завывал ветер, но в каменном сарае Джингпы было тепло, чему способствовали огонь очага и дыхание яков.

– Ринпоче, не желаете ли глотнуть чего-нибудь горяченького? – спросила Уилла. – Вечер холодный, а тело желает тепла.

– У моего тела, Уилла Олден, мало желаний. Я справился со своими желаниями, ибо желание – враг просветления.

Уилла спрятала улыбку. Она и этот жилистый старик не впервые играли в подобную игру. Лама был духовным предводителем деревни, настоятелем буддистского монастыря в Ронгбуке. Ему не подобало развлекаться в питейном заведении на глазах у жителей. Завтра Джингпа, у которого язык без костей, расскажет всей деревне о приходе ламы. Если он и останется выпить, то лишь уступая просьбе Уиллы. И никак по-иному.

– Пожалейте меня, ринпоче. Я не настолько удачлива, как вы. Просветление ускользает от меня. Мною управляют желания. Даже сейчас, ибо я очень желаю побыть рядом с таким досточтимым человеком, как вы. Неужели вы откажете бедной еретичке и не позволите ей насладиться вашим светом и знанием?

Лама шмыгнул носом.

– Раз уж ты просишь, я выпью чашечку чая, – сказал он.

– Джингпа! Будь добр, чашку часуймы! – крикнула Уилла.

Джингпа кивнул и немедленно принялся смешивать все, что входило в состав этого укрепляющего напитка: горячий черный чай, соль, молоко яка и масло. Закончив, он налил дымящуюся смесь в бамбуковую чашку и подал ламе. Лама подержал ее в руках, согревая их, затем сделал глоток и улыбнулся. Джингпа поклонился.

– Что привело вас сюда, ринпоче? – спросила Уилла.

– К нам через перевал пожаловали непальские торговцы. Держат путь в Лхасу. Остановились в деревне на ночлег. И с ними – человек из западного мира. Он спрашивал про тебя, – сообщил лама.

От этих слов сердце Уиллы подпрыгнуло. Всего на мгновение – на безумное, невероятное мгновение – она позволила себе поверить, что это Шейми Финнеган неведомым образом оказался здесь и хочет ее видеть. Но уже в следующее мгновение она мысленно отругала себя

за глупость. Шейми не желал иметь с ней ничего общего. Да и может ли быть иначе? Это ведь она бросила его, написав, чтобы учился жить без нее.

– Зовут этого человека Вильер. По-видимому, француз, – продолжал лама. – Еретик, как и ты. Вздумал забраться туда, куда забираться нельзя, – на нашу святую гору-матушку. Хочет нанять тебя проводницей. Сказать ему, где тебя искать? Но тогда я подвергну опасности твою душу. Или сказать, что таких у нас, в Ронгбуке, нет, и тем самым подвести тебя ближе к Будде?

– Благодарю вас за заботу, ринпоче. Хотя моя душа и жаждет просветления, тело мое жаждет цампу, часуйму и тепло очага по ночам. Чтобы все это купить, мне нужны деньги, которые я и получу, сопровождая француза. Так что я встречу с ним сейчас, а с Буддой – попозже, но скоро.

– Скоро. Всегда скоро. Никогда сейчас, – вздохнул лама. – Что ж, Уилла Олден, будь по-твоему.

Лама быстро допил чай и приготовился вернуться в монастырь.

– Ринпоче, вы передадите ему, чтобы дожидался у меня в хижине? – попросила Уилла, пока лама надевал рукавицы.

Лама пообещал передать. Уилла поблагодарила его, затем попросила Джингпу наполнить глиняную чашу горячим чангом и накрыть тарелкой. После перевала горячее французам не помешает. Она оделась, расплатилась с Джингпой и взяла у него чашу. Уилла шла по деревне, крепко прижимая к себе чашу, не давая чангу остыть и одновременно греясь его теплом.

Проходя мимо монастыря, она учуяла густой дымный запах благовоний, пробивавшийся из-под двери и через трещины в ставнях. Сквозь дьявольские завывания ветра до нее долетало пение монахов. Их сильные голоса проникали за монастырские стены. Уилла любила эти звучные песнопения, находившие живейший отклик в ее душе. Они были старше времени и казались голосом горы.

Уилла ненадолго остановилась послушать пение. Она часто бывала в храме и знала: сейчас монахи сидят по обе стороны от статуи Будды, закрыв глаза и повернув руки ладонями вверх. Будда взирает на них, и его лицо лучится добротой, принятием и безмятежностью.

Ей вспомнились слова ламы и его настойчивое стремление приблизить ее к Будде. Ринпоче хотел, чтобы она пошла путем буддизма, оторвалась от желаний, преодолела их.

Уилла сознавала: лама желает ей только добра, но его призывы... С таким же успехом он мог бы призвать ее преодолеть потребность в дыхании. Уилла не могла пойти на такую жертву. Желание, побудительный мотив – только они и заставляли ее шевелиться. Они поднимали ее по утрам и выгоняли на мороз. Заставляли продолжать работу, продолжать делать снимки и пытаться найти маршрут для восхождения на гору, хотя увечная нога вычеркнула ее из списков альпинистов. Стремление достичь вершины Эвереста поддерживало ее год за годом, невзирая на одиночество и налетавшую порой тоску по семье. Эверест был ее главным желанием. Уилла исследовала эту потрясающую гору, насколько позволяло ее собственное состояние, и отказаться от исследований было просто невыносимо. Победить в себе желания и стремления означало умереть.

Лама называл ее и всех, кто появлялся в Ронгбуке, стремясь покорить Эверест, еретиками. Гора священна и не должна оскверняться человеческим присутствием. Так считал лама. Но он был добрым человеком и пытался обратить в буддизм Уиллу и всех приезжавших сюда европейцев. Лама позволял им остаться в деревне, заботился, чтобы их накормили и разместили на ночлег, и молился об их принятии буддистского пути.

Уилла пошла дальше, уверенная, что лама истрепал нити множества четок, молясь за нее, и столько же истреплет еще. Она приближалась к своей хижине, не очень-то радуясь встрече с ожидавшим там французом. Уилла сказала ламе правду: она нуждалась в деньгах для покупки еды, чая и прочих припасов. Деньги были нужны ей и на опиум. Увечная нога постоянно напо-

минала о себе. Запасы опиума кончались. Уилла рассчитывала пополнить их у странствующих торговцев, остановившихся в Ронгбуке. Конечно, если у них есть опиум.

В деньгах Уилла нуждалась всегда, но сейчас уединение было для нее важнее путешественников и их денег. Она делала последние фотографии, составляла последние карты разработанного ею маршрута восхождения на Эверест. Маршрут необходимо сохранить в тайне. Ей не хотелось, чтобы кто-то, особенно этот Вильер, вернулся в Европу, выдав ее изыскания за свои.

Оставалось надеяться, что он не доставит ей особых хлопот. Скорее всего, он неделями бродил по склонам и теперь нуждался в отдыхе и восстановлении сил. Это даст ей время на запланированное восхождение, позволит закончить наблюдения и перенести их на бумагу. Затем она отошлет результаты в Королевское географическое общество, Клементсу Маркему. Бандероль придется вручить заботам первого торгового каравана, идущего в Индию, и британской почте в Дарджилинге.

Приближаясь к своей маленькой, однокомнатной хижине на восточном краю деревни, Уилла заметила француза. Он стоял у двери и грелся, как мог, топая ногами и хлопая в ладоши. Подойдя еще ближе, она увидела, что мужчина изможден и дрожит от холода. Его губы распухли и посинели. На носу и подбородке белели обмороженные участки.

– Мисс Олден? – крикнул он, завидев ее.

– А вы, стало быть, мистер Вильер? – спросила она.

– Да. М-М-Морис Вильер. Из Франции. Я... я альпинист. Мисс Олден, я с-с-слышал, что вы х-х-хорошо знаете северный склон Эвереста. Мне т-т-требуется проводник, и я р-р-рассчитываю на ваше согласие.

Уилла засмеялась. Француз дрожал так сильно, что едва мог говорить.

– Закройте рот и входите, пока не свалились замертво, – сказала она.

Она распахнула дверь и втокнула француза внутрь. С какого-то времени она стала смотреть на европейцев глазами тибетцев. Этот альпинист продрог и обморозился, но все равно настаивал на формальностях и церемонии.

– Садитесь. Туда. – Она кивком указала на стул возле очага.

Сняв тяжелый рюкзак, француз послушно сел. Уилла раздула тлеющие угли и затопила очаг, потом зажгла лампу. Когда стало светло, она стащила с гостя шапку и внимательно осмотрела его уши, щеки и подбородок, затем сняла с него рукавицы и стала разглядывать его распухшие, посиневшие руки.

– Выглядят страшнее, чем есть на самом деле. Могу успокоить: пальцев вы не лишитесь.

Глиняная чаша еще хранила тепло чанга, приготовленного Джингпой. Отлив часть напитка в другую чашу, Уилла протянула ее Вильеру. Тот с благодарностью взял, залпом выпил и попросил еще.

– Обождите. Сначала посмотрим ваши ступни, – сказала Уилла.

Огонь растопил лед на его шнурках. Уилла сама расшнуровала и сняла с него ботинки. Француз не возражал. Снять носки оказалось труднее: они примерзли к распухшим, почерневшим пальцам ног. После того как носки оттаяли, Уилла осторожно сняла и их.

– Насколько они обморожены? – спросил Вильер, не глядя на ноги.

– Пока не знаю. Надо обождать, тогда пойму.

– Я лишусь пальцев?

– Одного или двух.

Француз выругался и пришел в ярость. Уилла дождалась, когда он уgomонится, после чего протянула ему миску цампы. Даже после еды у него не прекратилась дрожь, что всерьез насторожило Уиллу. Она быстро сняла с француза куртку и принялась раздевать дальше. Нижнее белье насквозь промокло. Кальсоны пришлось разрезать ножницами, чтобы стянуть с обмороженных ног. Вильер не хотел раздеваться, но Уилла заставила.

– Ваше белье можно выжимать, – сказала она. – Вы замочите мне всю постель. Вот, наденьте это. Я не буду смотреть.

Уилла подала ему блузу и широкие шаровары. Потом отвернулась. Когда Вильер оделся, Уилла завернула его в шерстяной халат и помогла доковылять до кровати, застланной овечьими шкурами и мехами.

– Забирайтесь и поворачивайтесь на бок, – велела Уилла.

Француз повиновался. Уилла легла рядом, прижалась к нему и обняла.

Он вдруг повернулся, наградил ее неистовым поцелуем и схватил за грудь. Уилла оттолкнула его руку, шлепнув по ладони.

– Еще один такой выверт, отхожу кочергой, – пригрозила она.

– Но... но вы прижимались ко мне... обнимали, – промямлил посиневшими губами Морис.

– Дурень, у вас сильное переохлаждение! Я пытаюсь спасти вашу жизнь. Поворачивайтесь на бок, если не хотите, чтобы вас похоронили в Ронгбуке.

Француз не сопротивлялся. Уилла вновь обняла его и крепко прижала, передавая свое тепло. Под толстыми шкурами было даже жарко. Где-то через час ее гость перестал дрожать и вскоре уснул. Услышав, что его дыхание выровнялось и стало глубоким, чувствуя, как ритмично поднимается и опускается его грудь, Уилла вылезла из постели и подбросила топлива в огонь. Она надеялась, что француз проспит до утра. Сон был ему необходим. Она знала: рано или поздно у него заломит обмороженные ступни, и он проснется. Когда это произойдет, она поделится с ним опиумом.

Уилла и сама устала. Она быстро прибрала комнату: развесила мокрое белье француза, расшнуровала ботинки и вывернула их, чтобы как следует просохли. Она уже собиралась потушить лампу и снова лечь, когда Морис Вильер заверочался.

– Письма, – сонным голосом произнес он. – Совсем забыл про них...

– Спице, мистер Вильер, – сказала Уилла, даже не взглянув на него.

Она была уверена, что он говорит во сне.

– ...письма... у меня в рюкзаке.

– Какие письма? – спросила Уилла, поворачиваясь к нему.

– Для вас. У меня в рюкзаке, – ответил он, сонно моргая. – Мне их отдали на почте в Дарджилинге. Я им сказал, что собираюсь сюда.

Он повернулся на бок и уснул.

Уилла подошла к его рюкзаку, расстегнула пряжку и стала рыться внутри. На самом дне она нашла толстую пачку писем, перевязанную бечевкой. На самом верхнем была английская марка. Уилла извлекла пачку, развязала бечевку и быстро просмотрела конверты. Адрес на большинстве из них был написан рукой матери. На некоторых – рукой брата. Писем было слишком много. Слишком. Регулярное почтовое сообщение заканчивалось в Дарджилинге. Дальше письма доставлялись от случая к случаю, с торговыми караванами и путешественниками. Естественно, что они накапливались. И все равно писем было слишком много. Уилла смотрела на них, и ее вдруг охватил страх. Она поняла: что-то случилось, и новость, содержащаяся в этих письмах, была не из приятных.

Уилла взяла верхнее письмо, дрожащими руками вскрыла конверт и начала читать.

Глава 18

– Мод! – услышала она голос премьер-министра.

– Что?

– Ваша очередь.

– Дорогой, очередь куда?

– Ваша очередь играть! Боже мой, Мод, где вы? – недовольным тоном спросил Асквит.

– Здесь, Генри. У вас перед глазами. – Мод взглянула на свои карты и, не вникая в их расклад, сказала: – Пропускаю ставку.

Очередь перешла к Марго, жене Асквита, которая сделала умопомрачительно большую ставку, затем к Максусу.

Мод подумала о том, что Асквит задал не совсем правильный вопрос. Нужно было спросить не «Где вы?», а «Где вы были?». Мысленно Мод и сейчас находилась в номере Макса в «Кобурге». Она лежала в его постели, совершенно голая. Он шелковым галстуком завязал ей глаза, а руки привязал к изголовью кровати.

– Мы опоздаем на поезд, – напомнила она.

– Меня это не волнует, – отмахнулся он.

– Макс, он же как-никак премьер-министр.

– Ну и что?

Макс поцеловал ее в губы, затем медленно и нежно двинулся дальше, слегка покусывая ей мочку уха, грудь и бедро. Потом раздвинул ее ноги и поцеловал между ними.

– Давай, Макс, – неистово прошептала Мод. – Давай.

– Нет, – ответил он, целуя ей коленку и кусая за лодыжку. – Еще рано.

Мод стонала и извивалась под ним, жалея, что у нее связаны руки, а то она обхватила бы Макса покрепче и заставила бы поскорее войти в нее.

– Придурок, – прошипела она.

Но Макс лишь смеялся и покусывал ей пальцы ног. Потом живот. Потом плечо.

Он продолжал в той же манере, дразня ее своими губами и языком, пока она едва не обезумела от желания. Тогда Макс неожиданно вошел в нее, и наступивший оргазм Мод был настолько сильным, жарким и буйным, что она даже испугалась. Она вскрикнула. Нет, просто завопила. Удивительно, как еще администратор не постучался в дверь номера. Или хуже того, полиция. Ни один мужчина не доставлял ей столько наслаждения. Мод приобрела зависимость от Макса фон Брандта. Ее тело жаждало его, как наркотика. Все ее мысли были только о нем.

Потом они выпили шампанского, снова порезвились в постели и, конечно же, опоздали на тот чертов поезд. В Саттон-Куртенэ в Оксфордшире, где находилось загородное имение Асквитов, они поехали на автомобиле Макса. Премьер-министр пригласил их обоих на выходные. Макс вел машину, как демон, и они опоздали всего на полчаса.

Мод давно была знакома с Асквитом. Она дружила с его женой Марго и его взрослой дочерью Вайолет. Мать Вайолет умерла, когда она и братья были еще детьми. Впоследствии Асквит женился на Марго, одной из хорошеньких, жизнерадостных сестер Теннант.

Приехав, Мод и Макс выпили чая с Марго, Вайолет и другими гостями Асквитов, после чего приняли ванну и переоделись к обеду. После обеда Асквит предложил сыграть в бридж. Мод и Макс играли против премьер-министра и его жены. Остальные гости расположились за соседними столами. Мод играла хорошо и азартно. Обычно игра ее захватывала. Однако сегодня ее продолжали будоражить воспоминания о постельных играх с Максусом, и она едва держала карты в руках.

– Мод, опять ваша очередь, – с оттенком раздражения произнес Асквит. – Что вас отвлекает? Насколько помню, вы всегда вцепляетесь противнику в глотку.

– Миллисент Фосетт, – ответила Мод.

Меньше всего она сейчас думала о Миллисент и других суфражистках, но ничего иного на ум ей не пришло. Не могла же она сказать премьер-министру, о чем думает на самом деле.

– Миллисент разглагольствует о вхождении в лейбористскую партию. Оказывает им всяческую поддержку, помогает их кандидатам вести избирательную кампанию. Она считает, что лейбористская партия с большей симпатией относится к борьбе женщин за избирательные права, – сказала Мод. – Генри, я бы посоветовала вам не игнорировать эту особу. Возможно, она и не добьется для нас права голосовать, но влияния от нее не отнимешь.

– Старушка, вы пытаетесь сбить меня с толку? Если да, то это очень нечестно с вашей стороны, и со мной такой номер не пройдет.

– На войне и в бридже все средства хороши, – заявила Мод. – А если серьезно, я вам настоятельно советую правильно оценивать Миллисент. Она совсем не такая, какой кажется. С виду учтивая и сдержанная, но она полна решимости, упряма и неукротима.

Асквит поднял глаза от карт:

– Я бы сказал, что никто и ничто не являются такими, какими кажутся. – Произнося эти слова, премьер-министр смотрел вовсе не на Мод, а на ее партнера, и выражение его лица сделалось весьма хмурым. – Вы согласны, мистер фон Брандт? – обратился он к Макс.

– Пожалуй, да, – ответил Макс, спокойно выдерживая стальной взгляд Асквита.

На миг Мод охватило необъяснимое, тревожное ощущение, что мужчины говорят вовсе не о бридже, а о чем-то совершенно другом. Затем Марго начала задавать вопросы. Они так и сыпались из жены премьер-министра. И странное чувство исчезло.

– Мистер фон Брандт, Мод рассказывала мне, что вы побывали на Эвересте, – говорила Марго.

– Да. Большую часть прошлого года я провел в Непале и на Тибете.

Марго собралась задать новый вопрос, но в этот момент дверь гостиной открылась. Вошел секретарь Асквита:

– Прошу прощения, сэр.

– Ну что там еще?

– Телефонный звонок, сэр. Из Кембриджа.

Асквит помолчал.

– Говорите, из Кембриджа? – переспросил он, поворачиваясь к секретарю.

– Да, сэр.

Премьер-министр кивнул. Он снова повернулся к столу, посмотрел на Макса, и Мод заметила, что взгляд его глаз стал еще жестче.

– Полагаю, мистер фон Брандт, сейчас ваша очередь. Интересно... как вы поведете игру на этот раз? Возможно, сделаете смелый ход?

Макс покачал головой и напряженно улыбнулся:

– Когда вокруг столько опытных игроков, я должен быть осторожным. Думаю, сейчас я не стану рисковать.

Асквит кивнул и встал.

– Сэр, вы примете звонок у себя в кабинете? – спросил секретарь.

– Мне придется это сделать, чтобы избавить остальных от моей болтовни. – Асквит положил свои карты лицевой стороной вниз. – Жаль, что этот чертов кабинет так далеко, но обещаю не задерживаться. – Он встал и погрозил Мод пальцем. – Старушка, не вздумайте заглядывать в мои карты. Марго, проследи, чтобы она не сунула туда нос.

Мод показалось, будто Асквит вдруг вспомнил, что у него гости и он должен проявлять к ним учтивость. Настроение министра показалось ей странным и трудно постижимым, но эти странности она приписала выполняемым им государственными обязанностям, среди которых была и необходимость в любое время принимать неприятные телефонные звонки.

– А что, кабинет находится в другом конце дома? – спросил Макс.

– Нет. Наверху. Прямо над нами. Просто у Генри сегодня дурное настроение, – ответила Марго.

Макс кивнул и встал:

– Кто-нибудь желает промочить горло?

– Я бы с удовольствием, дорогой, – сказала Мод. – Мне кларет.

Макс взял ее бокал и соблазнительно улыбнулся. В голове Мод крутился вопрос: какую бы причину изобрести, чтобы выбраться из этой отвратительной игры? Ей не хотелось торчать в гостиной, думать о масти карт, козырях и хитроумных ходах. Она мечтала поскорее оказаться в постели и наслаждаться великолепным телом Макса.

Марго тоже заметила улыбку Макса. Пока он шел к винному шкафу, она лукаво посмотрела на Мод.

– Это только мне жарко? Или и другим тоже? – шепотом спросила она, обмахиваясь картами, как веером.

Мод шлепнула ее по руке.

Они перешептывались, смеясь, и не видели, как Макс поднял глаза к потолку. Его улыбка сошла, а в глазах появилась мрачная решимость.

Глава 19

– Ты хочешь разорвать наши отношения. Да? – тихо спросил потрясенный Шейми. – Потому ты и написала мне.

Он сидел на обтянутом синим шелком диванчике в гостиной дома Уилкоттов. Дженни ходила взад-вперед.

– Нет, – торопливо возразила она. – Шейми, все совсем не так. Может, ты позволишь мне договорить до конца?

– Если не это, тогда что? Наверняка что-то случилось. Не представляю, чтобы ты спешно позвала меня на чашку чая.

– Нет, конечно.

Дженни выглянула в коридор, убедилась, что отца поблизости нет, и снова закрыла дверь гостиной. Шейми был прав: что-то действительно произошло. Вчера вечером она написала ему на адрес дома его сестры в Мейфэре, попросив приехать утром, поскольку у нее есть важное сообщение. Новость не давала ей покоя вот уже несколько дней, с тех пор как она побывала у Харриет Хэтчер. Шейми примчался, и теперь она должна ему рассказать. Дальше сдерживаться Дженни не могла.

– Шейми, я беременна, – тихо сказала она.

– Беременна? – удивленно вскинул брови Шейми. – Это значит, у тебя будет ребенок?

– Да. В этом и смысл беременности, в конце которой у женщины рождается ребенок.

Поблудневший Шейми медленно встал.

Дженни смотрела вниз, на сцепленные руки.

– Понимаю, какой это шок, – сказала она. – У тебя ведь много планов, и не во всех присутствую я. Я узнавала насчет домов для незамужних матерей. Есть такие места, где я смогу родить этого ребенка и где ему подберут хорошую семью.

– И думать не смей! – быстро и резко оборвал ее Шейми. – Не говори об этих домах. Выброси их из головы. – Он стремительно подошел к ней, взял за руку и опустился на колено. – Дженни, выходи за меня замуж.

Дженни молча смотрела на него широко распахнутыми, недоверчивыми глазами.

– Выходи за меня, – повторил Шейми. – Я хочу жить вместе с тобой. Хочу, чтобы у нас был дом. Хочу этого ребенка и много других детей. Кучу. Троих или четверых. Шестерых. Десятерых. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

– Но, Шейми, а как же Эрнест Шеклтон и его экспедиция? – робко спросила Дженни.

– Придется Шеклтону совершить бросок через Антарктику без меня. Теперь мое место здесь. С тобой и нашим ребенком. Выходи за меня, Дженни. Скажи «да».

Дженни покачала головой.

– Шейми, я... мне нужно тебе сказать... – тихим, измученным голосом начала она.

– Что? О чем тебе нужно мне сказать? Что ты не хочешь выходить за меня? Что у тебя есть кто-то еще? – со смешанным чувством боли и удивления спросил он.

Дженни вскинула голову.

– Кто-то еще? – переспросила она, явно задетая его вопросом. – Нет у меня больше никого. Как ты вообще мог такое сказать? У меня есть только ты, Шейми. И да... да, я хочу выйти за тебя. Очень хочу. Это я и собиралась тебе сказать. Только это. – Она глубоко вдохнула. – Да, Шейми, я выйду за тебя. Да, да, – повторила Дженни и заплакала.

Шейми подвел ее к диванчику, усадил себе на колени и поцеловал:

– Дженни, я так счастлив. Честное слово. Это так здорово: мы с тобой и наши дети. Я люблю тебя, Дженни. Очень. Я говорил тебе это в Кембридже. С тех пор ничего не изменилось. Как любил тебя тогда, так продолжаю любить и сейчас.

Дженни протяжно выдохнула. Казалось, это был ее первый выдох за многие дни.

– И ты не расстроен? – спросила она.

– Расстроен? Я просто счастлив! С какой стати мне расстраиваться. А ты?

– Ни капельки. Но видишь ли... Моей беременности всего несколько недель. Так говорит Харриет... доктор Хэтчер. Пока все идет прекрасно. Но через несколько месяцев положение изменится.

Шейми озорно улыбнулся:

– Теперь понятно. Ты беспокоишься, что будешь не идти, а переваливаться по проходу, неся свой огромный живот, и все в церкви узнают, что ребеночка мы зачали гораздо раньше брачной ночи. Тебя это волнует?

– Да, – покраснев, ответила Дженни.

– Об этом можешь не волноваться.

– Не волноваться?

– Да. Если кто-то что-то скажет, я просто объясню, что... так получилось.

– Шейми!

– ...В старом, полуразвалившемся хлеву на берегу реки Кам. – Шейми поцеловал ее в губы. – Я расскажу, как нас застиг ливень, как ты заманила меня в хлев и воспользовалась представившейся возможностью, – сказал он, расстегивая пуговицы на ее блузке. – Я оказался совершенно беспомощным и... – Он оттянул камисоль, заглянув внутрь. – Если бы они могли видеть твои... они бы мне поверили.

– Угомонись! – шикнула на него Дженни, застегивая камисоль.

– А они стали еще больше. В смысле, когда ты забеременела. Я слышал, что у беременных всегда так. Надеюсь. Я люблю, когда в том месте много прекрасного тела.

– Шейми, перестань шутить!

– Почему бы мне не пошутить? – удивился он. – В чем причина?

– В чем причина? Ты что, пропустил мои слова мимо ушей? Я не могу идти к алтарю с выпирающим животом!

– Ошибаешься. Я слышал каждое слово. И предлагаю: давай поженимся завтра.

– Завтра?

– Да, завтра. Можем отправиться поездом в Шотландию. В Гретна-Грин⁷. Проведем там ночь, а утром поженимся.

Казалось бы, Дженни нужно радоваться и благодарить Шейми за столь быстрое решение их брачного вопроса. Вместо этого Дженни снова заплакала.

– Дженни... дорогая, да что с тобой?

– Шейми, я не могу поехать в Гретна-Грин. Не могу выходить замуж, когда рядом не будет отца.

– Ничего страшного. Тогда устроим свадьбу здесь. Огласим наши имена в это же воскресенье, идет? За сколько времени до церемонии их нужно оглашать?

– За три недели.

– Тогда через три недели, считая с воскресенья, мы поженимся. Твой отец нас обвенчает. Уверен, и моя сестра захочет внести свой вклад. Устроит нам свадебный завтрак, ланч или что-то в этом роде. – Шейми был возбужден, отчего его речь сделалась торопливой. – Отсюда я отправлюсь прямо к агенту по недвижимости. Подыщу нам уютную квартиру рядом с Гайд-парком. А потом я пойду в мебельный магазин и присмотрю кровать с большим мягким матрасом. Как только мы поженимся, я уложу тебя на эту кровать, и мы с тобой такое устроим!

Говоря, он расстегнул еще несколько пуговиц на блузке Дженни, затем приподнял камисоль и взял в руки ее груди. Поцеловав их, Шейми поцеловал ей шею, губы и нежную впадинку

⁷ Знаменитая шотландская деревня, где браки заключались без соблюдения формальностей, требуемых в других местах.

под ухом. Дженни не противилась его рукам и губам. Она и сама его хотела. Очень хотела. Ей было не дожидаться, когда они поженятся и окажутся в своей квартире, на своей кровати. Ей хотелось ощущать его прикосновения в темноте, слышать, как он шепчет ее имя, и знать, что он действительно принадлежит ей.

– Ой, нет, – пробормотал Шейми, вдруг оборвав поцелуй. – Черт побери!

– Что на этот раз? – спросила Дженни, оправляя камисоль.

– До меня только сейчас дошло. Я же должен пойти к твоему отцу и сказать, что ты беременна. Это после моего-то обещания беречь тебя в Кембридже.

– Не беспокойся... – начала было Дженни, застегивая блузку.

– Не беспокоиться? Нет, я беспокоюсь. Мне до чертиков страшно! Айсберги, морские леопарды, снежные бури меня никогда не пугали. Но сказать преподобному Уилкотту, что я сделал его дочку беременной... это меня всерьез пугает.

– Давай ему не скажем. Повременим, – предложила Дженни, кусая губу.

– Нет, мы должны сказать. Я должен. Так надлежит поступать порядочному человеку.

Шейми встал. Дженни тоже встала, оправляя подол юбки и растрепавшиеся волосы.

– Ты оставайся здесь. Это разговор между твоим отцом и мной. Посиди пока. Я вернусь.

Дженни улыбнулась ему, но, как только за Шейми закрылась дверь, ее лицо исказила гримаса. Дженни была по-настоящему счастлива, однако к ее счастью примешивалось сильное беспокойство. Неожиданная беременность была выше ее надежд. Это граничило с чудом. Шейми и понятия не имел, поскольку она не сказала ему правды ни о шраме, изуродовавшем ей правую сторону, ни о происшествии, которое и стало причиной появления шрама.

В тот день они с подружками играли в мяч. Мяч выкатился на улицу, и Дженни бросилась за ним. Кареты она не видела и, слава Богу, не помнила ни момента столкновения, ни того, как оказалась подмятой передним колесом. Колесо едва ее не раздавило. После долгой рискованной операции доктор Аддисон сообщил родителям, что карета сломала ей пять ребер, разорвала селезенку, вызвала коллапс легкого, уничтожила один яичник и проткнула матку. Врач сделал все, что было в его силах, но посоветовал родителям готовиться к худшему. Если полученные травмы не убили их дочь, то занесенная инфекция вполне может.

– Мы, конечно, прислушались к его мнению, – потом рассказывала Дженни мать, – но уповали на Бога.

Дженни провела в больнице шесть долгих месяцев. Если она не помнила столкновения с каретой, процесс выздоровления она запомнила. Боль от полученных ран, полыхающий огонь внутри, пытавшийся справиться с заражением крови, пролежни, скука. Процесс выздоровления казался ей бесконечным.

Из больницы она вышла слабой, бледной и невероятно исхудавшей, но живой. Только через полгода она набрала несколько фунтов. Восстановление сил заняло еще больше времени, но с помощью родителей ей удалось и это. Пока она восстанавливалась, доктор несколько раз навещал ее дома. В последний раз он принес ей красивую фарфоровую куклу. Повзрослев, Дженни воспринимала эту куклу как утешительный приз, ибо своих детей ей иметь не суждено. Простившись с ней в гостиной, доктор увел мать в коридор – переговорить наедине. Приличия требовали не подслушивать разговоры взрослых, однако Дженни прильнула ухом к двери и все слышала.

– Как вы знаете, миссис Уилкотт, нам удалось сохранить вашей дочери матку, но орган сильно поврежден. У Дженни будут менструации, но выносить и родить ребенка она никогда не сможет. Мне очень жаль. Понимаю, какой это удар для вас и какие душевные муки испытает Дженни, когда подрастет. Но далеко не каждой женщине для счастья нужен муж. Дженни – чудесная, смысленная девочка. Ей лучше всего избрать профессию учительницы, а то и мою. Хорошие медсестры требуются всегда.

Дженни тогда ничего не поняла из слов врача. Ей было всего девять лет, и она, не утрачившая детской непосредственности, не понимала, зачем вообще ей нужен муж, тем более для счастья. Но когда ей исполнилось тринадцать и у нее начались месячные, мать усадила ее рядом и честно рассказала, какие стороны жизни для нее закрыты. Дженни вспомнила слова доктора Аддисона, вдруг ставшие совершенно понятными. Врач намекал матери, что ни один мужчина не захочет жениться на ее дочери, поскольку она не способна иметь детей.

Становясь старше, Дженни убеждала себя, что это вовсе не трагедия. Если она не выйдет замуж, то найдет удовлетворение в работе. Если она не может иметь своих детей, то будет любить малышей, приходивших к ней в класс. Однажды молодой дьякон из отцовской церкви захотел поухаживать за ней. Белолицый, худощавый, с добрым характером. Дженни его не любила, но понравиться ей он вполне смог бы. А поскольку она не любила дьякона, то честно рассказала о своей особенности. Узнав, что с ней не создать полноценную семью, дьякон поблагодарил ее за искренность и быстро переключился на дочку торговца одеждой.

Было еще двое: такой же учитель, как она, и молодой священник. С ними Дженни тоже была честна и потому потеряла обоих. Это задело ее, но не вызвало особых страданий, поскольку и их она не любила.

А потом она встретила Шейми Финнегана и влюбилась по-настоящему – глубоко и страстно.

В тот день в сарае близ реки Кам Дженни сама попросила о близости, не беспокоясь о последствиях. Какие могут быть последствия? Дженни понимала: если она расскажет Шейми правду о шраме, он оставит ее, как и те трое. Ведь она ущербна и не может дать ему то, что дала бы нормальная женщина. И потому Дженни утаила правду.

Перед тем как отдаться Шейми, она мысленно пообещала Богу: «Я потом ему расскажу, но позволь мне сначала познать близость с ним. Позволь хотя бы раз испытать любовь, и я никогда не попрошу о большем».

Когда это произошло и она лежала, счастливая и удовлетворенная, наслаждающаяся запахом Шейми у нее на коже, вкусом его губ на ее губах, она вспомнила об обещании и начала подбирать слова, чтобы рассказать ему о своей особенности. И вдруг, совершенно неожиданно, Шейми признался ей в любви. Дженни почувствовала: не может она сказать тех слов, которые должна. Ей было невыносимо потерять Шейми. Тех, других – да, но только не его.

И потому она ничего не сказала.

Ни тогда на реке Кам, ни сейчас, выслушав его предложение. Она пыталась. Отчаянно пыталась. Она начала говорить, но закончить не смогла.

«Я хочу жить вместе с тобой. Хочу, чтобы у нас был дом. Хочу этого ребенка и много других детей. Кучу. Трех или четверых. Шестерых. Десятерых. Я хочу, чтобы ты стала моей женой», – сказал ей Шейми. После таких слов ее решимость пропала, и она ответила «да». Пусть верит, что она способна родить ему сыновей и дочерей. Она солгала Шейми. Не в том, что сказала, а в том, о чем умолчала.

Дженни твердила себе, что обязательно расскажет ему правду. Это обещание она повторяла, когда они плыли обратно в Кембридж. И потом, в доме тети Эдди, и в поезде, возвращаясь в Лондон. Но она так ничего и не сказала. После той поездки каждое утро, едва проснувшись, Дженни обещала себе рассказать Шейми правду, чего бы ей это ни стоило. И каждый день ей становилось все труднее заговорить на эту тему.

Потом она вдруг обнаружила, что у нее не наступила очередная менструация. Поначалу Дженни не придавала этому значения. Ее менструации никогда не были регулярными, приходя в один месяц пораньше, в другой попозже. Затем в ее душе затеплилась надежда. А вдруг доктор Аддисон ошибался? Вдруг она в состоянии выносить ребенка?

Надеясь вопреки здравому смыслу, Дженни отправилась к Харриет Хэтчер. Та осмотрела ее и произнесла слова, которые Дженни Уилкотт и не рассчитывала услышать: «Вы бере-

менны». Будучи лечащим врачом Дженни и зная о ее травмах, Харриет предостерегла свою пациентку от чрезмерных надежд.

– Вы сумели зачать, и это уже чудо, – сказала доктор Хэтчер. – Но травмы ваших репродуктивных органов никуда не исчезли. Еще не известно, сможет ли ваша матка выносить ребенка до положенного срока.

Узнав о беременности Дженни, Шейми без колебаний принял правильное решение. Последние несколько недель его разрывало между новой экспедицией и оседлой жизнью, но теперь он решил бросить якорь. Он хотел детей. Много детей. Так он сказал. Но зачем ему жениться на женщине, не способной родить даже одного? Никакой мужчина не согласился бы на такое, особенно молодой, обаятельный и знаменитый. Этот мужчина мог бы заполучить любую женщину. Их у него было достаточно, включая блистательную Уиллу Олден.

Дженни знала об Уилле. Иногда журналы публиковали ее восточные фотографии, всегда упоминая, что несколько лет назад Уилла и Шейми поставили рекорд, поднявшись на вершину Килиманджаро. Потом они вспоминали о чудовищном несчастье, в результате которого мисс Олден потеряла ногу. После случившегося она не вернулась в Европу и теперь жила то в Непале, то в Тибете.

Однажды Дженни спросила Шейми про Уиллу. Ей хотелось знать, сохранились ли у него чувства к той женщине. Шейми стал уверять, что нет. Все, что связывало его с Уиллой, навсегда осталось в прошлом. Однако стоило заговорить об Уилле, он сразу изменился в лице, и выражение глаз было отнюдь не безразличным. Он не забыл Уиллу. Он продолжал любить эту женщину, в чем Дженни не сомневалась.

Уилла была на него похожа, а Дженни – нет. Ожидая его возвращения, Дженни в который раз задала себе вопрос, терзавший ее на протяжении всех этих недель: что Шейми в ней нашел? Она не была ни смелой, ни дерзкой. Даже западной части Лондона толком не знала, не говоря уже про Южный полюс. Дженни не могла предложить ему то, что было у Уиллы: общую страсть к открытиям, риск во имя рекордов. С Дженни он мог рассчитывать лишь на домашние радости: спокойную жизнь, семью. Но если с семьей у нее ничего не получится, что тогда?

– Я люблю тебя Дженни. Очень, – говорил он, делая ей предложение.

Эти слова казались ей запредельными, будто Шейми очень хотел любить ее и пытался себя убедить, что действительно любит. Если она потеряет зачатого ребенка, если Шейми узнает правду о ее особенностях, он ее бросит. В этом Дженни была уверена.

К глазам снова подступили слезы. Руки Дженни инстинктивно опустились на живот.

– Ты меня слышишь? – прошептала она. – Малыш, останься со мной. Я тебя очень, очень прошу: останься.

В коридоре послышались шаги. Дженни поспешно смахнула слезы. Дверь гостиной открылась. Вошел отец. Грозно взглянув на дочь, он подошел к ней, обнял за плечи и тихо сказал:

– Должен признаться, я бы предпочел, чтобы это случилось после свадьбы, но я счастлив, что это вообще случилось. Я рад за тебя, Дженни. Искренне рад. Нет большего счастья, чем ребенок. Я это знаю, ибо помню, какое счастье ты подарила мне своим появлением на свет.

– Спасибо, папа, – срывающимся голосом сказала Дженни.

– Да. Ладно. Входи, парень! – зычно крикнул преподобный Уилкотт. Дверь открылась, и в гостиную вошел Шейми. – У меня в кухне остался шерри, – продолжал священник. – Схожу за ним. Думаю, нам самое время выпить.

Едва он ушел, Шейми порывисто обнял Дженни и прошептал:

– Твой отец меня не убил. В это воскресенье он огласит нас, а через три недели обвенчает.

– Шейми! Как это здорово!

– Конечно здорово. У меня от сердца отлегло. Твой отец повел себя гораздо лучше, чем я думал. Гораздо лучше, чем повел бы себя я в схожих обстоятельствах. – Он приложил руку

к животу Дженни. – Если у нас родится девочка, я постараюсь уберечь ее от таких, как я, – засмеялся он. – Жду не дождусь, когда стану твоим мужем. И отцом нашего ребенка. Это все, о чем я мечтаю. Честное слово.

Дженни вяло улыбнулась, посмотрела на Шейми, и ее вдруг обуял ужас. Она попыталась подавить тяжелые предчувствия и даже мысленно отчитала себя за глупость. Надо благодарить Бога за крошечную жизнь, растущую в ней. За чудо, которого она удостоилась.

Девять месяцев, думала Дженни. Это все, что мне нужно. Через девять месяцев, считая от сегодняшнего дня, Шейми будет держать на руках нашего ребенка. Он будет счастлив. Доволен ребенком, своей новой жизнью и... мной.

Глава 20

– Три миллиона фунтов на какие-то лодки! – Джо Бристоу сидел в кабинете своего особняка в Мейфэре. – И сколько их мы получим за эти деньги? Две? Три?

– Восемь. И это не лодки, а корабли, – ответил человек, сидящий по другую сторону стола. – Совершеннейшие военные корабли, какие когда-либо строились.

Он выпил виски, встал и подошел к окну.

Разглядывая Джорджа Бёрджесса, Джо думал о непоседливой натуре собеседника. Бёрджесс отличался бледностью лица, усыпанного веснушками. Его светлые, с рыжиной, волосы начали редеть. Известность пришла к Бёрджессу рано. В двадцать девять лет он уже был героем войны и признанным писателем. Впоследствии занимал разные должности в парламенте, успев побывать министром по делам колоний. Нынче он являлся вторым лордом Адмиралтейства и в этом качестве нанес визит Джо, чтобы уговорить упряма Бристоу поддержать призыв Черчилля к постройке флотилии дредноутов.

Если бы не Бёрджесс, Джо сидел бы сейчас внизу, на семейном обеде. Был чудесный апрельский вечер. Сегодня Фиона пригласила на обед родителей Джо, его братьев с семьями, Шейми с невестой Дженни Уилкотт и дюжину близких друзей. У Шейми и Дженни через две недели свадьба, и сегодняшней обед в основном касался свадебных приготовлений. Джо едва успел занять место за столом, как прибыл Бёрджесс, сказав, что должен переговорить с ним по неотложному государственному делу и что вскоре к ним присоединится еще один человек из Адмиралтейства. Извинившись перед гостями, Джо поднялся с Бёрджессом в домашнем лифте на второй этаж и проводил в свой кабинет, где между ними началась напряженная, жаркая дискуссия. Их разговор длился уже более часа. Джордж непреклонно отстаивал свою позицию. Англии нужен не один новый дредноут, о чем Черчилль просил парламент, а новая флотилия дредноутов. Джо столь же бескомпромиссно противился идее выделения правительством трех миллионов фунтов на военные нужды.

– Джордж, мне плевать, насколько они совершенны, – говорил Джо. – Моим избирателям не нужны дредноуты. Они вообще не хотят военных кораблей. Они хотят новые школы, больницы и парки. И рабочие места. Прежде всего они хотят работы.

– Что ж, они получают работу. На военных заводах кайзера, – запальчиво ответил Бёрджесс. – Он собирается построить несколько таких в доках Темзы, как только захватит Англию.

– Это не что иное, как подстрекательство к войне! – с жаром парировал Джо. – Вы же сами говорили, что демонстрацией силы хотите подавить военную агрессию. Однако сейчас вы пользуетесь каждой возможностью, призывая к той самой войне, которую желаете избежать!

– Мне незачем призывать к войне. Она уже идет. Я вам больше скажу...

Слова Бёрджесса прервал стук в дверь.

– Входите! – сердито крикнул Джо.

В кабинете неожиданно для Джо появился Альби Олден, друг Шейми.

– Альби, дружище, привет. Обед внизу. Шейми и Дженни...

– Он будет участвовать в нашем разговоре, – прервал его Бёрджесс.

– Постойте, Альби и есть ваш человек из Адмиралтейства? – удивился Джо. – Альби Олден?

– Наконец все в сборе, – сказал Бёрджесс и нетерпеливо махнул Альби. – Входите, дружище. И хорошенько закройте дверь.

Альби послушно запер дверь, после чего подошел к столу, открыл портфель и подал Бёрджессу толстую папку. Бёрджесс развязал тесемки папки, бегло просмотрел содержимое, хмыкая и отпуская ругательства, после чего шумно опустил папку на стол.

– Прочтите это, – сказал он Джо. – Прочтите, а потом еще раз скажите мне, что нам не нужны корабли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.